24
К-29-11

ИСТОРІЯ ПОПЫТОКЪ

КЪ СОЕДИНЕНІЮ ЦЕРКВЕЙ

ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ

ВЪ ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ВѢКА ПО ИХЪ РАЗДѢЛЕНІИ

А. Катанскаго

БИБЛІОТЕКА
МАГАЗИНЪ
АХМАТОВА
ВЪ ТВЕРИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39
1868

В
3

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» за 1867 и 1868 года.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1140
31

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Причины, подготовившія раздѣленіе церквей греческой и латинской 1
Церковно-историческое значеніе попытокъ къ соединенію церквей и раздѣленіе исторіи этихъ попытокъ въ первые четыре вѣка по раздѣленіи церквей 29

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I. **Состояніе вопроса о соединеніи церквей въ первые полтора вѣка по ихъ раздѣленіи** (съ пол. XI до нач. XIII в.)

Значеніе этого періода времени для исторіи попытокъ къ церковной уніи 33
Усиленіе религіозно-національной непріязни въ народныхъ массахъ востока и запада особенно во время крест. походовъ . —
Обстоятельства, сближавшія востокъ и западъ несмотря на ихъ взаимную антипатію и характеръ сношеній этого времени по вопросу о соединеніи церквей 42
Сношенія востока и запада—передъ началомъ крест. походовъ 44
— во время перваго и втораго крест. походовъ 49
— и около третьяго крестов. похода 66
Отношеніе греч. духовенства того времени къ вопросу объ уніи 72

ГЛАВА II. **Попытки къ соединенію церквей со времени взятія латинянами константинополя и во время латинскаго господства въ восточной имперіи** (въ перв. полов. XIII стол.)

Сходство этого періода времени съ предъидущимъ въ общемъ направленіи событій. Наибольшее развитіе національно-религіозной непріязни между латинянами и греками въ это время. 75
Завоеваніе константинополя латинянами, какъ попытка запада рѣшить вопросъ о соединеніи церквей силою оружія; крайняя несостоятельность этой попытки и ея слѣдствія для вопроса о церковной уніи 78
Причины и характеръ сношеній между греками и латинянами во времена существованія латинской имперіи 93
Религіозно-политическія сношенія греческихъ владѣтелей остатковъ византійской имперіи съ западомъ — до тридцатыхъ годовъ XIII стол. 94
— съ тридцатыхъ годовъ: соборы въ Никеѣ и Нимфеѣ и другія сношенія запада и востока 98
Отношеніе восточнаго духовенства этого времени къ вопросу объ уніи и характеристика Влеммида. 113

Стран.

Заключеніе первой части: общая характеристика 200-лѣтняго періода—отъ раздѣленія церквей до Ліонской уніи 116

ЧАСТЬ II.

Характеристика втораго 200-лѣтняго періода — отъ Ліонскаго собора до паденія восточной имперіи; перемѣна въ характерѣ отношеній греч. востока къ вопросу объ уніи; отношеніе запада къ этому вопросу 118

ГЛАВА I. **Ліонская унія** (посл. полов. XIII стол.)

Характеръ ея и сравненіе съ Флорентинской. 124

Первый ея періодъ. Характеръ перваго ея періода; постоянныя сношенія имп. М. Палеолога съ западомъ и подготовленіе имъ греч. духовенства къ уніи 127

Второй періодъ. Ліонскій соборъ и смуты въ греческой церкви: редакція духовенства и народа противъ уніи; малочисленность приверженцевъ уніи; призрачность соединенія; разрывъ латинской церкви съ уніатами 138

Третій періодъ,—періодъ возвращенія къ прежнему положенію дѣлъ до уніи. Дѣйствія крайнихъ противниковъ уніи преимущественно монаховъ противъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ поборниковъ уніи: эпитиміи на духовенство и народъ; соборы на главныхъ защитниковъ уніи; гоненія на послѣднихъ. Продолженіе волненій въ греч. церкви: споры объ исхожденіи св. Духа; новый соборъ. Возобновленіе литературной полемики между главными защитниками уніи и ея противниками. 171

Характеристика Векка, главнаго защитника уніи 184

ГЛАВА II. **Попытки къ соединенію церквей между Ліонской уніей и Флорентинскимъ соборомъ** (въ XIV стол. и въ началѣ XV)

Состояніе вопроса объ уніи на западѣ и востокѣ въ это время: совершенное устраненіе себя греческимъ духовенствомъ отъ участія въ рѣшеніи этого вопроса; безучастіе къ нему народныхъ массъ западныхъ и восточныхъ въ означенное время . 190

Сношенія греч. императоровъ съ французск. и неаполитанск. дворами и Авиньонскими папами,—въ первую полов. XIV ст. 195

Оживленіе этихъ сношеній между греч. императорами, тѣснимыми со стороны турокъ и папами, дѣлающими попытки возвратиться изъ Авиньона въ Римъ, — въ перв. четверть втор. полов. XIV ст. 217

Ослабленіе сношеній между византійскими императорами, данниками турокъ и римскими папами во время великаго раскола въ римской церкви, — въ послѣд. четверть XIV ст. и въ началѣ XV. 233

Очеркъ Флорентинской уніи (въ перв. полов. XV ст.).

Главнѣйшія ея событія; характеръ ея и сравненіе съ Ліонской. 236

Заключеніе. — Взглядъ на всѣ вышеизложенныя попытки къ соединенію церквей 432

Вопросъ о соединеніи церквей принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые такъ медленно разъясняются, что проходятъ цѣлые вѣка прежде, чѣмъ они хоть нѣсколько приблизятся къ своему рѣшенію или по крайней мѣрѣ вступятъ въ тотъ фазисъ развитія, который незамѣтнымъ образомъ приближаетъ ихъ къ окончанію. Не смотря на всю медленность своего развитія въ теченіи 8 вѣковъ этотъ вопросъ двинулся однако на столько, что въ настоящее время можно уже подмѣтить нѣсколько фазисовъ въ его развитіи. Именно, по нашему мнѣнію, онъ прошелъ два періода, и въ настоящее время для него наступаетъ третій. Изъ вопроса, рѣшаемаго оффиціальнымъ путемъ правительствами и духовенствомъ той и другой стороны посредствомъ обоюдныхъ договоровъ словесныхъ и сдѣлокъ на бумагѣ, онъ превращается—около времени реформаціи съ паденіемъ греческой имперіи, съ умноженіемъ различныхъ орденовъ въ западной церкви, въ особенности съ появленіемъ іезуитскаго ордена и другихъ близкихъ

къ нему по духу, — въ вопросъ рѣшаемый въ средѣ народныхъ массъ средствами нравственными по преимуществу, и только въ рѣдкихъ случаяхъ оффиціальными. Начинается ловкая, по большей части замаскированная пропаганда съ одной стороны, и глухая борьба народныхъ массъ—съ другой. Но такъ какъ ни оффиціальныя сдѣлки во время существованія греческой восточной имперіи, ни нравственное, хотя и весьма ловкое, насиліе въ средѣ новыхъ православныхъ народностей, по преимуществу славянскаго племени, не привели къ давно ожидаемому единенію церквей, то въ настоящее время къ рѣшенію этого вопроса хотятъ итти по иному совершенно новому пути. Вопросъ переходитъ въ область науки. За его рѣшеніе берется наука, надѣясь, что своимъ безпристрастіемъ она съумѣетъ умиротворить церковь Христову, что она найдетъ чистую истину, которая привлечетъ къ себѣ всѣ христіанскія общества. На западѣ образуются даже общества, по преимуществу людей ученыхъ съ цѣлію примиренія вѣроисповѣданій. Наука о вѣроисповѣданіяхъ изъ полемическаго богословія превращается въ примирительное (ириническое (1). Таково положеніе вопроса въ настоящее время, послѣ осьми вѣковъ со времени его появленія.

Мы избрали для своего очерка первые четыре вѣка, когда вопросъ только что появился и былъ въ первомъ періодѣ своего развитія, когда онъ рѣшался по пре-

---

(1) Увѣнчается ли эта новая попытка доставить церкви миръ желаннымъ успѣхомъ, мы находимъ неумѣстнымъ разсуждать объ этомъ здѣсь, а отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ, помѣщенной въ „Прав. Обозр.“ за 1865 г. янв. и февр. подъ загл. „Вопросъ о соединеніи церквей“, гдѣ читатель найдетъ и подробную характеристику различныхъ періодовъ развитія этого вопроса.

имуществу на православномъ греческомъ востокѣ и когда еще существовала греческая восточная имперія.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію самыхъ попытокъ къ соединенію церквей въ этотъ періодъ, постараемся сдѣлать коротенькій очеркъ обстоятельствъ, подготовившихъ окончательное распаденіе церквей въ XI вѣкѣ.

Обстоятельства, подготовившія раздѣленіе церквей, были двоякаго рода. Одни возникли на почвѣ давняго международнаго соперничества національностей греческой и латинской. На этой почвѣ, благодаря множеству благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, сперва явилось соперничество между представителями восточной и западной церкви: константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папою, а потомъ непріязнь и между всѣмъ восточнымъ и западнымъ духовенствомъ, принявшимъ сторону своихъ представителей. Другаго рода причины скрывались въ различномъ направленіи церквей восточной и западной, въ слѣдствіе чего явились разности во взглядахъ, въ ученіи и въ учрежденіяхъ той и другой. Причины перваго рода нанесли ударъ искреннему, сердечному *единодушію*, а причины втораго рода — *единомыслію* въ отношеніяхъ между церквами.

1) Не придавая особенной первостепенной важности національнымъ предубѣжденіямъ и соперничеству, издавна существовавшимъ между греческимъ востокомъ и римскимъ западомъ, не считая ихъ прямыми причинами раздѣленія церквей, мы однакожъ не можемъ пройти ихъ совершеннымъ молчаніемъ, такъ какъ эти не совсѣмъ пріязненныя чувства, какія питали греки ко всему римскому и на оборотъ римляне ко всему греческому, служили очень удобною почвою для того, чтобы

въ послѣдствіи при содѣйствіи многихъ другихъ важныхъ обстоятельствъ, на этой почвѣ глубоко пустили корни, развились, созрѣли и принесли свои плоды сѣмена церковнаго раздора. Еще за долго до Р. Хр. началось соперничество греческаго и латинскаго племени за господство и преобладаніе. Внѣшнее преобладаніе оставалось всегда на сторонѣ римлянъ, внутреннее—интеллектуальное на сторонѣ грековъ. Римляне смотрѣли на грековъ, какъ на подчиненныхъ себѣ, какъ на существа ниже себя, а греки на римлянъ, какъ на варваровъ и притѣснителей, какъ на грубую, необразованную силу (1). На всемъ западѣ отъ Адріатическаго моря до океана чувствовалось господство и преобладаніе римскаго племени, на всемъ востокѣ отъ Адріатическаго моря до Евфрата и Инда—греческаго племени. Разность была во всемъ: и въ языкѣ и въ нравахъ, и въ цивилизаціи. И эту разность не могли сгладить всѣ усилія римскихъ императоровъ. Не смотря на всѣ усилія послѣднихъ сдѣлать римскій языкъ вездѣ господствующимъ, они никогда не могли достичь того, чтобы на востокѣ говорили полатинѣ; большимъ уваженіемъ пользовался греческій языкъ на западѣ, но все-таки онъ никогда не могъ сдѣлаться господствующимъ,

(1) Извѣстный римскій способъ обращенія съ завоевываемыми странами и множество злоупотребленій въ римскомъ управленіи завоеванными уже провинціями—все это не могло конечно содѣйствовать сближенію, пріязни двухъ народностей, побѣдителей и побѣжденныхъ. При завоеваніи Греціи, вѣками собранныя сокровища богатыхъ греческихъ городовъ и государствъ—Сиракузъ, Тирсита, Епира, Македоніи, южной Греціи, Кипра, Пергама, Сиріи,—были вывезены въ Римъ и пошли на удовлетвореніе арміи, черни, сенаторовъ и полководцевъ. И въ послѣдующее время римляне не задумывались брать въ покоренныхъ странахъ все, что имъ вздумается и когда вздумается. Проконсулы, управлявшіе провинціями, поступали точно такимъ же образомъ.

встрѣчая себѣ сильную оппозицію въ римскихъ патріотахъ, подобныхъ Катону, ненавидѣвшему все греческое, начиная съ языка. Чувство взаимной антипатіи въ этихъ двухъ народностяхъ было слишкомъ сильно, національной гордости у того и другаго народа было также слишкомъ много для того, чтобы не допустить обѣ народности не только до сліянія въ одну, но и до простыхъ дружественныхъ отношеній другъ къ другу. Какъ обыкновенно бываетъ въподобныхъ случаяхъ, оба народа были несправедливы другъ къ другу. Греки, напр., не допускали ни одной хорошей мысли въ римской литературѣ, которая бы не была, по ихъ мнѣнію, заимствована у нихъ (1). Римскіе поэты, ораторы, историки, каковы напр. Цицеронъ, Плавтъ, Виргилій, Ювеналъ, Плиній, Тацитъ съ своей стороны изощряли свое остроуміе въ насмѣшкахъ надъ греками.—Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія между римскимъ западомъ и греческимъ востокомъ, когда совершилось весьма важное для международныхъ отношеній событіе: столица имперіи перенесена Константиномъ В. (325 г.) во вновь построенный имъ Константинополь. Это событіе не только не улучшило взаимныхъ отношеній между двумя главнѣйшими народностями тогдашняго міра, но еще способствовало болѣе широкому развитію непріязненныхъ чувствъ взаимнаго между ними соперничества. Съ перенесеніемъ столицы на греческій востокъ, послѣдній почувствовалъ себя наконецъ освобожденнымъ отъ такъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ рабства и униженія; мало того онъ началъ сознавать себя господиномъ запада, хотя и не надолго. Скоро по смерти К. В. оконча-

(1) Strabo Geogr. 3. Paris 1853.

тельно образовалась отдѣльная имперія на западѣ (395 г.); но и тогда у востока оставалось все-таки по крайней мѣрѣ сознаніе совершеннаго равенства съ римскимъ западомъ. Какъ всегда бываетъ съ людьми, долго терпѣвшими униженіе, это сознаніе дѣлалось нѣсколько преувеличеннымъ, ревниво охраняющимъ свои права, гордымъ. Константинополь сдѣлался для востока предметомъ гордости; съ этимъ городомъ греческій народъ навсегда соединилъ всѣ свои надежды и мечты (1). Константинополь, если можно такъ выразиться, сталъ больнымъ мѣстомъ у грековъ, прикасаться къ которому особенно римскому западу было опасно. Римскому же западу было трудно отказаться отъ прежнихъ чувствъ пренебреженія, неуваженія къ востоку. Чувство зависти къ возраставшему могуществу Константинополя только усиливало прежнія его чувства къ грекамъ. На Константинополь Римъ началъ смотрѣть, какъ на ничтожное мѣстечко, обнаруживавшее однакожъ претензіи на одинаковое къ себѣ уваженіе наравнѣ съ нимъ, столицею міра, городомъ прославленнымъ во всемъ мірѣ. Слава и величіе Рима всегда были предметомъ самымъ близкимъ сердцу римлянъ, а теперь съ возвышеніемъ Константинополя — особенно, еще болѣе, чѣмъ прежде. Итакъ чувство соперничества между востокомъ и западомъ со времени основанія Константинополя усилилось.—Вскорѣ послѣ возвышенія Константинополя Римъ началъ клониться къ паденію. Чѣмъ слабѣе становился Римъ, чѣмъ болѣе трепеталъ онъ за свою славу, тѣмъ дороже ста-

(1) Отсюда разсказы древнихъ историковъ (Созом. 11, 3. Зонары 13, 3) о различныхъ чудесахъ, сопровождавшихъ основаніе Константинополя. Отсюда увѣренность въ вѣчномъ существованіи города, явившаяся у грековъ въ средніе вѣка въ слѣдствіе многочисленныхъ легендъ о его построеніи.

новилась для него послѣдняя и тѣмъ шире разрасталось у него чувство ревности къ своему сопернику. Римъ терпѣлъ крайнее униженіе въ войнахъ съ германскими племенами, нападавшими на имперію. Но верхомъ униженія для него было то, что онъ принужденъ былъ въ трудныхъ своихъ обстоятельствахъ искать помощи у своего соперника—Константинополя. А между тѣмъ востокъ самъ былъ слабъ, не смотря на свою гордость; онъ не могъ помочь западу. Онъ не въ состояніи былъ воспользоваться благопріятной минутой, чтобы доказать всему міру, что новый Римъ достоинъ стать наравнѣ съ древнимъ по своимъ доблестямъ и заставить чрезъ то западныхъ недоброжелателей относиться къ себѣ съ уваженіемъ и съ благодарностію. Мало того востокъ положительно вредилъ западу. Извѣстенъ фактъ: императоръ Зенонъ самъ указалъ варварамъ (Остъ-Готамъ) на Италію, какъ на вѣрную добычу, которую дѣйствительно Остъ-Готы и завоевали. Такія отношенія не могли, конечно, содѣйствовать искорененію старой непріязни между западомъ и востокомъ. Застарѣлое неуваженіе запада къ востоку должно было получить еще новую силу при доказанной самими событіями слабости восточной имперіи, при поразительномъ несоотвѣтствіи ея гордости и претензій съ ея силами. А недоброжелательство ея къ родственной ей западной имперіи естественно должно было сопровождаться, кромѣ потери уваженія, еще и положительными враждебными отношеніями запада къ востоку. Въ свою очередь и на востокѣ не могли питать уваженія и сочувствія къ разрушившейся имперіи, къ слабымъ потомкамъ древнихъ римлянъ, которые однакожъ продолжали считать себя по прежнему первою націею въ мірѣ, хотя въ настоящемъ ничто не

давало имъ на то права. Итакъ и бѣдственныя для западной имперіи времена нисколько не сблизили востокъ и западъ. — Въ VI в. однакожъ обстоятельства разъ приняли такой оборотъ, что будь восточная имперія посильнѣе и повеликодушнѣе, взаимныя отношенія между обѣими сторонами могли бы значительно улучшиться. Побѣды Велизарія надъ призванными восточными же императорами въ Италію Остъ-Готами положили начало господству восточныхъ императоровъ въ Италіи. Изъ завоеванныхъ земель основанъ экзархатъ въ видѣ одной изъ провинцій восточной имперіи. Восточные императоры не въ силахъ были, а кромѣ того и не хотѣли, быть можетъ, вполнѣ возстановить западную имперію и тѣмъ заслужить себѣ благодарность и уваженіе западнаго міра. Кончилось тѣмъ, что господство грековъ въ Италіи еще разъ привело въ ближайшее столкновеніе двѣ, издавна не питавшія другъ къ другу симпатіи народности, и только дало Италіи случай взвѣсить сравнительную тяжесть ига греческаго и варварскихъ народовъ. Сравненіе оказалось далеко не въ пользу господства грековъ. Съ этихъ поръ взоры римскаго запада окончательно обратились на варварскіе народы; между ними сталъ искать Римъ себѣ покровителей и защитниковъ отъ другихъ народовъ и отъ господствовавшей въ то время анархіи. Такихъ защитниковъ Италія вскорѣ и нашла себѣ во Франкахъ и ихъ корояхъ. Такимъ обрразомъ можно сказать, что народная связь порвалась между востокомъ и западомъ еще ранѣе, чѣмъ религіозная, именно съ того времени, какъ въ силу историческихъ обстоятельствъ они выведены были изъ необходимости, не смотря на отсутствіе взаимнаго сочувствія, тяготѣть однакожъ другъ къ другу,

волею или неволею находиться въ ближайшихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—съ тѣхъ поръ, какъ востокъ и западъ стали жить совершенно отдѣльною жизнію, имѣя свои надежды, отдѣльные центры тяготѣнія и пр. Конечно, всѣхъ этихъ обстоятельствъ еще было весьма недостаточно для того, чтобы произвести церковный разрывъ, но они могли служить важнымъ подготовительнымъ средствомъ къ его появленію; они способствовали политическому и нравственному разъединенію народныхъ массъ; они много содѣйствовали появленію и усиленію несогласій и раздоровъ въ средѣ іерархіи восточной и западной.

Антагонизмъ высшаго духовенства восточнаго и западнаго возникъ на почвѣ народнаго антагонизма. Замѣчательно, что раздоры между іерархіей востока и запада съ особенною силою заявляютъ себя со временъ возвышенія Константинополя на степень новой столицы, новаго Рима (1). Давнее раздраженіе, существовавшее между востокомъ и западомъ, и неоднократно заявлявшее себя и прежде въ сферѣ церковныхъ отношеній (2),

---

(1) Правда и прежде не разъ возникали неудовольствія между востокомъ и западомъ — именно по поводу празднованія Пасхи во II и III в. римскіе папы съ высокомѣріемъ относились къ востоку (Викторъ I и Стефанъ III); восточные епископы (Иріней, Кипріанъ, Фирмиліанъ и др.) и цѣлые соборы (Африканскій и Каппадокійскій) жаловались на западную гордость. Но то были только зародыши будущаго антагонизма между іерархіею востока и запада. Евсев. ист. кн. V, гл. 24. Ист. патр. Досиѳ. кн. 1. гл. 16 и 17.

(2) Въ періодъ отъ построенія Константинополя до Халкидонскаго собора уже довольно явно обнаружились—недостатокъ сочувствія и холодность въ отношеніяхъ запада къ востоку. Утомленные безконечными спорами и распрями по случаю аріанской ереси восточные отцы обратились за помощію къ западу, но встрѣтили тамъ такое безучастіе къ бѣдствіямъ востока, что Василій В. принужденъ былъ съ горечью жаловаться на западную гордость; тоже высказывали и другіе вост. отцы

наконецъ въ V в. выразилось въ ясныхъ положительныхъ формахъ, въ формахъ борьбы изъ-за взаимныхъ правъ римскаго папы и константинопольскаго патріарха, начавшейся со времени IV Халкидонскаго собора (451 г.). Непріязненныя между ними отношенія, начавшіяся въ это время и продолжавшіяся до окончательнаго раздѣленія церквей въ XI в., отличались неодинаковымъ характеромъ въ первую и вторую половину этого періода. Въ первую половину (до VIII в.) они еще не достигли той степени напряженія, какую пріобрѣли въ послѣднюю (VIII—XI в.), хотя и заявили себя ощутительнымъ образомъ.

Римскіе папы начинали уже довольно сильно стремиться въ первую половину этого періода къ главенству надъ всею церковію и потому не хотѣли никого признавать себѣ равнымъ. Константинопольскіе же епископы считали себя равными папѣ, уступая ему только право первенства.—Римскіе папы, надмѣнные величіемъ Рима, столицы міра, гордясь далѣе тѣмъ, что они преемники первоверховнаго ап. Петра, не могли никакъ примириться съ мыслію, что кто нибудь могъ быть имъ равенъ. Обстоятельства благопріятствовали имъ укрѣпиться въ этой мысли. Еще когда были императоры на западѣ, они почти совершенно вышли изъ-подъ вліянія послѣднихъ, благодаря тому обстоятельству, что послѣдніе императоры жили большею частію въ Равеннѣ и Медіоланѣ; когда западная римская имперія пала и Римъ находился во власти или новыхъ германскихъ народовъ или восточнаго императора (съ VI в.), недостатокъ постоянной и прочной власти много способствовалъ неза-

бывшіе на II всел. соб. См. письм. 66 въ Тв. Св. Отц. X, 177—178. Theodoret. lib: V. c. 8, 9.

висимости папъ. Такимъ образомъ во все время отъ V до VIII в. папы были совершенно почти самостоятельными, независимыми и могли на просторѣ предаваться своимъ честолюбивымъ мечтамъ. Мало того они въ этотъ періодъ пріобрѣли дѣйствительно огромное вліяніе на западѣ. Ихъ вліяніе отражалось не только на римлянахъ, но и на самихъ варварахъ; они нерѣдко являлись спасителями Рима отъ варваровъ, какъ это видимъ въ примѣрѣ Льва и Григорія Великихъ; почему на папъ устремлены были взоры всего запада болѣе, чѣмъ на самихъ императоровъ. Даже востокъ въ эту эпоху не мало былъ обязанъ Риму и папамъ; папы всегда сохраняли строгое православіе; во время свирѣпствовавшихъ на востокѣ ересей, когда почти весь востокъ, начиная съ императоровъ и патріарховъ, былъ наполненъ еретиками, Римъ оставался единственнымъ убѣжищемъ отъ гоненій и смутъ религіозныхъ.—Не удивительно послѣ всего этого, что римскіе папы, гордые величіемъ Рима и преемствомъ своей власти отъ ап. Петра, независимые отъ свѣтской власти, пользовавшіеся огромнымъ вліяніемъ не только на западѣ, но отчасти и на востокѣ, всегда православные, съ высокомѣріемъ смотрѣли на константинопольскихъ патріарховъ, отнюдь не считая ихъ себѣ равными. Послѣдніе представлялись папамъ 1) епископами новаго города, бывшаго такъ еще недавно незначительнымъ мѣстечкомъ, неосвященнаго кромѣ того пребываніемъ въ немъ не только первоверховнаго, но и никакого Апостола, 2) епископами незначительной территоріи (такъ какъ на востокѣ кромѣ Константинополя были еще другіе патріархи: Александр., Антіох. и Іерусал.); 3) далеко не имѣвшими даже въ своей собственной небольшой патріархіи, благодаря своей зависи-

мости отъ восточныхъ императоровъ, того вліянія, какимъ они сами (папы) пользовались всегда на западѣ; 4) наконецъ епископами, впадавшими весьма часто въ догматическія заблужденія. Однимъ словомъ папамъ представлялось величайшею дерзостью стремленіе конст. епископовъ сравняться съ ними—епископами римскими.— Патріархи константинопольскіе напротивъ смотрѣли на себя, какъ на епископовъ царствующаго града, новаго Рима, слѣд. какъ на имѣющихъ полное право на равенство съ римскимъ, какъ это издавна утверждено за епископами главнѣйшихъ городовъ общимъ церковнымъ обычаемъ и церковными правилами, видѣли въ себѣ далѣе истинныхъ преемниковъ власти апостольской, не мѣшающихся въ дѣла мірскія, воздающихъ касарева кесареви, чуждыхъ недостойнаго высокомѣрія западныхъ своихъ собратій, наконецъ считали себя неутомимыми тружениками на поприщѣ разъясненія еванг. истины, между которыми правда были и заблуждавшіеся, но были и такіе святые и мудрые мужи, какихъ не имѣлъ западъ, православный всегда болѣе по неспособности и неохотѣ заниматься догматическими вопросами, чѣмъ по ясному сознанію сущности православія. Римскимъ епископамъ они уступали право первенства чести, во всемъ остальномъ считая себя совершенно имъ равными.—Въ V в., какъ мы сказали, открылась между обѣими сторонами борьба, въ первый періодъ впрочемъ болѣе сдержанная, чѣмъ въ послѣдующее время, благодаря многимъ обстоятельствамъ, глав. же обр. общей имъ обѣимъ зависимости отъ восточнаго императора (папы болѣе или менѣе зависѣли отъ греч. императоровъ съ первой половины VI до начала VIII в.). Въ періодъ отъ V по VIII в. борьба папъ съ конст. пат-

ріархами обнаружилась по слѣдующимъ поводамъ: 1) по случаю уравненія конст. патріарха съ римскимъ епископомъ (на Халкидонскомъ соборѣ); 2) по поводу вмѣшательства конст. патріарха (Акакія) въ дѣла восточныхъ патріарховъ; 3) по случаю усвоенія конст. патріарху титла „вселенскаго".

Довольно долго терпѣли папы возвышеніе конст. патріарха; не вооружались противъ послѣдняго, когда онъ занялъ по 3-му прав. II всел. собора (381 г.) *второе по римскомъ епископѣ мѣсто* въ ряду другихъ патріарховъ, какъ епископъ новаго Рима. Но они не могли стерпѣть, когда спустя 70 лѣтъ на IV всел. соборѣ Халкидонскомъ (451 г.) 28-мъ правиломъ константинопольскому епископу усвоено было прямо *равенство съ римскимъ*, какъ епископу царствующаго града новаго Рима, а римскому епископу уступалось только первенство чести. Папскіе легаты, соглашаясь допустить предсѣдательство конст. патріарха предъ прочими восточными патріархами (1), никакъ не могли допустить равенства его съ римскимъ, опасаясь очевидно, чтобы конст. патріархъ, сильный своею близостію къ императору, вмѣстѣ съ равенствомъ въ послѣдствіи не восхитилъ и первенства. Не смѣя однакожъ аподиктически, прямо настаивать на своемъ протестѣ, легаты на Халкидонскомъ соборѣ прибѣгли къ разнымъ уловкамъ. Сперва они старались посѣять разладъ между константинопольскимъ и прочими восточными патріархами, вы-

(1) Легаты, не хотѣвшіе подписать 28 пр., подписали однакожъ другое правило, которымъ предоставлялось конст. патріарху право принимать апелляціи на митрополитовъ другихъ восточныхъ патріарховъ. И еще: легаты сами хотѣли, чтобы К. патріарху принадлежало второе мѣсто, высказывая недоумѣніе, почему Флавіанъ, п. К., на Ефесскомъ соборѣ занималъ пятое мѣсто.

ставляя унизительнымъ для нихъ возвышеніе конст. патріарха. Потомъ заподозрили, хотя неудачно, подлинность 3-го пр. II-го всел. соб. Наконецъ рѣшились даже на обманъ: исказили 6-е пр. того же собора, но тутъ же были обличены. Кончилось тѣмъ, что всѣ восточные отцы подписали 28 пр. IV всел. соб.; не подписались подъ нимъ одни папскіе легаты.—Чувство неудовлетвореннаго римскаго самолюбія и желаніе унизить конст. патріарха вскорѣ принудили папу воспользоваться ненамѣренною погрѣшностью К. п. Акакія (471 г.), принявшаго по невѣдѣнію въ свое общеніе монофизита Петра Могга и доставившаго послѣднему Александрійскую каѳедру. Папа осмѣлился позвать обоихъ патріарховъ въ Римъ къ себѣ на судъ; а когда послѣдніе не явились, отлучилъ ихъ отъ церкви. Долго послѣ того (35 лѣтъ) именемъ Акакія пользовались папы для униженія конст. патріарховъ. Отъ каждаго вновь восходящаго на патріаршую каѳедру они требовали, чтобы онъ исключилъ имя Акакія изъ церковныхъ диптиховъ. Но конст. патріархи (исключая еретика Флавиты, который этою цѣною купилъ себѣ признаніе Рима въ патріаршемъ достоинствѣ) оставались непреклонными. Пробовали они, побуждаемые общимъ на востокѣ желаніемъ востановить церковный миръ, нѣсколько разъ писать папамъ, оправдывая Акакія, но всегда безъ успѣха. Церковный разрывъ продолжался 35 лѣтъ (483—517). Папы исключали имена всѣхъ патріарховъ, несогласавшихся осудить Акакія, а патріархи — папъ. Наконецъ п. Іоаннъ II Каппадокіянинъ, побуждаемый требованіемъ народа, желавшаго церковнаго мира, рѣшился на уступку Риму, хотя и не полную. Онъ призналъ Акакія виновнымъ, но только въ томъ, что онъ невинно по-

БИБЛІОТЕКА ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

кровительствовалъ еретику. Единеніе церковное было востановлено. Папа достигъ своей цѣли отчасти, унизилъ константинопольскихъ патріарховъ, принудилъ ихъ на уступку: Акакія все-таки признали виновнымъ, хотя и не вполнѣ.—Стараясь оградить восточную церковь отъ того порабощенія, которымъ грозили ей папскія притязанія, съ такою силою обнаружившіяся въ 35-тилѣтній періодъ разрыва между востокомъ и западомъ, императоръ и восточные патріархи тотчасъ же по прекращеніи 35-ти лѣтней распри рѣшились придать конст. патріарху тотъ же титулъ „вселенскаго“, которымъ съ нѣкоторыхъ поръ пользовался одинъ папа, чтобы не оставалось болѣе и тѣни неравенства между ними. Въ первый разъ это титло было усвоено п. Іоанну II Каппадокіанину, при которомъ былъ востановленъ церковный миръ, благодаря уступкѣ сдѣланной имъ Риму. 65 лѣтъ (517—582) папы молчали, боясь восточныхъ императоровъ, которые были сильны въ Римѣ послѣ побѣдъ Велизарія и Нарзеса, сдѣлавшихъ Римъ провинціею восточной имперіи. Но когда владычество грековъ въ Италіи стало клониться къ паденію, папы снова начали свои нападенія на конст. патріарховъ. Къ этому времени собранъ былъ въ Константинополѣ помѣстный соборъ (на Григорія патр. Антіохійскаго). Этотъ соборъ между прочимъ нарочито утвердилъ титулъ „вселенскаго“ за конст. патріархомъ. Папа Пелагій отвергъ этотъ соборъ на томъ основаніи, что онъ созванъ былъ безъ позволенія апостольскаго престола и что онъ нарушаетъ права прочихъ восточныхъ патріарховъ, усвояя титулъ вселенскаго одному патріарху константинопольскому. Конечно не забота о правахъ другихъ восточныхъ патріарховъ побуждала папу от-

вергнуть этотъ соборъ, а забота о своихъ собственныхъ правахъ, опасеніе, чтобы конст. патріархъ не отнялъ у нихъ первенства (1). Этимъ-то опасеніемъ объясняется просьба папы Вонифатія III къ имп. Фокѣ объ усвоеніи ему одному (папѣ римскому) титула „вселенскаго".

Въ такомъ положеніи находились отношенія между папами и патріархами константинопольскими съ V по VIII. в. Уже и въ это время антагонизмъ между представителями востока и запада въ церковной сферѣ заявлялъ себѣ ощутительнымъ образомъ, но все-таки онъ не былъ такъ силенъ, какъ въ послѣдствіи; онъ сдерживался общимъ той и другой сторонѣ подчиненіемъ восточному императору; притомъ разность въ положеніи папы и конст. патріарха еще не такъ была велика, какъ въ послѣдствіи.

Съ VIII в. нарушается то, хотя и не полное равновѣсіе, какое существовало между ними до того времени. Григорій II торжественно разрѣшаетъ всю Италію отъ присяги императору Льву Исаврянину, вооружаетъ противъ него римлянъ и лонгобардовъ, и так. обр. дѣлается почти совершенно независимымъ. Мало того вскорѣ благодаря услугамъ, оказаннымъ папскимъ престоломъ каролингской династіи, папа не только освобождается отъ всякой зависимости, но дѣлается самъ свѣтскимъ владѣтельнымъ княземъ; владѣнія папы простираются на Равеннскій экзархатъ, на герцогство Беневентское и Сполеттское, на Сицилію и Сардинію. Около IX в. папы сдѣлали еще одинъ шагъ на пути къ своему возвыше-

(1) Отсюда нужно, конечно, исключить преемника Пелагія, Григорія В., который, вооружаясь противъ этого титула, въ свою очередь и самъ отказывался отъ него. Григорій В. руководился при этомъ болѣе благочестивыми личными чувствами, чѣмъ преданіями папскаго престола и потому составлялъ исключеніе изъ общаго правила.

нію. Они сдѣлались раздаятелями вѣнцовъ императорскихъ и королевскихъ и потому вообразили себя верховными главами всего запада, намѣстниками Самаго Бога на землѣ, вселенскими судіями, въ рукахъ которыхъ ключи рая и ада, надъ которыми уже нѣтъ власти кромѣ Самаго Бога и нѣтъ суда, кромѣ суда Божія. Почти весь западъ привыкъ мало по малу смотрѣть на нихъ такимъ образомъ.—Теперь оказывалась уже громадная разница въ положеніи папъ и константинопольскихъ патріарховъ. Сообразно съ тѣмъ измѣнились и ихъ взаимныя отношенія. Прежде папы еще не осмѣливались слишкомъ явно и настойчиво заявлять свои притязанія на подчиненіе себѣ всей восточной церкви. Прежде, чѣмъ требовать себѣ покорности всей восточной церкви, имъ приходилось прежде сокрушить опаснаго соперника, не допустить его не только стать на ихъ мѣсто, но и сдѣлаться имъ равнымъ; а соперникъ дѣйствительно въ то время могъ быть для папъ опасенъ по своей близости къ византійскому императору, котораго власть (VI — VIII) признавалъ и самъ папа. Вотъ почему прежде папъ такъ сильно занимала личность константинопольскаго патріарха, почему они такъ бдительно слѣдили за нимъ, старались посѣять разладъ между нимъ и другими восточными патріархами и употребляли всѣ способы не допустить его сравняться съ собою. Теперь же съ перемѣною обстоятельствъ положеніе константинопольскаго патріарха ихъ занимаетъ менѣе прежняго; онъ имъ теперь не страшенъ, а потому они теперь хлопочутъ уже прямо о подчиненіи себѣ части константинопольскаго патріархата, имѣя въ виду въ послѣдствіи постепенно подчинить себѣ весь патріархатъ, а чрезъ него и всю восточную церковь.

Тонъ ихъ несравненно болѣе повелительный и аподиктическій, чѣмъ прежде. Подобныя притязанія крайне оскорбляютъ не только константинопольскаго патріарха, но и всю восточную церковь. Римскіе епископы, по справедливости представляются имъ исполненными антихристіанскаго духа, недостойными быть не только главами церкви, но и простыми ея служителями, впадшими въ тяжкій грѣхъ — духовную гордость. И такъ какъ духъ міра заразилъ собою не только римскаго первосвященника, но и все западное духовенство, которое изъ служителей церкви превратилось въ владѣтельныхъ князей и мірянъ, занималось войною и охотою, то востокъ сталъ смотрѣть весьма неблагосклонно и на все западное духовенство. Сравнивая себя съ западнымъ, восточное духовенство не могло не отдавать себѣ полнаго предпочтенія предъ западнымъ въ дѣлѣ служенія интересамъ вѣры и церкви и потому было склонно скорѣе отказаться отъ единенія съ нимъ, чѣмъ ему подчиниться и чрезъ то усвоить одинъ съ нимъ духъ и направленіе.—Подобныя отношенія въ описанный періодъ между іерархіею востока и запада обнаружились въ столкновеніяхъ между папами и константинопольскими патріархами: 1) особенно по поводу низверженія п. Игнатія и возведенія на патріаршескій престолъ Фотія (въ IX в.) и 2) отчасти по поводу обличеній п. Мих. Керулларія, направленныхъ на западную Церковь (въ XI вѣкѣ).

Въ 857 г. папа не замедлилъ воспользоваться незаконнымъ низверженіемъ патріарха Игнатія и возведеніемъ на константинопольскій престолъ Фотія. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ папа (Николай I) увидѣлъ прекрасный случай вмѣшаться въ дѣла константинополь-

ской каѳедры въ качествѣ рѣшительнаго и безапелляціоннаго судьи съ цѣлію унизить константинопольскаго патріарха и подчинить себѣ если не весь византійскій патріархатъ вдругъ, то покрайней мѣрѣ на первый разъ значительную его часть. Имѣя въ виду подобную цѣль, онъ шлетъ слѣдующій отвѣтъ на пригласительную грамату императора и патріарха явиться на соборъ, отправленную на западъ: 1) порицаетъ императора за то, что онъ дерзнулъ созвать соборъ (помѣстный?) безъ позволенія на то главы Церкви; 2) не признаетъ Фотія патріархомъ, но обѣщается признать его въ послѣдствіи, если Фотій окажетъ ревность въ защитѣ каѳолической вѣры (т. е. говоря прямо, если онъ согласится исполнить слѣдующія условія); 3) требуетъ, чтобы уступлены были римскому престолу Епиръ, Иллирія, Македонія, Ѳессалія, Ахаія, Дакія, Мизія, Дарданія, чтобы Калабрія и Сицилія были возвращены Риму, и наконецъ, чтобы архіепископъ Ѳессалоникскій, нѣкогда зависѣвшій отъ папы, снова былъ подчиненъ ему (1). Тогдашнее положеніе патріарха, не законно возведеннаго на престолъ, казалось папѣ такимъ, что патріархъ, по соображеніямъ Николая I, долженъ былъ согласиться на всѣ даже такія громадныя требованія, какъ только что перечисленные нами, лишь бы удержаться на престолѣ. Но папа очень ошибся въ своихъ расчетахъ, благодаря твердости и уму Фотія. Соборъ утвердилъ Фо-

(1) Цѣль всѣхъ этихъ громадныхъ требованій была очевидно та, чтобы у конст. патріархата отнять большую часть зависѣвшихъ отъ него епископій и оставляя за нимъ до времени одинъ титулъ, на самомъ дѣлѣ низвесть его на степень ничтожной епархіи, какою она была прежде до К. В. А потомъ, какъ безъ сомнѣнія расчитывалъ папа, можно было бы и самый патріархатъ поставить уже въ прямую зависимость отъ римскаго престола.

тія на престолѣ; даже папскіе легаты согласились на это утвержденіе и въ награду за все это папѣ не удалось получить ни одной новой епархіи. Не принесли папѣ пользы ни отлученіе отъ церкви Фотія на новомъ соборѣ въ Римѣ (863 г.), ни гнѣвныя граматы, разосланныя въ слѣдъ за тѣмъ изъ Рима всѣмъ восточнымъ патріархамъ и многимъ епископамъ. Мало того, вскорѣ папа потерпѣлъ значительное пораженіе въ Болгаріи, которую онъ считалъ было уже своею собственностью и между тѣмъ долженъ былъ уступить ее константинопольскому патріарху. Во второе возведеніе Фотія на престолъ папа (Іоаннъ VIII) снова дѣлаетъ попытку пріобрѣсть себѣ покрайней мѣрѣ Болгарію, и опять безуспѣшно. Понятно послѣ всего этого, какое сильное раздраженіе должны были чувствовать въ Римѣ противъ Константинополя. Когда на западѣ всѣ почти преклонялись предъ папою, считали его чуть не богомъ земнымъ, востокъ осмѣливался дѣлать ему все наперекоръ. Папъ крайне раздражила эта неудачная попытка расширить свою власть на востокѣ. Но чего не могла уже никакъ стерпѣть западная гордость,—это наступательныя дѣйствія константинопольскаго патріарха на Римъ въ XI в., обличеніе Рима п. Михаиломъ Керулларіемъ въ отступленіи отъ православія. Впрочемъ въ послѣднемъ событіи на первый планъ выступаетъ уже новый элементъ раздѣленія, обнаружившійся правда во времена Фотія, но въ XI в. заявившій себя особенно ощутительнымъ образомъ.

II. Доселѣ мы слѣдили только за развитіемъ соперничества между востокомъ и западомъ въ средѣ сперва международныхъ отношеній, а потомъ церковныхъ. Одно это соперничество, какіе бы огромные размѣры оно

ни приняло, не могло еще послужить достаточною причиною для окончательнаго церковнаго разрыва. Нельзя было окончательно разорвать западу союзъ съ востокомъ изъ за одной распри двухъ главныхъ епископовъ востока и запада. Послѣ временнаго отчужденія должно было наступить время, когда волею или неволею они должны были бы примириться. Епископовъ заставило бы примириться во что бы то ни стало общее требованіе народа, какъ это и было уже по случаю 35-ти лѣтняго разрыва изъ-за патріарха Акакія. Для окончательнаго раздѣленія церквей нужно было, чтобы кромѣ указанной уже причины существовали другія болѣе важныя основанія, вполнѣ достаточныя для прекращенія общенія между церквами, которыя бы всѣмъ во очію показали, что дѣйствительно нѣтъ взаимнаго не только единодушія, но и единомыслія между частями христіанскаго міра и что долѣе поддерживать внѣшнее единеніе, когда нѣтъ внутренняго, значитъ обманывать самихъ себя.—Подобныя причины не замедлили обнаружиться въ періодъ отъ VIII по XI вѣкъ. Они выразились осязательнымъ образомъ въ неодинаковыхъ доктринахъ той и другой церкви относительно нѣкоторыхъ пунктовъ ученія; но корень ихъ лежалъ глубже въ неодинаковомъ направленіи религіознаго сознанія той и другой, зависѣвшемъ отъ многихъ причинъ (1). Довольно долго эта разность въ направленіи необнаруживалась замѣтными, важными особенностями въ ученіи. Проявляясь въ незначительныхъ отличіяхъ, исключительно свойственныхъ западу, обусловливаемыхъ особеннымъ складомъ ума, особенными условіями жизни,

(1) См. ст. взгл. на вопр. о соед. ц. въ Пр. Обозр. 1865 г. Янв. стр. 53—58.

эта разность запада отъ востока въ направленіи до времени не тревожила востока. Потому что особенности въ направленіи, пока они касаются вещей не важныхъ, не существенныхъ, даютъ только особенный характеръ, оттѣнокъ, цвѣтъ тому или другому обществу, той или другой личности, нисколько не препятствуя внутреннему между ними единенію. Только съ тѣхъ поръ, какъ станетъ замѣтнымъ, что въ основѣ этого различія лежитъ какое либо жизненное начало, какой нибудь важный принципъ въ существенныхъ чертахъ отличающійся отъ другаго принципа, начала, когда это начало заявитъ себя какими нибудь важными особенностями, только тогда становится понятною невозможность внутренняго единенія—между обществами-ли то или личностями,—единенія, обусловливаемаго всегда единствомъ (до извѣстной степени) взглядовъ и убѣжденій, единствомъ начала ихъ одушевляющаго. Западное ученіе объ исхожденіи Св. Духа и главенствѣ папы, утвердившееся на западѣ въ періодъ отъ VIII до XI в., именно и указало востоку на такое начало, одушевлявшее и руководившее западными воззрѣніями. Восточные отцы предчувствовали, что оно очень живуче, что оно не остановится, а пойдетъ далѣе въ своемъ развитіи. Они увидѣли, что единой души и единой мысли нѣтъ болѣе у запада съ востокомъ. Оставалось провѣрить, дѣйствительно ли это такъ, т. е. попробовать убѣдить западъ въ его заблужденіи. Если западъ отъ него не откажется, значитъ онъ сроднился съ нимъ, значитъ онъ проникнутъ, одушевленъ имъ, стало быть онъ проникнутъ другимъ духомъ и слѣдовательно онъ расторгъ духовную связь съ востокомъ. Опытъ былъ сдѣланъ, но безуспѣшно. Раздѣленіе окончательно состоялось въ XI вѣкѣ.

Еще въ IX вѣкѣ, во времена Фотія, обнаружился этотъ новый элементъ раздѣленія. Во времена Фотія, въ Болгаріи, во вновь обращенной странѣ, столкнулись миссіонеры греческіе и латинскіе, и греческіе миссіонеры были поражены дѣйствіями латинскихъ миссіонеровъ. Именно послѣдніе, кромѣ нѣкоторыхъ разностей въ обрядахъ (постъ въ субботу, безженство священниковъ, помазаніе мvромъ только епископами и повтореніе мvропомазанія надъ мvропомазанными уже) проповѣдывали исхожденіе Св. Духа и отъ Сына и порицали восточные обычаи. Дѣйствія латинскихъ миссіонеровъ произвели такое сильное впечатлѣніе на Фотія, что онъ, доселѣ молчавшій, необращавшій вниманія на папскія угрозы, направленныя лично на него самаго, и даже довольно снисходительно относившійся прежде къ нѣкоторымъ особеннымъ западнымъ обычаямъ (какъ видно изъ его письма къ папѣ Николаю I, послѣ собора, утвердившаго его въ патріаршемъ достоинствѣ) доколѣ онъ не зналъ, что къ нимъ еще присоединяется важное прибавленіе въ символѣ и пока онѣ не были возводимы въ законъ, обязательный будто бы для всей церкви,—теперь рѣшился извѣстить весь востокъ о дѣйствіяхъ и новомъ ученіи латинскихъ миссіонеровъ въ Болгаріи. Онъ написалъ окружное посланіе ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ и епископамъ, гдѣ обличалъ западныя нововведенія и разсказывалъ о поведеніи латинскихъ миссіонеровъ въ Болгаріи. За окружнымъ посланіемъ послѣдовалъ соборъ въ Константинополѣ (867 г.), съ участіемъ намѣстниковъ трехъ патріарховъ и множества епископовъ; на этомъ соборѣ западныя нововведенія были осуждены и преданы анаѳемѣ. Соборное рѣшеніе было отправлено въ Римъ.—Но до

окончательнаго расторженія съ Римомъ всякихъ связей было еще далеко. Съ одной стороны на востокѣ все еще думали, что западъ быть можетъ откажется отъ своихъ заблужденій, что послѣднія суть дѣло болѣе личное, отдѣльныхъ лицъ, а не коренятся въ духѣ и направленіи всей римской церкви, съ другой — обстоятельства константинопольской каѳедры были таковы, что невольно вызывали на сношенія съ Римомъ. Возведеніе снова на патріаршій престолъ Игнатія подаетъ поводъ къ новымъ сношеніямъ съ Римомъ (1). Папа (Андріанъ II), узнавъ о перемѣнѣ патріарха, выразилъ надежду, что новый патріархъ, котораго онъ превозносилъ похвалами, будетъ уступчивѣе Фотія относительно Болгаріи и менѣе будетъ обличать западныя нововведенія. Но обманувшись въ своихъ расчетахъ, Андріанъ II сталъ грозить низверженіемъ и анаѳемою и самому Игнатію. Вторичное возведеніе Фотія на патріаршую каѳедру снова подало поводъ къ сношеніямъ между Римомъ и Константинополемъ и снова возбудило въ папѣ (Іоаннѣ VIII) надежду, не уступитъ-ли Фотій ему Болгарію за утвержденіе послѣдняго со стороны Рима въ патріаршемъ санѣ. Но когда эта сдѣлка была отвергнута Фотіемъ, Іоаннъ VIII на соборѣ въ Римѣ (881) снова предаетъ его анаѳемѣ.

Итакъ въ IX вѣкѣ, благодаря столкновенію, происшедшему въ Болгаріи между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ обнаружилось, что западъ не только высказывалъ ни съ чѣмъ несообразныя притязанія, но что

(1) Что западныя нововведенія породили протестъ не въ одномъ Фотіѣ и не въ одной его партіи, а во всемъ греческомъ духовенствѣ видно изъ того, что при вторичномъ возведеніи Игнатія соборъ рѣшительно отказался снять анаѳему съ латинскихъ заблужденій, наложенную Фотіемъ, хотя самаго Фотія и осудилъ.

онъ кромѣ того виновенъ въ уклоненіи отъ истины. Съ этихъ поръ, если и не окончательно расторгнутъ былъ союзъ обѣихъ церквей, то не было уже между ними прежняго искренняго общенія. Опасеніе за православіе заставляло востокъ естественно уклоняться отъ Рима, смотрѣть на него съ недовѣрчивостью. Если прежде эти опасенія раздѣляли только тѣ, которые особенно близко принимали къ сердцу интересы константинопольскаго патріарха, то теперь раздѣляли ихъ всѣ, которымъ было дорого православіе, слѣдовательно все восточное духовенство. Сильное охлажденіе въ отношеніяхъ между востокомъ и западомъ выразилось въ томъ, что имена какъ патріарховъ на западѣ, такъ и папъ на востокѣ въ теченіе полутора вѣковъ (886—1043) уже рѣдко упоминались при богослуженіи; далѣе на востокѣ нерѣдко разсылалось окружное посланіе Фотія (напр. патріархами: Николаемъ Хрисовергомъ, Сисиніемъ и Сергіемъ). При всемъ томъ послѣдняго шага къ отдѣленію церквей сдѣлано еще не было. На востокѣ все еще не теряли надежды, что римская церковь быть можетъ откажется отъ своихъ заблужденій и потому медлили окончательнымъ надъ ней приговоромъ. На западѣ также предавали анаѳемѣ только Фотія, не касаясь всей восточной церкви. Притомъ же недостойные папы, занимавшіе въ этотъ періодъ римскую каѳедру, ни о чемъ рдугомъ не заботились кромѣ чувственныхъ наслажденій и интригъ и потому въ покоѣ оставляли восточную церковь.

Около времени однакожъ патріаршества Михаила Керулларія обнаружилось, что уклоненіе римской церкви отъ православія не временное и не принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ, что старыя заблужденія (какъ при-

бавленіе къ символу вѣры) не только не искореняются, но все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе, тчо кромѣ старыхъ появляются еще и новыя, напр. совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ. Съ другой стороны на папскомъ престолѣ стали появляться люди болѣе дѣятельные и болѣе преданные интересамъ папства, чѣмъ прежде. Благодаря такимъ обстоятельствамъ произошло новое столкновеніе между востокомъ и западомъ, имѣвшее рѣшительныя послѣдствія въ отношеніи къ раздѣленію церквей. На сей разъ началось дѣло слѣдующимъ образомъ. Въ Константинополѣ не мало было латинскихъ церквей и монастырей. П. М. Керулларія поразили въ нихъ допущенныя нововведенія. Опасаясь вторженія латинскихъ новизнъ въ православную церковь, онъ прежде всего велѣлъ запереть латинскія церкви и отнять у латинскихъ аббатовъ монастыри. Потомъ, желая предостеречь свою паству отъ латинскихъ заблужденій, написалъ вмѣстѣ съ Львомъ епископомъ Болгаріи письмо къ одному, подчиненному себѣ епископу въ Апуліи съ обличеніемъ западныхъ нововведеній. Письмо патріарха попалось въ руки сперва кард. Гумберта, а потомъ и самаго папы Льва IX. Римъ рѣшился наказать не только патріарха, но и самаго греческаго императора за такой, по его мнѣнію, дерзкій поступокъ. Къ патріарху отправлено грозное посланіе, а противъ императора папа вооружилъ норманновъ, благословивъ ихъ на завоеваніе южной Италіи и Сициліи, которыя еще находились во власти греческихъ императоровъ. Встревоженный императоръ принудилъ патріарха писать папѣ. Левъ IX въ отвѣтномъ посланіи обнаружилъ еще большую гордость и требовалъ себѣ подчиненія Болгаріи, Иллиріи и южной Ита-

ліи. Посланные папою легаты вели себя такъ, что патріархъ наконецъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ съ ними сношеній, не въ силахъ будучи слышать ихъ нападеній на восточную церковь, ихъ обличенія заблужденій, въ которыя будто бы она впала, исключивши будто бы между прочимъ filioque изъ символа. Патріархъ требовалъ вселенскаго собора. Кончилось тѣмъ, что легаты завершили свои дѣйствія неслыханнымъ поступкомъ. Публично, предъ клиромъ и народомъ они положили на престолѣ Софійской церкви клятвенную грамоту, въ которой анаѳематствовали патріарха со всѣми его единомышленниками и вышли съ словами: отрясаемъ прахъ на Константинополь и *на весь востокъ*. Такой рѣшительный поступокъ побудилъ восточную церковь къ подобному же рѣшительному шагу. Въ томъ же Софійскомъ храмѣ патріархъ публично сожигаетъ грамоту легатовъ и провозглашаетъ латинянъ отступниками отъ православія, еретиками и запрещаетъ православнымъ имѣть съ ними общеніе въ Богослуженіи. Такъ совершилось окончательное отпаденіе западной церкви отъ восточной (1053 г.).

Всѣ дальнѣйшія сношенія греческаго востока съ римскимъ западомъ состоятъ изъ ряда неудачныхъ попытокъ къ воссоединенію церквей. Ихъ то мы и намѣрены изложить въ своемъ очеркѣ. Соперничество, издавна существовавшее между греческимъ и римскимъ міромъ, въ сферѣ церковной принявши форму сперва соперничества между двумя патріархами востока и за-

пада, а потомъ и между всѣмъ духовенствомъ западнымъ и восточнымъ, болѣе или менѣе раздѣлявшимъ интересы своихъ представителей,—со времени окончательнаго распаденія церквей переходитъ въ народныя массы, получая при этомъ характеръ религіозной нетерпимости, усилившейся до невѣроятной степени, благодаря особенно крестовымъ походамъ. Разности во взглядахъ, въ ученіи и въ учрежденіяхъ той и другой церкви растутъ все болѣе и болѣе. Однимъ словомъ чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ непреодолимѣе становились преграды къ церковному миру какъ въ чувствахъ, такъ и во взглядахъ обѣихъ сторонъ. А между тѣмъ въ тоже самое время никогда не переставала та и другая сторона желать взаимнаго единенія, побуждаемая къ тому отчасти естественнымъ чувствомъ сожалѣнія о церковномъ разрывѣ, болѣе же политическими обстоятельствами, которыя требовали дружной борьбы съ общими врагами, невозможной при существованіи взаимной, сильной, религіозной непріязни, отчасти наконецъ (со стороны запада) властолюбіемъ папъ. Такимъ образомъ живо чувствовали и потребность и въ тоже время невозможность возсоединенія церквей—особенно на востокѣ.

По многимъ обстоятельствамъ вопросомъ о соединеніи церквей особенно былъ заинтересованъ востокъ, такъ что этотъ вопросъ въ описываемую эпоху можетъ быть названъ болѣе восточнымъ вопросомъ, чѣмъ западнымъ. Тамъ попытки къ его рѣшенію сопровождались полными интереса событіями. Тамъ были и самые усердные ревнители соединенія и самые жаркіе его противники. Первыхъ было сравнительно немного, вторыхъ всегда было огромное большинство. На сторонѣ

первыхъ почти всегда были люди политики: императоръ, дворъ и высшіе сановники. На сторонѣ послѣднихъ—народъ. Духовенство занимало по большей части средину между тѣми и другими, съ одной стороны, желая возстановленія церковнаго мира, съ другой, понимая его невозможность. При такомъ отношеніи различныхъ классовъ общества греческаго, понятно, какъ много интереса представляютъ попытки къ соединенію церквей въ описываемую эпоху на греческомъ востокѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что онѣ полны драматическаго интереса, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ эпизодахъ этой исторіи, каковы: ліонская и флорентійская уніи. Кромѣ того нужно замѣтить, что въ вопросѣ о соединеніи церквей, какъ въ единственномъ серьёзномъ вопросѣ, сосредоточивавшемъ на себѣ въ описываемую эпоху все вниманіе греческаго востока, обрисовывается какъ нельзя лучше тогдашнее состояніе восточной церкви. Исторію греческой восточной церкви тогдашняго времени можно вполнѣ назвать исторіею вопроса о соединеніи церквей. А потому и изучать исторію этой церкви въ этотъ періодъ всего лучше и удобнѣе въ связи съ изученіемъ четырехвѣковаго развитія взятаго нами вопроса.

Исторія отношеній между церквами съ XI вѣка до половины XV вѣка, до паденія византійской имперіи, сама собою распадается на двѣ части: на исторію отношеній съ половины XI-го до половины XIII и съ половины XIII до половины XV вѣка. Часть первая обнимаетъ собою время постоянныхъ международныхъ столкновеній православныхъ съ латинянами въ крестовыхъ походахъ и вслѣдствіе того постепеннаго созрѣванія въ народныхъ массахъ антипатій другъ къ другу,—время

болѣе дружнаго противодѣйствія вслѣдствіе общей политической опасности православныхъ всѣхъ классовъ и сословій латинянамъ, — періодъ первыхъ крестовыхъ походовъ и существованія латинской имперіи. — Часть вторая обнимаетъ собою такое время, когда постоянныхъ столкновеній между массами православныхъ и латинянъ не стало, когда не стало такимъ образомъ обстоятельства, сплочивавшаго всѣ классы православныхъ въ одно цѣлое, когда наступила реакція въ нѣкоторомъ, конечно, сравнительно небольшомъ количествѣ людей противъ окончательно созрѣвшей въ народѣ религіозной непріязни, когда кромѣ того интересъ политическій болѣе уже не побуждалъ враждовать съ латинянами, когда политика напротивъ должна была стремиться къ болѣе тѣсной связи, чѣмъ прежде съ западнымъ міромъ, когда вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ явились въ православномъ мірѣ партіи и вопросъ объ уніи съ Римомъ получилъ для православныхъ особенное значеніе. Это время ліонской уніи и флорентинскаго собора.

ЧАСТЬ I.

(1053 — 1261)

ГЛАВА I.

Состояніе вопроса о соединеніи церквей греческой и латинской въ первое время послѣ окончательнаго ихъ раздѣленія (1053—1204).

Въ нашей литературѣ доселѣ мало обращали вниманія на важную въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу эпоху крестовыхъ походовъ. Для вопроса о соединеніи церквей эта эпоха важна впрочемъ не столько попытками къ возстановленію церковнаго мира между востокомъ и западомъ (эти попытки были въ разсматриваемое время довольно ничтожны), сколько замѣчательна въ томъ отношеніи, что даетъ возможность прослѣдить усиленіе религіозной непріязни, религіознаго отчужденія между народными массами восточными и западными, греческими и латинскими. Широкое развитіе народной религіозной непріязни началось именно въ это время. Характеристикою столкновеній народныхъ массъ греческихъ и латинскихъ въ данное время и начнемъ нашъ очеркъ. Попытки къ соединенію церквей, коренившіяся главнымъ образомъ въ тогдашней политикѣ, составятъ продолженіе очерка, а отношеніе восточнаго духовенства къ вопросу о церковной уніи — его заключеніе.

Съ XI в. до взятія латинянами Константинополя среди двоякаго рода столкновеній созрѣвали въ народныхъ

массахъ греческихъ и латинскихъ непріязненныя чувства. Православный востокъ чувствовалъ наплывъ къ себѣ не однихъ крестовыхъ дружинъ, но и промышленность и торговля около XI в. совершенно пали въ греческой имперіи, благодаря разнаго рода самымъ тягостнымъ мѣрамъ греческаго правительства и отсутствію общественной безопасности, столь необходимой при всякаго рода торговыхъ операціяхъ. Но по мѣрѣ того какъ сокращали все болѣе и болѣе свою дѣятельность греческіе купцы и количество ихъ мало по малу уменьшалось до ничтожной величины, являлись въ византійской имперіи предпріимчивые итальянцы и, пользуясь важными привиллегіями отъ греческаго правительства, постепенно захватили всѣ промыслы, а стало быть и всѣ капиталы въ свои руки. До XI в. прочемъ еще не такъ ощутительно было преобладаніе въ греческой торговлѣ иностранцевъ; до XI в. торговлю въ имперіи вели граждане Амальфійской республики (1). Съ XI в. утверждаются въ имперіи венеціанцы (2). Огромныя выгоды, какія извлекла Венеція изъ торговли съ Константинополемъ, привлекли въ этотъ богатый городъ Пизанцевъ. Въ половинѣ XII ст. въ Константинополѣ основана контора Генуезцевъ (3). Такимъ образомъ латиняне появились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ византійской имперіи; въ Константинополѣ заняли даже цѣлые кварталы. Но что всего важнѣе, это были люди все бога-

(1) Wilhel. Tyr. 1, 18 c. 4. См. прим. къ русск. изд. виз. ист. Ан. Комн., т. I, стр. 272.

(2) Въ благодарность за оказанную ими въ войнѣ съ норманнами услугу они получили отъ им. Ан. Комнина право безпошлинно торговать въ предѣлахъ византійской имперіи (1084 г.). Виз. ист. Ан. Комнина, т. I, стр. 273—274. То же у Киннама ц. Іоанна и Ман. Комнина, стр. 311—312.

(3) Виз. ист. Ник. Хон. т. I, стр. 257.

тые, глядѣвшіе господами грековъ, хозяевами въ имперіи (1), понимавшіе, что если капиталы въ ихъ рукахъ, то и все и всѣ въ ихъ рукахъ. „Они разможились и усилились, говоритъ Никита Хоніатъ, пріобрѣли огромное богатство и стали выказывать гордость и дерзость, такъ что не только враждовали съ римлянами (греками), но не обращали вниманія и на царскія угрозы и повелѣнія (2)“. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если эти промышленные латиняне прямо выражали своимъ поведеніемъ крайнее презрѣніе (3) къ грекамъ. Они, по словамъ исторіи Киннама, многимъ знатнымъ и по родству близкимъ къ царю лицамъ наносили удары и жестоко оскорбляли ихъ другими способами (4). Да и чего было итальянцамъ опасаться и уважать грековъ, когда они были совершенно независимы, когда они разбирались своимъ судомъ и когда при ихъ независимости, еще отъ нихъ же въ матеріальномъ отношеніи все зависѣло? — Совсѣмъ иначе, конечно, чувствовалъ себя подъ этимъ матеріальнымъ гнетомъ народъ греческій (5). Не могъ онъ, разумѣется,

(1) „Скоро и безъ мѣры разбогатѣвъ—говоритъ Киннамъ о венеціанцахъ—они сдѣлались заносчивыми, стали обращаться съ гражданами, *будто съ рабами* и обращались такъ не только съ людьми изъ нисшаго сословія, но и съ тѣми, которые отличены званіемъ Севаста“. Виз. истор. Кинн. стр. 312.

(2) Виз. ист. Ник. Хон т. I, стр. 220.

(3) „Вы вздумали относиться къ римлянамъ—писалъ самъ императоръ Мануилъ Венеціанцамъ—съ *великимъ презрѣніемъ* Виз. ист. Іоан. Кинн. стр. 317.

(4) Кинн. стр. 313.

(5) Гнетъ этотъ вынуждалъ даже иногда греческихъ императоровъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ западныхъ купцовъ. Не разъ съ венеціанцами, напр., они поступали также, какъ иногда въ западной Европѣ съ жидами, т. е. конфисковали все ихъ имущество. Но подобный разладъ съ итальянцами всегда продолжался не долго; *безъ нихъ греки никакъ не могли обойтись*. Ник. Хон., т. I, стр. 220—223.

питать любви и сочувствія къ разбогатѣвшимъ на его счетъ и притомъ крайне возгордившимся иностранцамъ. Въ массахъ греческаго народа постепенно росло чувство озлобленія противъ иноземцевъ латинянъ, пришедшихъ съ запада издавна недружелюбнаго къ востоку (1). Легко было смѣшаться этому чувству съ чувствомъ, не такъ еще давно объявленнаго религіознаго разрыва между восточной и западной церквами. По обычаямъ того времени при учрежденіи каждой торговой факторіи прежде всего воздвигали церковь, потомъ уже очищали площадь, строили домы, лавки и магазины. Факторія представляла нѣчто обособленное, замкнутое, имѣюще въ центрѣ у себя храмъ, гдѣ совершалась служба не по обычаямъ и обрядамъ восточной церкви, гдѣ совершали литургію на опрѣснокахъ пѣли и читали въ символѣ „и отъ Сына“ и проч. Какъ не почувствовать къ этимъ богатымъ и гордымъ латинянамъ тѣмъ сильнѣйшаго отвращенія, что они имѣютъ свои церкви, своихъ священниковъ и свои обряды? Съ другой стороны, какъ богатымъ латинянамъ еще болѣе не презирать бѣдныхъ грековъ, когда эти послѣдніе осмѣливаются презирать латинянъ и не сообщаться съ ними въ богослуженіи? Но этого мало.

Съ конца XI ст. начались крестовые походы (1096 г.)

---

(1) У виз. ист., когда говорятъ они объ итальянцахъ, проглядываетъ крайняя нелюбовь къ послѣднимъ. Вездѣ они называютъ послѣднихъ крайне гордыми и жадными до денегъ, за одинъ оволъ, по словамъ Ан. Комн., готовыми продать даже то, что для нихъ всего дороже (Ан. Комн., ч. I, стр. 277). Народная антипатія между двумя націями заявляла себя иногда совершенно неожиданно. Напр., подъ стѣнами одной крѣпости византійцы и ихъ союзники венеціанцы, не ограничиваясь насмѣшками другъ надъ другомъ, вступаютъ въ открытый бой; командующіе войсками той и другой стороны стараются потушить это чисто международное междоусобіе (Ник. Хон., т. I, стр. 108—109).

Чрезъ византійскую имперію шла сухопутная дорога въ Палестину и—вотъ потянулись по этому пути толпы крестоносцевъ, дыша религіознымъ энтузіазмомъ, заключая среди себя множество монаховъ, священниковъ, епископовъ, но толпы своевольныя, необузданныя. Столкновенія были неизбѣжны между этими толпами буйныхъ, грубыхъ, воинственныхъ крестоносцевъ и между греками, много отъ нихъ терпѣвшими и потому подъ часъ подозрительными, платившими часто крестоносцамъ тою же монетою. Передовыя толпы крестоносцевъ, предводимыя Петромъ пустынникомъ и Готшалкомъ, всего болѣе предубѣдили православныхъ противъ религіознаго предпріятія запада и противъ самой западной набожности. Грабежемъ, насиліемъ и душегубствомъ ознаменованъ былъ весь ихъ путь. Это были люди, принадлежавшіе къ послѣднему разряду народа, вскормленные въ разбояхъ. Отъ этихъ первыхъ крестоносныхъ дружинъ, подданные греческой имперіи претерпѣли, по мнѣнію извѣстнаго историка крестоносныхъ походовъ Мишо, болѣе, чѣмъ сами турки отъ ихъ первыхъ подвиговъ (1). А чтобы объяснить себѣ, какимъ образомъ отъ чисто внѣшнихъ столкновеній могло доходить дѣло до усиленія религіознаго разъединенія, для этого нужно вспомнить, что всѣ эти толпы шли подъ знаменемъ вѣры и невольно заставляли смотрѣть на себя, на всякій свой неодобрительный поступокъ съ религіозной точки зрѣнія, равно какъ и они съ своей стороны во всякомъ обнаруженіи недоброжелательства къ себѣ православныхъ видѣли вражду къ ихъ доброму, святому дѣлу, къ ихъ религіозному прин-

(1) Ист. кр. пох., т. I, стр. 147.

ципу, словомъ къ ихъ вѣрѣ. Они безъ сомнѣнія очень хорошо знали постановленіе клермонскаго собора, что всякое насиліе, сдѣланное воинамъ креста, должно быть наказываемо проклятіемъ. Правда, дальнѣйшія дружины крестоносцевъ вели себя несравненно лучше своихъ предшественниковъ, но уже нельзя было истребить изъ умовъ православныхъ предубѣжденій противъ крестоносцевъ—латинянъ. Съ другой стороны вождямъ крестоносныхъ дружинъ нельзя было вполнѣ удержать буйную толпу солдатъ и самимъ удержаться въ предѣлахъ умѣренности (1). Кромѣ того греки, испугавшись многочисленныхъ полчищъ, наводнившихъ ихъ имперію, опасаясь за свою самостоятельность, выводимые изъ терпѣнія буйствомъ и грубостію крестоносныхъ дружинъ, старались тайно, а иногда и явно всячески вредить имъ (2): гибли благодаря отчасти и ихъ дѣйствіямъ цѣлыя арміи, какъ напримѣръ во 2-мъ крестовомъ походѣ огромная армія Конрада III и стотысячная армія Людовика VII (3). Возникало множество мелкихъ ссоръ и стычекъ и въ результатѣ выходило то, о чемъ сказано выше, т. е. латиняне смотрѣли на грековъ, какъ на

---

(1) О дружинахъ 2-го крестоваго похода Киннамъ пишетъ: „товары на рынкахъ, предлагаемые имъ какъ продажные, брали насильственно, а кто хотѣлъ противиться хищенію, того рубили мечемъ. На всѣ такія событія Кор. Конрадъ вовсе не смотрѣлъ и жалобамъ рѣшительно не внималъ, но все приписывалъ невѣжеству толпы". Виз. ист. Кинн. стр. 75—84.

(2) Стоитъ напротивъ прочитать у Ник. Хоніата объ отношеніи грековъ къ арміи Конрада III. Тайныя засады, запертыя ворота крѣпостей, — вотъ что встрѣтили крестоносцы въ Византіи. Въ пищу имъ подмѣшивали известь, свѣшивая съѣстные припасы съ городскихъ стѣнъ. По приказанію самаго греческаго императора была вычеканена фальшивая монета. Наконецъ о всѣхъ дѣйствіяхъ крестоносцевъ и положеніи ихъ арміи дано было знать туркамъ. См. Н. Хон. т. I, стр. 76—85.

(3) Отчасти тамъ же, подробнѣе у Киннама стр. 71—97.

враговъ дѣла Божія, православные же видѣли въ латинянахъ только людей, преданныхъ дѣламъ тьмы, богохульно прикрывающихъ знаменіемъ креста величайшія преступленія.

Среди такихъ двоякаго рода столкновеній массы православныхъ и латинянъ хорошо узнали другъ друга и, разумѣется, не могли не поражаться тѣмъ контрастомъ, какой существовалъ почти во всемъ между ними, какъ плодъ совершенно различной исторической жизни. По свойственной массамъ склонности всѣ односторонности, недостатки и злоупотребленія замѣчаемыя въ своихъ противникахъ, онѣ незамѣтно должны были переносить на воспитывавшую этихъ послѣднихъ церковь, особенно когда однѣ изъ этихъ массъ непосредственно шли подъ знаменемъ креста. Итакъ, если прежде до XI в. раздѣленіе религіозное было сознано преимущественно іерархіею восточною и западною и высшими образованнѣйшими классами той и другой стороны, то теперь, въ настоящіе полтора вѣка, это сознаніе стало проникать довольно глубоко въ массы народныя.—А что дѣйствительно сознаніе религіознаго отчужденія въ массахъ латинянъ и православныхъ, благодаря указаннымъ выше обстоятельствамъ, далеко двинулось впередъ въ періодъ съ половины XI вѣка до взятія Константинополя латинянами, объ этомъ неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуютъ факты, относящіеся къ концу разсматриваемаго періода. Вотъ что напримѣръ разсказываютъ Никита Хоніатъ и Вильгельмъ Тирскій. Разъ въ Константинополѣ (1) произведено было истребленіе лати-

(1) Разсказъ Н. Хон. и В. Тир. относится къ 1182 или 1183 году, ко временамъ переворота, возведшаго на престолъ Андроника. Въ Конст. произведено было въ это время истребленіе латинянъ, вызванное бли-

нянъ съ участіемъ всѣхъ жителей столицы. При этомъ замѣчательно было то, что, по свидѣтельству Вильгельма Тирскаго, при избіеніи латинянъ прежде всего обращали вниманіе на латин. клириковъ; имъ первымъ наносили удары, ихъ подвергали болѣе изысканнымъ и тяжкимъ мученіямъ, чѣмъ мірянъ (1). Въ это время въ числѣ жертвъ народнаго озлобленія противъ латинянъ палъ и папскій легатъ, кардиналъ Іоаннъ, присланный папою къ императору Мануилу съ цѣлію хлопотать по дѣлу соединенія церквей (2). Не меньшій фанатизмъ показали и латиняне, убѣжавшіе на судахъ отъ описаннаго истребленія въ Константинополѣ. Узнавши о судьбѣ своихъ единоплеменниковъ они отмстили за себя и за своихъ преимущественно нападеніями на монастыри и на иноковъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ флотъ находился во время полученія бѣглецами печальныхъ извѣстій изъ Константинополя. Другой фактъ мы заимствуемъ изъ того же историка Никиты Хоніата. Разсказывая о завоеваніи норманнами Θессалоники, онъ представляетъ возмутительнѣйшіе примѣры звѣрства латинянъ (3). Факты имъ передаванные нельзя объяснить

жайшимъ обр. тѣмъ, что послѣдніе держались стороны противной Андронику. Виз. ист. Н. Хон. т. I, стр. 321—322. Подроб. см. раз. Вильг. Мальмей у Баронія Ann. ad an. 1183 n. 10—14.

(1) Monachis enim et sacerdotibus primas irrogabant injurias et exquisitis perimant crutiatibus. Baron. ibid.

(2) Папскаго легата съ особеннымъ позоромъ влачили по городу. Tunc irruentes in eum Graeci... et ligantes *canem* cùm eo, ita quod *cauda ejus esset in os ejus*, traxerunt per vicos civitatis... Ibid.

(3) „Латиняне“, по разсказамъ Н. Хон. „съ оружіемъ въ рукахъ врывались въ православные храмы Θессалоники, умерщвляя всѣхъ, кого тамъ встрѣчали; они повергали на землю св. иконы Христа и Его угодниковъ и, если находили на нихъ какое нибудь дорогое украшеніе, срывали его, какъ попало, а самыя иконы выносили на перекрестки, для попранія прохожими, или жгли ихъ для варенія пищи; нѣкоторые изъ

однимъ обыкновеннымъ буйствомъ солдатъ, раздраженныхъ сопротивленіемъ непріятеля. Такъ смотрѣлъ на поведеніе латинянъ и самъ историкъ, передавшій потомству разсказъ объ этихъ событіяхъ. „Конечно, разсуждаетъ онъ, и всѣ вообще со взятыми на войнѣ плѣнниками поступаютъ дурно, поступаютъ немилосердо, но латинянинъ, побѣдившій врага и схватившій его въ свои руки, есть зло несносное и не изобразимое словомъ. И если плѣнникъ его будетъ римлянинъ (т. е. грекъ) и притомъ вовсе не знающій итальянскаго языка и столько чуждающійся иностранныхъ обычаевъ, что даже въ одеждѣ у него нѣтъ ничего общаго съ латинянами, то его считаютъ *существомъ отверженнымъ отъ Бога*“... Много при этомъ самыхъ жестокихъ выраженій, самыхъ энергическихъ восклицаній расточаетъ пораженный описываемыми событіями историкъ, заключая свою рѣчь знаменательными, полными глубокаго убѣжденія и силы словами, совершенно выясняющими тѣ отношенія, въ какія стали латиняне и православные къ концу XII столѣтія. „Такимъ образомъ между ими и нами, говоритъ онъ, утвердилась *величайшая пропасть вражды*; мы не можемъ соединиться душами, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ“ (1). Вотъ какъ далеко, благодаря различнымъ обстоятельствамъ времени,

---

нихъ, взойдя на престолъ, плясали на немъ, распѣвая какія-то варварскія, отвратительнѣйшія, народныя пѣсни, а потомъ самымъ постыднымъ образомъ сквернили вокругъ священнаго мѣста; муро, истекающее изъ гроба муч. Димитрія, черпали они кувшинами и вливали въ рыбныя жаровни, смазывали имъ обувь и нечестиво употребляли его и на другія потребности“. Вотъ разсказъ Н. Хон. съ нѣкоторыми выпусками и сокращеніями. Н. Хон. т. I, стр. 380—389.

(1) Ник. Хон. т. I, стр. 383.

зашло религіозное разъединеніе христіанскихъ народовъ въ разсматриваемый періодъ. Конечно, быть можетъ, дѣло преувеличено историками, прибавлены ими нѣкоторыя лишнія подробности; но вообще мы не имѣемъ основанія не вѣрить ихъ разсказамъ послѣ того, что знали объ отношеніяхъ крестоносцевъ и грековъ во время крестовыхъ походовъ, принимая въ соображеніе еще то обстоятельство, что разсказанныя выше событія были уже послѣ 1-го и 2-го крестовыхъ походовъ.

Какое же послѣ всего этого имѣли значеніе въ разсматриваемый періодъ времени попытки къ соединенію церквей, что онѣ были такое и чѣмъ онѣ обыкновенно кончались? Онѣ, какъ видно изъ предыдущаго, ни мало не достигали своей цѣли. Одновременно съ ними, но совершенно отъ нихъ независимо, въ сознаніи массъ быстро шла, какъ мы видѣли, прямо имъ противоположная, враждебная внутренняя работа. Своимъ появленіемъ и своимъ характеромъ попытки къ соединенію церквей въ разсматриваемую эпоху обязаны слѣд. обстоятельствамъ времени. Состояніе востока и запада было таково, что прервать связь они между собою не могли, еслибъ даже и желали того отъ всей души; припомнимъ только, что это были времена предшествовавшія и обнимавшія 1-й, 2-й и 3-й крестовые походы. Не смотря на взаимную антипатію востоку и западу нужно было соединиться противъ общихъ враговъ — мусульманъ; а соединившись и оттолкнувшись во время крестовыхъ походовъ, нужно было однакоже какъ нибуть ладить, когда судьба поставила ихъ такъ близко другъ къ другу. Эти нужды и обязанности сознавалъ отчасти папа; въ особенности же чувствовали греческіе императоры, тѣснимые мусульманами, призывавшіе

крестоносцевъ къ себѣ на помощь, губившіе потомъ своихъ же защитниковъ и опасавшіеся, чтобы ихъ хитрыя и враждебныя для крестоносцевъ мѣры не слишкомъ озлобляли противъ нихъ папу, заправлявшаго умами и силами всего запада. Отсюда выходили стремленія Константинополя войти въ сношенія и переговоры съ Римомъ и Рима завязать переговоры съ Византіею о церковномъ мирѣ. Этотъ послѣдній для однихъ (для папъ) представлялся средствомъ къ дѣйствительному объединенію массъ восточныхъ и западныхъ христіанъ въ крестовыхъ походахъ и къ возвеличенію конечно папскаго престола, а для другихъ (византійскихъ императоровъ) былъ предлогомъ скрыть свои корыстныя цѣли и истинныя свои отношенія къ крестоносцамъ. Вотъ откуда выходили попытки къ соединенію церквей. — Что касается до ихъ характера, то въ разсматриваемое время стремленія этого рода никогда не проводились послѣдовательно ни папскимъ дворомъ, ни Константинопольскимъ. Онѣ являлись какъ-то всегда по случаю, скоро изчезали, не оставляя никакого слѣда и возникали опять при новомъ представившемся поводѣ. Это впрочемъ вполнѣ понятно. Императоры, если начинали переговоры съ папами, или давали послѣднимъ знать о своей расположенности къ миру, то при этомъ водились разумѣется обстоятельствами времени; при томъ вопросъ о соединеніи церквей для нихъ, какъ и для папъ, былъ еще дѣломъ новымъ; у нихъ еще въ этомъ отношеніи не успѣлъ выработаться какой нибудь систематическій планъ дѣйствій. Что касается до папъ, то имъ въ этотъ періодъ времени совершенно некогда было заниматься этого рода дѣлами. Папа Иннокентій III, какъ увидимъ далѣе, жаловался, что до него этотъ вопросъ оставался

въ пренебреженіи. Все вниманіе папъ поглощено было борьбою съ нѣмецкими императорами и крестовыми походами. Вообще отрывочность, непослѣдовательность и незначительность стремленій къ соединенію церквей — отличительная черта этого періода. Вопросъ только-что былъ поднятъ.

До начала крестовыхъ походовъ, т. е. въ первые пятьдесятъ лѣтъ этого періода иниціатива предпріятій въ видахъ соединенія Церквей главнымъ образомъ принадлежала двору папскому.—Первое движеніе къ замиренію Церквей послѣ окончательнаго разрыва между западомъ и востокомъ принадлежало по всей вѣроятности даже исключительно папѣ. Спустя около четырехъ лѣтъ послѣ извѣстнаго рѣшительнаго и заносчиваго поступка кардинала Гумберта,—поступка сопровождавшагося окончательнымъ отдѣленіемъ западной Церкви отъ восточной, было отправлено въ 1058 г. изъ Рима въ Константинополь посольство только что вступившимъ на папскій престолъ (1057) папою Стефаномъ IX, спутникомъ Гумберта по путешествію въ Константинополь и личнымъ свидѣтелемъ церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ. Это посольство, сколько извѣстно, не обусловливалось никакимъ внѣшними обстоятельствами, не было вызвано никакимъ со стороны восточной Церкви поводомъ, а было, какъ кажется, выраженіемъ сознанія самаго папы Стефана, что кардиналъ Гумбертъ жестоко оскорбилъ греческую Церковь и что, во всякомъ случаѣ, если на комъ, то на папѣ, личномъ свидѣтелѣ горестнаго разрыва между двумя половинами христіанскаго міра, лежитъ обязанность возобновить прерванныя между ними сношенія. Составъ посольства также весьма замѣчателенъ и также наводитъ на эту мысль.

Посольство состояло изъ весьма уважаемаго папою и всѣми современниками, имѣвшаго огромное вліяніе на западѣ, аббата Кассинской обители Дезидерія, кардинала Стефана и епископа Майнарда. Какъ будто замышлялось папою что то важное. Впрочемъ положительно ничего неизвѣстно; письма папы въ Константинополь не дошли до насъ, и самое посольство, недостигши цѣли своего путешествія, принуждено было при извѣстіи о смерти Стефана воротиться съ пути (1). Такъ предпріятіе и осталось невыполненнымъ.—О дальнѣйшихъ попыткахъ къ возстановленію мира между Церквами, хотя также мало извѣстно, какъ онѣ возникали, но можно догадываться, что ихъ начало скрывалось уже не въ одномъ папскомъ дворѣ, а и въ византійскомъ. Въ половинѣ XI вѣка Сельджукскіе турки начали довольно сильно тревожить византійскую имперію (2). Въ 1069 г. императоръ Романъ Діогенъ даже попался къ нимъ въ плѣнъ и принужденъ былъ заключить съ ними союзъ (3). Слѣдующій императоръ Михаилъ II Парапинакъ (съ 1071 года), или лучше сказать партія, управлявшая имъ, неблагопріятно смотрѣла на этотъ союзъ (4) и склонялась на то, чтобы, разорвавъ всякую связь съ турками, обратиться съ помощію на западъ (5). Вѣроятно слухи

---

(1) Ихъ путешествіе подробно описано Львомъ Остійскимъ у Баронія. Annal. ad an. 1058 n. 1, 7, 8.

(2) Виз. ист. Никиф. Вріен. стр. 22—28.

(3) Тамъ же стр. 37—41.

(4) Послѣ унизительнаго плѣна императора, безъ сомнѣнія сильно было возбуждено у византійцевъ желаніе смыть съ себя посрамленіе, нанесенное имъ въ лицѣ императора. Неудачные попытки наказать турокъ въ началѣ царствованія Михаила еще болѣе усиливали потребность въ отмщеніи туркамъ и слѣд. въ иноземной помощи. Ник. Вріен. стр. 40 и 53—68.

(5) Михаилъ старался сблизиться даже съ вождемъ утвердившихся

о такомъ настроеніи Константинопольскаго двора достигли и папы; по крайней мѣрѣ у Баронія подъ 1071 г. замѣчается, что „какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ, что восточнымъ императоромъ сдѣлался Михаилъ VII, папѣ Александру II угодно было послать къ нему по обычаю апокрисіарія“ (1). Какъ бы то ни было только папскій легатъ Петръ епископъ Анагнійскій, человѣкъ близкій къ Гильдебранду, многимъ обязанный этому послѣднему, пробылъ въ Константинополѣ цѣлый годъ до самой смерти папы Александра и до восшествія на папскій престолъ Григорія VII и успѣлъ заслужить, по свидѣтельству Баронія, особенное благоволеніе императора (2) По всей вѣроятности, во время этого годичнаго пребыванія въ Константинополѣ папскаго посла при византійскомъ дворѣ окончательно созрѣла мысль просить помощи на западѣ противъ турокъ, и для этого дать папѣ обѣщаніе соединиться съ римскою церковію. По крайней мѣрѣ непосредственно за отправленіемъ назадъ въ Римъ папскаго посла слѣдуетъ въ 1073 г. по-

не задолго предъ тѣмъ въ южной Италіи Норманновъ—Робертомъ Гвискаромъ. См. Ан. Ком. ч. 1, ст. 44—52.

(1) Baron. Annal. ad an 1073 n. 23. Бароній впрочемъ не цитуетъ ничего, когда разсказываетъ объ этомъ посольствѣ.

(2) Ann. Bar. ad an 1073, n. 23. Императоръ, разсказывается у Баронія, далъ легату папскому богатое вспоможеніе на построеніе новой, задуманной имъ, латинской церкви въ Константинополѣ. Не чудесное, конечно, исцѣленіе императора Легатомъ, какъ разсказывается у Баронія, доставило послѣднему благосклонность у Михаила, а по всей вѣроятности ученость и ловкая смѣтливость Легата. Михаилъ Парапинакъ рѣшительно не занимаясь дѣлами правленія, много за то занимался учеными предметами, сближался со всѣми тогдашними учеными, находился подъ особеннымъ вліяніемъ знаменитаго въ то время энциклопедиста Іоанна Пселлы (Виз. ист. Ан. Ком. т. I, стр. 247—254). Въ этотъ-то кружокъ ученыхъ могъ попасть и папскій легатъ, о которомъ Бароній замѣчаетъ, что онъ славился въ свое время столько же ученостью своею, столько и благочестіемъ.

сольство къ папѣ Григорію VII отъ императора Михаила VII, состоявшее изъ двухъ монаховъ Ѳомы и Николая. Послы принесли съ собою довѣренность отъ императора и тайную инструкцію лично переговорить съ папою о важныхъ дѣлахъ, именно, какъ узнаемъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, о войнѣ противъ турокъ и подчиненіи православія римской церкви. Съ такою же предосторожностію поступаетъ и папа въ своихъ сношеніяхъ съ императоромъ. Григорій VII посылаетъ къ императору не какого нибудь простаго монаха или епископа, но патріарха венеціанскаго и поручаетъ своему послу лично изложить предъ императоромъ, что онъ думаетъ на счетъ императорскихъ предложеній (1). Въ письмѣ къ императору Григорій VII писалъ, что онъ не только радъ возобновить единеніе съ константинопольскою церковію, дщерію римской, но желаетъ по возможности жить въ мирѣ со всѣми. Между тѣмъ въ головѣ папы въ слѣдствіе этой переписки съ византійскимъ императоромъ и еще болѣе вѣроятно въ слѣдствіе представленій близкаго къ нему Петра Анагнійскаго, недавно возвратившагося изъ Константинополя, созрѣлъ планъ крестоваго похода противъ мусульманъ, первый планъ въ этомъ родѣ, предупредившій крестовые походы 20 годами. Папа намѣревался лично вести полки христіанскіе въ Азію. Увлеченные его убѣжденіями 50,000 итальянцевъ дали слово идти за нимъ въ Константинополь и Іерусалимъ. „Бѣдствія восточныхъ христіанъ, писалъ папа въ своемъ письмѣ къ германскому императору, поколебали мою душу до желанія смерти, и я предпочту погибель при освобожденіи свя-

(1) Annal. Baron. ad. an. 1073, n. 49. 50.

тыхъ мѣстъ владычеству надъ цѣлымъ свѣтомъ". За тѣмъ онъ присовокупляетъ: "особенно сильно побуждаетъ меня къ этому предпріятію то обстоятельство, что церковь константинопольская, находящаяся съ нами въ раздѣленіи относительно ученія о св. Духѣ, желаетъ соединиться съ апостольскимъ престоломъ". Папа писалъ ко всѣмъ германцамъ и итальянцамъ о печальномъ состояніи константинопольской имперіи, увѣщевая ихъ вооружиться на ея защиту: „если мы любимъ Бога, если мы христіане, писалъ Григорій VII, то мы должны быть сильно поражены печальнымъ состояніемъ этой великой имперіи" (1). Уже намѣревался папа, какъ только окончится война съ норманнами, идти въ Константинополь (2); но дѣла Европы, занимавшія его необъятное честолюбіе болѣе, нежели дѣла Азіи, остановили исполненіе его намѣренія, и Григорій не сдержалъ своего обѣщанія. Черезъ 25 лѣтъ послѣ описанныхъ событій замыслы Григорія, а равно и надежды восточныхъ императоровъ на западную помощь осуществились: наступили крестовые походы (3).

---

(1) Ann. Baron. ad. an. 1074, n. 50—55.

(2) Ibid. Это видно изъ письма его къ Гильому, графу Бургонскому.

(3) Въ связи съ первымъ крестовымъ походомъ надобно разсматривать одинъ изъ весьма малоизвѣстныхъ историческихъ фактовъ, относящихся къ разсматриваемому нами вопросу, именно соборъ въ Барѣ (1098 г.), совпадавшій съ 1-мъ крестовымъ походомъ (1096). Было-ли это мѣстное итальянское движеніе, или же въ соборѣ участвовали и константинопольскіе греки, рѣшить трудно. Акты этого собора потеряны (Nobilissimi concilii hujus perierunt acta, пишетъ Бароній); всѣ имѣющіяся у насъ извѣстія объ этомъ соборѣ состояли изъ нѣсколькихъ отрывковъ и при томъ извѣстія эти относятся не прямо къ собору, а къ лицу Анзельма, участвовавшаго въ соборныхъ засѣданіяхъ. Всѣ они собраны у Баронія Annal. Eccl. ad fin. an. 1097 et ad init. an 1098. Тоже самое и у Лаббея. Приходится такимъ образомъ при-

Послѣ этихъ стремленій къ церковному миру, созрѣвавшихъ на востокѣ и на западѣ до крестовыхъ похо-

---

бѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. По всей вѣроятности первая мысль объ этомъ соборѣ явилась одновременно съ мыслію о крестовомъ походѣ и, подобно послѣдней, ближайшимъ образомъ одолжена слѣдующимъ обстоятельствамъ. Греческая имперія въ концѣ XI вѣка должна была выдержать нѣсколько тяжолыхъ войнъ съ норманнами, турками и особенно печенегами. Во время послѣдней войны императоръ Алексѣй Комнинъ рѣшился наконецъ обратиться съ просьбою о помощи на западъ. Въ 1095 г. его послы явились къ папѣ Урбану II. Папа Урбанъ еще прежде тронутъ былъ разсказами о бѣдствіяхъ восточныхъ христіанъ. Прибытіе византійскихъ пословъ окончательно обратило всѣ его мысли на то, какъ бы освободить Востокъ отъ тягостнаго ига мусульманъ. Урбанъ съ жаромъ ухватился за представившійся съ прибытіемъ пословъ Алексѣя случай и собралъ соборъ въ Піаченцѣ; на этомъ соборѣ взоры всѣхъ были устремлены на посланниковъ Алексѣя; здѣсь читали письмо Византійскаго императора и слушали разсказы его пословъ о бѣдствіяхъ имперіи отъ мусульманъ. Разсказъ пословъ Алексѣя сильно подѣйствовалъ на всѣхъ. Безъ сомнѣнія тогда же, вмѣстѣ съ мыслію о соединеніи всѣхъ христіанъ подъ знаменемъ Креста, зародилась у папы мысль о религіозномъ возсоединеніи всѣхъ христіанъ Восточныхъ и Западныхъ. На это предположеніе между прочимъ наводятъ слова Баронія, что Урбанъ II, „послѣ того какъ возбудилъ во Франціи крестовый походъ въ Палестину, сильно озаботился по возвращеніи въ Римъ мыслію о соединеніи Грековъ съ Латинянами, чтобы не оставались болѣе Греки схизматиками. Почему, призвавши для сей цѣли Грековъ (какихъ—неизвѣстно—жившихъ-ли въ южной Италіи, гдѣ еще въ то время было довольно сильно православіе, или съ Востока изъ Константинополя), онъ учредилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ соборъ въ Апулійскомъ городѣ Барѣ“. Изъ этихъ же словъ Баронія видно, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала папѣ; папа, по его словамъ, призываетъ грековъ. На это отчасти указываетъ и мѣсто собора на западѣ. А въ Барѣ именно назначенъ соборъ вѣроятно потому, что Апулія и вообще вся южная Италія была въ это время мѣстомъ нейтральнымъ; здѣсь было почти столько же православныхъ, сколько и латинянъ; здѣсь происходила въ это время борьба православія съ латинствомъ (приб. къ твор. св. отецъ ч. 19 см. о греческой церкви въ Италіи до подчиненія ея латинянамъ); во вторыхъ и главнымъ образомъ потому, что въ Баръ не задолго передъ тѣмъ перенесены были съ востока мощи чтимаго восточною и западною церковію святителя и чудотворца Николая. И такъ папѣ безъ сомнѣнія казалось, что здѣсь, при гробѣ всѣми чтимаго святителя, всего лучше было собраться православнымъ и латинянамъ для разсу-

довъ, слѣдуютъ замыслы и стремленія, явившіеся при константинопольскомъ дворѣ, благодаря тѣмъ отношеніямъ, въ какія съ наступленіемъ крестовыхъ походовъ сталъ православный востокъ къ латинскому западу, и благодаря ловкой политикѣ Комниныхъ. Въ разсматри-

---

жденій о церковномъ мирѣ. И дѣйствительно въ извѣстіяхъ о соборѣ мы читаемъ, что засѣданія собора были въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почиваютъ мощи святителя, папское сѣдалище было устроено предъ его ракою. Весь этотъ малоизвѣстный и непродолжительный соборъ, состоявшій только изъ двухъ засѣданій, подъ предсѣдательствомъ самаго папы Урбана II, состоялъ изъ разсужденій и споровъ объ исхожденіи св. Духа. Все что мы узнаемъ объ этомъ соборѣ изъ немногихъ дошедшихъ до насъ извѣстій, состоитъ изъ слѣдующаго. Кромѣ папы Урбана II здѣсь же былъ и знаменитый Анзельмъ, архіепископъ Кентембюрійскій, около этого времени прибывшій къ папѣ изъ Англіи съ жалобою на своего короля, главная личность, заправлявшая ходомъ всѣхъ дѣлъ на соборѣ. На первомъ засѣданіи, по словамъ Вильгельма Мальмесбурійскаго, греки довольно удачно возражали латинянамъ, но на второмъ, когда выступилъ противъ нихъ Анзельмъ, они будто бы были совершенно побѣждены. Анзельмъ не приводилъ противъ нихъ свидѣтельствъ ни изъ отцовъ латинскихъ, которымъ не вѣрили православные, ни изъ отцовъ греческихъ, которые казались искаженными латинянамъ, а доказывалъ свою мысль изъ одного свящ. писанія и изъ началъ разума. Рѣчь Анзельма вызвала будто-бы всеобщее одобреніе со стороны латинянъ и произвела волненіе во всемъ собраніи (изъ чего между прочимъ можно заключать, что большинство бывшихъ на соборѣ составляли латиняне), а православныхъ повергла въ уныніе. Прямо послѣ рѣчи Анзельма папа, говорится у Вильгельма Мальмесбурійскаго, сильный согласіемъ всѣхъ, произнесъ анаѳему на иномыслящихъ: nec mora cum consensu omnium roboratus *in aliter sentientes fulmen excommunicationis intorsisset.* Вотъ и все, что мы знаемъ объ этомъ соборѣ. Не знаемъ ни того, кто изъ православныхъ присутствовалъ на соборѣ, мѣстный ли это былъ соборъ или на немъ присутствовали и послы отъ греческаго патріарха и императора, ни того, что православные говорили въ свою защиту; знаемъ только о діалектическомъ направленіи, какое далъ Анзельмъ спорнымъ разсужденіямъ. Вообще изъ всего описанія собора видно, что большинство здѣсь состояло изъ латинянъ, и что діалектика, которой безспорно владѣлъ Анзельмъ, удивившая все собраніе, заставила латинянъ считать себя побѣдителями и въ чувствѣ гордаго торжества произнесть поспѣшное и жестокое слово отлученія, совершенно противное той цѣли, для которой та и другая сторона шла на соборъ. Неизвѣстны также и ближайшія слѣдствія этого діалектическаго пренія.

ваемый періодъ было три крестовыхъ похода: первый въ 1096 г., вторый отъ 1147—1149, третій отъ 1189—1192 г.); всѣ они были благодѣтельны для византійской имперіи: предѣлы ея раздвинулись присоединеніемъ Никеи и ближайшихъ областей; но что всего важнѣе, она была теперь защищена отъ нападеній сарацинъ христіанскими владѣніями, не опасными для нея самой, направившими всѣ свои силы исключительно на магометанъ. Византійская имперія теперь оправилась. Мало того, она сдѣлалась сама теперь страшна для христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ, какъ непріятель оставшійся назади и могущій соединиться съ непріятелемъ находящимся впереди, съ мусульманами. Такимъ образомъ, при крайней внутренней слабости имперія неожиданно очутилась въ хорошемъ положеніи. Умные Комнины должны были понимать то и другое,—силу извѣстнымъ образомъ расположившихся обстоятельствъ, и слабость имперіи взятой самой въ себѣ, равно какъ и опасность тѣхъ мѣръ политики, какія они употребляли по отношенію къ крестоносцамъ; потому то они колебались между широкими замыслами и страхомъ за самое существованіе имперіи; оттого-то мы и встрѣчаемся съ такими фактами, что одинъ и тотъ же императоръ (Андроникъ) и предъявляетъ свои притязанія на корону западныхъ императоровъ и проситъ у папы легата для того, чтобы обезопасить свои владѣнія во время прохожденія чрезъ нихъ крестоносцевъ третьяго крестоваго похода (1). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ императоры должны были обращать свои взоры на Римъ, на папу, а слѣдовательно и на то, чѣмъ можно

(1) Baron. annal. ad an. 1180 n. 22—24.

было расположить въ свою пользу папу; тамъ они должны были искать средствъ и для осуществленія широкихъ своихъ цѣлей и для выхода изъ дурнаго положенія. Вотъ два главные источника всего того, о чемъ мы будемъ говорить далѣе; мы будемъ имѣть дѣло съ отрывочными фактами, но эти факты довольно хорошо освѣщаются при взглядѣ на общее положеніе дѣлъ въ восточной имперіи. Не забудемъ при этомъ и того, что богословскіе споры были страстію константинопольскихъ императоровъ и всего константинопольскаго двора.

Ко временамъ Алексѣя Комнина, современника перваго крестоваго похода, относятся два сохранившіеся до насъ факта, въ которыхъ выразились стремленія къ соединенію церквей: посольство около 1112 г. въ Римъ и публичный диспутъ въ Константинополѣ около того же времени. Умный Алексѣй Комнинъ, необыкновенными своими военными и политическими дарованіями поддержавшій византійскую имперію, доставившій ей даже нѣкоторый блескъ, успѣшно дѣйствовавшій противъ турокъ на востокѣ и норманскихъ владѣтелей южной Италіи на западѣ, умѣвшій искусно пользоваться въ борьбѣ съ послѣдними услугами непріязненныхъ къ норманнамъ (союзникамъ папы) германскихъ императоровъ (1), замѣшанный такимъ образомъ еще до 1-го крестоваго похода въ дѣла запада, послѣ 1-го крестоваго похода долженъ былъ еще зорче смотрѣть на западъ. Видя, какая громадная сила въ рукахъ римскаго первосвященника и какъ опасна эта сила не только для турокъ, но и для византійцевъ, при добромъ согласіи между собою главныхъ вождей запада нѣмецкихъ импера-

(1) Виз. ист. Ан. Комн. ч. I, кн. III и IV.

торовъ и папъ, съ другой стороны, какъ непрочно взаимное согласіе между тѣми и другими Алексѣй 1 Комнинъ долженъ былъ естественно придти къ мысли, нельзя ли ему самому замѣнить, для папъ и для всего христіанскаго Запада, нѣмецкаго императора, съ которымъ видимо не ладитъ папа, что́ было бы, какъ безъ сомнѣнія ему казалось, одинаково хорошо и для Рима и для Византіи. Вотъ почему, послѣ уже 1-го крестоваго похода, обратившаго особенное его вниманіе на западъ, Алексѣй задумалъ дѣло, по видимому, немыслимое, невозможное, въ сущности же весьма согласовавшееся съ обстоятельствами времени, достойное его смѣлаго государственнаго ума, именно простеръ свои виды на корону западныхъ императоровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно, конечно, поднялъ вопросъ о соединеніи церквей. Услышавъ, что папа Пасхалій II потерпѣлъ страшное униженіе отъ императора Генриха V (взявшаго его вмѣстѣ съ кардиналами въ плѣнъ и принудившаго насильно короновать себя въ 1111 г. императоромъ), Алексѣй отправляетъ къ Пасхалію II пословъ, предлагая папѣ свои услуги и изъявляя свою готовность отправиться въ Римъ для принятія западной императорской короны или послать на западъ для этого своего сына; при этомъ, высказывая готовность подчиниться „Апостольскому престолу“, онъ желалъ только знать, можетъ ли папа, какъ за долго писалъ, принять его. Слѣдствіемъ этого письма было торжественное посольство отъ папы въ Константинополь, состоявшее изъ 600 человѣкъ. Посольство это весьма хорошо, по словамъ Петра діакона, было принято императоромъ; Алексѣй Комнинъ велѣлъ было уже передать аббату Кассинской обители (приславшему вмѣстѣ съ

папскими послами и отъ себя пословъ въ Константинополь), что, когда онъ поѣдетъ въ Римъ на коронацію, то пусть и аббатъ выѣдетъ ему на встрѣчу и они вмѣстѣ отправятся въ Римъ. Но, не смотря на всѣ эти приготовленія, коронованіе императора, разумѣется, не состоялось (1) и попытка политически и религіозно соединиться съ западомъ остановилась въ самомъ началѣ.

„Все это, скажемъ словами Баронія, разрѣшилось одними словами; въ дѣйствительности это было не болѣе, какъ простое, обыкновенное посольство, хотя по наружности и казалось чѣмъ-то другимъ“ (2). Ко временамъ Алексѣя Комнина (3) относится также публичный диспутъ, въ Константинополѣ, между Евстратіемъ, архіепископомъ Никейскимъ, и Гроссоланомъ или Хрисоланомъ, архіепископомъ Миланскимъ, когда послѣдній отправился въ Палестину или уже тогда, когда возвращался оттуда, между 1110 и 1113 г. (4). Диспутъ былъ объ исхожденіи Св. Духа; происходилъ онъ въ присутствіи Алексѣя Комнина. Диспутъ этотъ, какъ и самое путешествіе Гроссолана, какъ видно, былъ дѣломъ случайности, хотя, по всей вѣроятности, императоръ, устраивая диспутъ и удостоивая его личнаго своего присутствія, имѣлъ въ виду показать готовность

---

(1) Кажется ближайшимъ образомъ потому, что около этого времени Генрихъ V, императоръ нѣмецкій снова, напалъ на папу и заставилъ Пасхалія II бѣжать изъ Рима.

(2) Ann. Bar. ad an. 1112 Petr. Diac. lib. 4 c. 48.

(3) И по всей вѣроятности къ тому же времени, къ которому относятся вышеописанныя событія, т. е. къ 1112 г.

(4) Гроссоланъ принужденъ былъ отправиться въ Палестину по причинѣ равнаго рода безпорядковъ въ церкви миланской, виною которыхъ было его незаконное вступленіе на миланскій престолъ. Въ палестину такимъ образомъ Гроссоланъ отправился по совѣту своихъ друзей, въ надеждѣ, что въ его отсутствіе улягутся волненія въ миланской церкви.

православныхъ примириться съ римскою церковію, о чемъ замѣчаетъ и Бароній, говоря о безплодности этого диспута: „Греки, говоритъ онъ, и послѣ этого продолжали оставаться въ томъ же заблужденіи, хотя императоръ и желалъ казаться человѣкомъ, находящимся въ единеніи съ римскою церковію“ (1). Подробностей объ этомъ диспутѣ не дошло до насъ, исключая рѣчи Гроссолана, обращенной къ императору и помѣщенной у Баронія (2).

Приближалось время ко второму крестовому походу (1147—1149); на Византійскомъ престолѣ сидѣлъ внукъ Алексѣя Комнина, менѣе послѣдняго даровитый, но все-таки довольно искусный политикъ и еще болѣе, чѣмъ Алексѣй, скрытный, въ высшей степени преданный страсти къ богословскимъ диспутамъ, Мануилъ Комнинъ (1143—1180) (3). Не удивительно потому, что къ его царствованію относится всего болѣе фактовъ, въ которыхъ выразились извѣстнаго рода стремленія. Мануилъ, болѣе всѣхъ византійскихъ императоровъ надѣлавшій зла крестоносцамъ, погубившій двѣ огромныя крестоносныя арміи—Конрада III и Людовика VII, имѣлъ особенныя причины представлять изъ себя друга лати-

---

(1) Annal. Baron. ad. an. 1116 n. 7—15.

(2) Ibid. Рѣчь Гроссолана, записанная имъ послѣ спора, вызвала довольно жаркую полемику со стороны грековъ. Кромѣ Евстратія, противъ Гроссолана писали монахи: Іоаннъ Фурлъ, Николай Меесинскій и многіе другіе. См. подробнѣе объ этомъ у Аллація de Cons. p. 625.

(3) Въ царствованіе Мануила много было споровъ, въ которыхъ жаркое участіе принималъ самъ императоръ; извѣстенъ, напр. возбужденный имъ споръ о словахъ: „богъ магометовъ“; было много и другихъ, также болѣе или менѣе обязанныхъ своею продолжительностію и запальчивостію императору, который хотѣлъ быть законодателемъ въ области вѣры, составлялъ догматическія формулы и преслѣдовалъ несогласныхъ съ нимъ (Виз. ист. Ник. Хон. т. 1 стр. 271—282 Спб. 1860).

нянъ, желающаго имѣть съ ними религіозное общеніе.— Еще не совершилось истребленіе крестоносныхъ армій, еще только дѣлались на западѣ приготовленія къ крестовому походу и на греческомъ востокѣ только еще распространялись не основательные слухи, что крестоносцы намѣрены овладѣть константинополемъ (1), какъ мы видимъ въ Константинополѣ уже нѣкоторое движеніе; въ 1146 г. (2) учреждается, въ присутствіи императора, торжественный публичный диспутъ, бывшій какъ бы заключеніемъ многочисленныхъ частныхъ споровъ между Анзельмомъ, епископомъ гафельбергскимъ, посломъ отъ короля Лотаря въ Константинополѣ съ 1135—1150, и православными. Диспутъ (по крайней мѣрѣ первое его засѣданіе) происходилъ въ части города, гдѣ жили пизанцы, подлѣ церкви св. Ирины; на немъ присутствовали, кромѣ множества грековъ, кромѣ императора и патріарха, много латинянъ. Диспутъ былъ между Анзельмомъ и архіепископомъ Никитою никомидійскимъ, главою коллегіума, учрежденнаго Комнинами для поддержанія образованія. Изъ двухъ засѣданій этого диспута, изъ которыхъ на первомъ была рѣчь только объ исхожденіи Св. Духа, особенно замѣчательно послѣднее, происходившее въ церкви св. Софіи, гдѣ было разсужденіе о притязаніяхъ римскихъ первосвященниковъ и объ обрядовыхъ разностяхъ между восточною и западною Церквами. Много глубокихъ истинъ и справедливыхъ упрековъ высказано было со

(1) Ист. Крест. пох. Мишо т. 11, стр. 150—151.

(2) Неандеръ, относя этотъ диспутъ къ 1146 г., на какомъ-то основаніи думаетъ, что онъ происходилъ во времена Іоанна Комнина 11-го, между тѣмъ какъ слишкомъ хорошо извѣстно, что послѣдній въ 1144 г. уже не былъ на престолѣ. Allg. Gesch. Neander. 2 Band. 2 Abth. 1856 S. 620 Gotha 1856.

стороны Никиты представителю папы. Объ его замѣчательной рѣчи мы подробнѣе скажемъ ниже. Теперь же укажемъ только на результатъ, къ которому пришли диспутанты (1). Никита, уклоняясь отъ рѣшительнаго сужденія по вопросу объ исхожденіи Св. Духа, признавалъ первенство папы, допускалъ предсѣдательство его на соборахъ, какъ было въ древности, но сильно вооружался противъ такъ называемаго главенства папы. Склоняясь болѣе въ пользу кваснаго хлѣба, Никита не отвергалъ, однакожъ, и опрѣсниковъ; онъ говорилъ, что если бы онъ только имѣлъ прѣсный хлѣбъ, то ни мало не задумался бы употребить его для Евхаристіи. Отвѣтивъ на нѣсколько другихъ вопросовъ, предложенныхъ Анзельмомъ, именно, почему православные освящаютъ цѣльное вино въ Евхаристіи, смѣшивая его съ водою уже послѣ освященія его въ Евхаристіи, онъ отвергъ совершенно, какъ клевету, другое возраженіе: зачѣмъ православные перекрещиваютъ латинянъ. Послѣ разсужденій по каждому пункту, обѣ спорящія стороны пришли къ одному заключенію, что, для уничтоженія и важныхъ, какъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа, и неважныхъ, какъ, напримѣръ, употребленіе опрѣсноковъ, разностей между восточною и западною Церквами нужно

(1) Это единственный диспутъ, о которомъ дошло до насъ довольно много и, по всей вѣроятности, довольно вѣрныхъ свѣденій. По возвращеніи въ Римъ Анзельмъ, находясь при дворѣ папы Евгенія III, по приказанію послѣдняго составилъ обстоятельный протоколъ о происходившемъ въ Константинополѣ диспутѣ. Нельзя конечно сказать, чтобы это былъ протоколъ, составленный съ дипломатическою точностію, однакоже нужно думать, что поведеніе Никиты Никомидійскаго при этомъ совѣщаніи въ сущности представлено Анзельмомъ вѣрно, такъ какъ въ его докладѣ Никита говоритъ очень остроумно и очень удачно возражаетъ Анзельму, что конечно Анзельмъ не вложилъ бы отъ себя въ уста своему противнику, если бы того не было на самомъ дѣлѣ.

собрать вселенскій соборъ въ видахъ прекращенія соблазна, особенно имѣющаго силу надъ умами людей, по словамъ Никиты, не владѣющихъ научнымъ знаніемъ вѣры (1). Какъ ни замѣчателенъ этотъ диспутъ, но мы не видимъ, чтобы имѣлъ онъ какія слѣдствія, кромѣ того, конечно, что о немъ, какъ извѣстно, узналъ изъ разсказовъ и доклада Гроссолана папа Евгеній III и могъ вывести изъ него для себя извѣстнаго рода слѣдствія. Участія Мануила въ этомъ диспутѣ не видно.—Обнаруженіе извѣстнаго рода стремленій у Мануила мы замѣчаемъ уже послѣ втораго крестоваго похода. Послѣ, неудачнаго для запада и въ высшей степени благопріятнаго для греческаго востока, втораго крестоваго похода, послѣ погибели двухъ крестоносныхъ армій, благодаря политикѣ Мануила, послѣдній очутился въ весьма выгодномъ положеніи. Іерусалимское королевство находилось въ бѣдственномъ положеніи; въ это время (отъ 1148—1171 г.) оно пробовало нѣсколько разъ прибѣгать къ помощи Мануила; король іерусалимскій Эмерикъ женился нарочно для этой цѣли на племянницѣ Андроника (2). Ключь къ Іерусалиму, Антіохійское княжество, основанное крестоносцами находилось въ ленной зависимости отъ Византіи (3). Не

(1) Объ этомъ диспутѣ см. въ Allg. Gesch. Chr Kirch. Neander. 2 Ban. 2 Abth 1856 sect. 620—621. Также Hist. Eccl. Fleuri an. 1149.

(2) Ист. Крест. пох. Мишо т. 11, гл. VII.

(3) Еще даровитый предшественникъ Мануила Іоаннъ Комнинъ въ послѣдніе годы своего царствованія успѣлъ завладѣть какъ Киликіею съ ея горными проходами по дорогѣ къ Іерусалиму (слѣд. пунктомъ важнымъ), такъ антіохійскимъ и даже триполійскимъ княжествомъ, составлявшими предверіе Іерусалимскаго королевства. Замыслы Іоанна Комнина были весьма широки. „Онъ, скажемъ словами Никиты Хоніата (т. I. стр. 49), всегда пламенно желалъ присоединить къ Константинополю Антіохію и *оттуда* посѣтить освященныя божественными стопами мѣста,

удивительно, что и западъ, вмѣстѣ съ папою, смотрѣлъ на Мануила, какъ на довольно сильнаго государя, котораго не мѣшаетъ расположить въ свою пользу; съ другой стороны, самъ Мануилъ началъ составлять широкіе планы. Такому положенію дѣлъ, безъ сомнѣнія, одолжена попытка (1) папы Адріана IV. Около 1155 г., вскорѣ по своемъ вступленіи на папскій престолъ, папа рѣшился дѣйствовать на Мануила чрезъ пользовавшагося тогда между православными большимъ уваженіемъ Василія ахридскаго, архіепископа ѳессалоникскаго, стараясь прежде всего склонить послѣдняго въ пользу соединенія Церквей. Въ своемъ письмѣ къ Василію, Адріанъ высказываетъ, что, по долгу главы Церкви, онъ

почтить дарами животворящій гробъ Господень и очистить окрестности отъ варваровъ". И хотя молва разглашала о тайныхъ и тщательно скрываемыхъ имъ замыслахъ (тамъ же т. I. стр. 50), хотя власть его надъ Антіохіею была не очень значительна, ограничиваясь отношеніями его къ Антіохіи, какъ леннаго владѣтеля (т. е. заключаясь почти въ одномъ титулѣ и обязательствѣ антіохійцевъ выставлять войско по его повелѣнію), хотя далѣе и на подобныя отношенія императора къ себѣ антіохійское княжество смотрѣло весьма подозрительно и недовѣрчиво, что обнаружилось между прочимъ во второе посѣщеніе Антіохіи Іоанномъ, и вообще дѣла его въ Антіохіи потекли вовсе не такъ, какъ ему хотѣлось, что и выразилъ онъ въ предсмертной своей рѣчи (тамъ же т. I стр. 53—54); однакоже все-таки антіохійское княжество и при Мануилѣ продолжало стоять въ зависимости отъ Византіи. Мануилъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Антіохію, при чемъ въ торжественной процессіи по замѣчанію Ник. Хоніата, „шелъ даже всадникъ копьеносецъ итальянецъ, оставивъ статнаго коня и отложивъ гордость (т. I стр. 136)". Вообще Іоаннъ Комнинъ оставилъ послѣ себя византійскую имперію въ самомъ лучшемъ положеніи, въ какомъ только могла находиться эта внутри уже дряхлая имперія: казна была богата финансами (Ник. Хон. т. 1 стр. 71).

(1) Впрочемъ, ближайшій ея поводъ неизвѣстенъ. Вотъ все, что замѣчаетъ по этому случаю Бароній: „Hadrianus Papa saepe scissura diuisos unitati compaginandos, legatos micit ad Const. Imperatorem Emmanuelem, quibus interalia pro eadem sanciendа firma concordia litteras dedit ad Basilium Achridinum..." Annal. Bar. ad an. 1155 n. 30.

считаетъ себя обязаннымъ позаботиться о возсоединеніи отпадшихъ отъ апостольскаго престола, сравнивая при этомъ грековъ съ потерянной драхмой, съ заблудшей овцой и проч.; проситъ Василія энергически приняться за возсоединеніе раздѣленнаго стада и убѣдить къ тому же императора; онъ увѣряетъ Василія, что при этомъ онъ (папа) ищетъ не временной славы, но что воскресить духовно мертвыхъ онъ считаетъ своею непремѣнною обязанностію и пр. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ папѣ, Василій выражается очень уклончиво, дипломатически (1). Эта переписка осталась безъ послѣдствій; покрайней мѣрѣ они не извѣстны ни Баронію, ни Алляцію. — Но за то мы знаемъ, что, спустя 11 лѣтъ послѣ этой переписки, къ слѣдующему за Адріаномъ папѣ Александру III посылаетъ пословъ самъ императоръ; въ 1166 г. самъ заводитъ переговоры съ Римомъ. Въ головѣ Мануила зародились въ это время, отъ постоянныхъ успѣховъ его политики, такіе же замыслы, какіе нѣкогда были у его дѣда Алексѣя Комнина. Обстоятельства располагали Мануила къ подобнымъ мыслямъ какъ нельзя болѣе. Если положеніе Мануила и было выгодно, за то никто не могъ поручиться, что оно будетъ прочно. Ма-

(1) Хвалитъ общій тонъ папскаго письма, одобряетъ выраженное въ немъ сильное желаніе мира церковнаго, но называетъ незаслуженнымъ поношеніемъ для грековъ сравненіе ихъ съ потерянной драхмой, заблудшей овцой, четверодневнымъ Лазаремъ и т. п.; утверждаетъ, что не Греки отпали отъ единства съ Церковію, потому что не вводили ничего новаго, но Латиняне; впрочемъ замѣчаетъ, что разногласіе между церквами касается вещей не важныхъ, что ихъ раздѣлила нѣкоторая небольшая непріязнь (parua quaedam offendicula), что изъ людей, одного и того же духа, сдѣлала она два общества, что удалить камни претыканія и возстановить церковное единеніе безобидно для всѣхъ—дѣло папы, который имѣетъ въ этомъ случаѣ сильнаго себѣ помощника въ лицѣ Императора Мануила. (Ann. Bar. ad. an. 1154 n. 30—35).

нуилъ могъ опасаться, какъ дѣйствительно онъ и опасался, что всѣ народы составятъ союзъ противъ римлянъ (т. е. грековъ). „Онъ говаривалъ..., что многочисленныхъ народовъ запада онъ очень боится“ (Виз. ист. Ник. Хон. т. I, стр. 256). При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно было Мануилу слѣдить за всѣмъ, что происходило на западѣ. Не удивительно послѣ этого, что, по словамъ Никиты Хоніата, между итальянскими и даже болѣе отдаленными городами не было ни одного, въ которомъ бы царь не имѣлъ своего приверженца и вполнѣ преданнаго ему человѣка“... „слышалъ и зналъ все, что только задумывали тамошніе недоброжелатели римлянъ самымъ секретнымъ образомъ въ уединеніи своихъ кабинетовъ“. Въ выгодахъ Мануила нужно было поддерживать оппозиціонную нѣмецкимъ императорамъ Италію, для того чтобы не давать имъ времени подумать о новомъ крестовомъ ополченіи. Мануилъ такъ и дѣлалъ. „Онъ часто вооружалъ итальянцевъ, по словамъ историка, противъ Аллеманскаго короля Фридерика, поддерживалъ ихъ деньгами, совѣтами, а папу въ борьбѣ съ Фридерикомъ, письмами“ (1). Ничего нѣтъ удивительнаго потому, если при такомъ положеніи вещей Мануилъ пришелъ къ такимъ же мыслямъ, какія нѣкогда занимали дѣда его Алексѣя 1 Комнина. Твердо ли онъ вѣрилъ въ достижимость своихъ замысловъ, или хотѣлъ только попытать счастья, во всякомъ случаѣ онъ вздумалъ затѣять переговоры съ Римомъ о западной императорской коронѣ, а предложеніе о соединеніи церквей употребить какъ средство къ достиженію этой цѣли. Папа Александръ III находился

(1) Ник. Хон., т. I, стр. 257.

въ то время въ такомъ же положеніи, въ какомъ нѣкогда при Алексѣѣ Комнинѣ былъ Пасхалій II; на папу Александра шелъ теперь войною императоръ Фридрихъ I Барбаросса, угрожая папѣ низверженіемъ съ престола (1). Время было удобное. Итакъ, не смотря на то, что римляне, по словамъ Никиты Хоніата (2) „осыпали его (Мануила) насмѣшками за то, что по самолюбію онъ питаетъ несбыточныя желанія, простираетъ взоры на края земли, дѣлаетъ то, на что можетъ отважиться только горячая голова“, не смотря на все это Мануилъ посылаетъ въ Римъ пословъ сказать папѣ, что онъ „хочетъ соединить свою церковь, какъ было въ древности съ матерію всѣхъ церквей римскою, чтобы тотъ и другой народъ и клиръ латинскій и греческій объединялись въ повиновеніи одному Божественному закону и одной главѣ“, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ, чтобы римская императорская корона была возложена на него, такъ какъ теперь есть достаточный къ тому поводъ и время благопріятствуетъ, при томъ же и по праву корона принадлежитъ ему (Мануилу), а не Фридриху нѣмецкому“, и что наконецъ на этотъ предметъ онъ обѣщаетъ выставить такое количество суммъ и войска, какое достаточно для полученія императорской короны. „Слова эти, говорится у Баронія, „хотя показались папѣ не совсѣмъ-то вѣроятными, и нуждающимися въ тщательномъ обсужденіи, однако папѣ послѣ совѣта съ своими приближенными показалось полезнымъ послать для переговоровъ объ

(1) Какъ извѣстно, Фридрихъ Барбаросса взялъ въ 1164 г. Римъ и принудилъ Александра III бѣжать во Францію, противопоставивъ ему новаго папу Виктора IV.

(2) Т. I, стр. 261—262.

этомъ дѣлѣ епископа Остійскаго и кардинала св. Іоанна и Павла“ (1). Посольство это ограничило всѣ свои дѣйствія нѣсколькими преніями при дворѣ (2). Мало того, черезъ 4 года (въ 1170) послѣ перваго посольства шлетъ къ папѣ второе съ такими же точно предложеніями и требованіями (3). Чрезъ своего посла Апокрисіарія императоръ снова высказываетъ папѣ свое намѣреніе соединить греческую церковь съ римской въ томъ видѣ, какъ было это въ древности, выражаетъ свое желаніе, чтобы въ его время исполнились евангельскія слова: и будетъ едино стадо и единъ пастырь, но въ тоже время требуетъ отъ папы возстановленія своихъ правъ, какъ римскаго императора. На этотъ разъ Мануилу отвѣтили уже прямо отказомъ. Папа отвѣчалъ, что онъ благодаритъ императора „возлюбленнаго государя и сына св. Петра за преданныя и частыя его посольства и за его доброе желаніе относительно римской церкви“, что онъ „охотно выслушалъ его слова и требованія и сколько по совѣсти можетъ, готовъ исполнить ихъ съ отеческою благосклонностію, но относительно требованія императорской короны долженъ сказать, что это слишкомъ важно, чрезвычайно опасно и противозаконно и онъ не можетъ и не долженъ, вопреки правиламъ св. отецъ, давать поводъ къ войнѣ, когда ему слѣдуетъ быть стражемъ и хранителемъ ми-

(1) Annal. Bar. ad an. 1166 n. 17.

(2) По крайней мѣрѣ извѣстно, что приславшій въ 1177 г. папѣ Александру III книгу объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и называвшій эту книгу плодомъ многихъ споровъ, веденныхъ съ Греками нѣкто Гугонъ Этеродіанъ говорилъ, что къ борьбѣ съ Греками его побуждали, между прочимъ, и вышеозначенные папскіе легаты. (Ann. Bar. ad an. 1177 r. n. 38).

(3) Ann. Bar. ad 1170. n. 54.

ра.“ Папа не принялъ отъ императора и присланныхъ даровъ, но все таки отправилъ въ Константинополь двухъ кардиналовъ для переговоровъ по дѣламъ церковнымъ (1). Слѣдствіемъ этого посольства былъ соборъ въ Константинополѣ въ томъ же 1170 г. Видно, что споры публичные и частные при дворѣ Мануила около этого времени и частыя посольства, не бывшія ни для кого тайной, принесли свой плодъ и усилили еще болѣе взаимное раздраженіе той и другой стороны; по крайней мѣрѣ Алляцій утверждаетъ это относительно православныхъ, именно, по его словамъ, императоръ видѣлъ „усиливающуюся дерзость и надменность схизматиковъ (грековъ) по отношенію къ латинянамъ и потому рѣшился, уничтоживши разнаго рода неудовольствія между латинянами и греками, изыскать способы къ соединенію церквей“ (2); но безъ сомнѣнія это же было и съ латинянами. Соборъ константинопольскій представляетъ собою попытку заключительную, заканчивающую собою періодъ Комниновъ, рядъ попытокъ къ уніи съ извѣстнымъ характеромъ, выражавшимися въ извѣстной формѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ и попытку важнѣйшую во всемъ разсматриваемомъ періодѣ. Это былъ довольно многочисленный соборъ; на немъ кромѣ грековъ были важнѣйшіе кардиналы римскіе (primi carsinalium) и многіе епископы (3). Подроб-

(1) Дѣло въ томъ, что дѣла папы около этого времени значительно улучшились. Фридрихъ принужденъ былъ въ 1168 г. съ большими потерями удалиться изъ Италіи въ Германію, и дѣла въ послѣдней долго удерживали его отъ новаго похода въ Италію.

(2) Allat. lib. 11, cap. IX, p. 664.

(3) Свѣдѣнія о немъ у Allat. de perp. 664 et 555—558 заимствованы Алляціемъ изъ греческихъ источниковъ, изъ діалога патріарха М. Анхіала и изъ сочиненія Анцирана.

наго описанія собора не дошло до насъ. Извѣстенъ только его результатъ и не многія изъ мыслей защитниковъ православія, приводимыя Алляціемъ. Лицемъ, имѣвшимъ большое вліяніе на ходъ соборныхъ засѣданій и результатъ ихъ, былъ константинопольскій патріархъ Михаилъ Анхіалъ. Онъ явно былъ противъ уніи съ латинянами. Въ пользу же ея былъ самъ императоръ. Императоръ старался убѣдить патріарха въ необходимости единенія съ латинянами между прочимъ невыгодами церковнаго разъединенія, представляя, какъ латиняне и варвары опустошаютъ города Греціи и раззоряютъ ея храмы. На это патріархъ отвѣчалъ, что лучше пренебречь тѣломъ, чѣмъ душею, что не стоитъ особенно заботиться объ удаленіи обстоятельствъ вредныхъ для тѣла, а нужно напротивъ всѣми силами стараться объ удаленіи того, что сопряжено со вредомъ для души, что мы храмъ живущаго въ насъ Бога и что поэтому мы не потерпимъ никакого вреда и въ такомъ случаѣ, если подчинимся господству иновѣрныхъ, напротивъ причинимъ себѣ большой вредъ, подвергнемъ опасности самый догматъ, если вступимъ въ общеніе съ итальянцами. Свой монологъ патріархъ заключаетъ слѣдующими горячими словами: „пусть господствуетъ надо мною какой нибудь агарянинъ, это останется дѣйствіемъ только наружнымъ, но я не допущу себя согласиться съ итальянцемъ, потому что это уже будетъ относиться къ области моего ума. Ему я не сочувствую, хотя и покаряюсь; когда же я соглашаюсь съ нимъ въ вѣрѣ, то разрываю связь съ Господомъ моимъ, котораго латинянинъ вытѣсняетъ изъ моего сердца.“ Надобно думать, что подобные доводы патріарха произвели на присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Левъ Алляцій

прямо называетъ патріарха виновникомъ несостоявшейся попытки и выказываетъ сильное къ нему нерасположеніе (nefarius homo). Латиняне, уступая грекамъ многое, требовали отъ нихъ трехъ вещей: признанія первенства папы, права апелляціи къ нему и поминовенія его въ молитвахъ (какъ видно изъ эпиграфа къ діалогу Михаила Анхіала). „Много толковали и слушали, говоритъ Анциранъ, но другъ другу не уступали. Почему отчаявшись относительно соглашенія между собою, императоръ, соборъ и весь сенатъ рѣшились совершенно разорвать всякую связь съ папою и со всѣми его единомышленниками (ut totali separatione absenderent), остальное предоставляя на судъ Божій. Ихъ (латинянъ) не предали полному отлученію, какъ другія ереси, такъ какъ это общество очень велико и очень знаменито...“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ положили не возобновлять попытокъ къ соединенію съ латинянами, помня слова Спасителя: еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся. Итакъ и эта попытка осталась безъ ожидаемыхъ результатовъ..

Около третьяго крестоваго похода (1189—1192) положеніе греческой имперіи стало мѣняться къ худшему (1), начались смуты: кратковременное царствованіе преемника Мануилова все прошло въ волненіяхъ внутреннихъ. Алексѣй II (1180—1183) палъ отъ возмуще-

(1) Царствованіе Мануила замѣчательное смѣлыми замыслами, довольно блестящее въ отношеніи къ внѣшней политикѣ, далеко не было благодѣтельно для Византійской имперіи въ отношеніи къ политикѣ внутренней. Оно не только потребило суммы, собранныя предшественниками Мануила, особенно Іоанномъ, но истощило и народъ новыми податями; Италія, войско и приверженцы Мануила требовали бездну денегъ (Ник. Хон., т. I, стр. 262—265). Кромѣ того жители провинцій много терпѣли отъ сборщиковъ податей, отъ военныхъ постоевъ. Дисциплина въ войскѣ ослабѣла (тамъ же, стр. 269—271).

нія. Андроникъ (1183—1185) свергшій его съ престола занимался болѣе жестокостями, чѣмъ внѣшнею политикою (1). Третій крестовый походъ засталъ на константинопольскомъ престолѣ слабаго Исаака Ангела, который, не смотря на все свое желаніе, не съумѣлъ повредить крестоносцамъ этого похода и долженъ былъ пропустить ихъ чрезъ свою имперію, не сдѣлавъ имъ значительнаго вреда (2). Если его предшественникъ былъ явный врагъ латинянъ, истребившій, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, при самомъ началѣ своего управленія имперіею, латинянъ въ Константинополѣ, то Исаакъ не способенъ былъ быть ни врагомъ, ни другомъ ихъ; тѣмъ болѣе уже у него не доставало ума, чтобы держаться политики Комниновъ: Алексѣя и Мануила. Поэтому не удивительно, что отъ самой смерти Мануила до начала четвертаго крестоваго похода мы не встрѣчаемъ ни одного намека на какіе нибудь замыслы къ соединенію церквей. Уже предъ началомъ четвертаго крестоваго похода появляются этого рода стремленія, но въ это время характеръ отношеній

---

(1) Его царствованіе составляло рѣзкій контрастъ съ царствованіемъ Мануила. Во внѣшнемъ отношеніи имперія была унижена. Норманны брали городъ за городомъ, а Андроникъ бездѣйствовалъ. Напротивъ, внутреннее благосостояніе имперіи улучшилось, благодаря жестокому гоненію, воздвигнутому Андроникомъ на вельможъ, очищенію двора отъ разныхъ, любившихъ набивать карманъ, личностей. Не смотря на крайнюю жестокость Андроника, въ короткое время населеніе городовъ возрасло, земледѣліе улучшено, жизненные припасы сдѣлались дешевле, насилія сборщиковъ податей прекратились (Виз. ист. Ник. Хон., т. I, стр. 408—418). Вообще политика Андроника была совершенно противоположна Мануиловой. Латинянъ онъ терпѣть не могъ, обращался съ ними презрительно (тамъ же, стр. 377), называлъ ихъ сапожниками и др. именами (стр. 400); войска, состоящаго изъ итальянцевъ, не имѣлъ; богословскихъ споровъ не любилъ (тамъ же, стр. 417).

(2) Виз. ист. Ник. Хон., т. II, цар. Ис. Анг., кн. 2, гл. 3, 5 и 6.

между востокомъ и западомъ уже измѣняется. Сношенія между Римомъ и Константинополемъ въ послѣдніе годы XII столѣтія составляютъ переходъ къ сношеніямъ временъ латинской имперіи. Со смертію Мануила Комнина, какъ мы видѣли, кончились болѣе или менѣе счастливыя времена для восточной имперіи и настали смутныя, настали времена слабыхъ или недостойныхъ императоровъ. А для Рима на оборотъ прошли тяжолыя бѣдственныя времена борьбы съ гогенштауфенами и наступила съ Иннокентіемъ III (съ 1198) самая блестящая эпоха этой борьбы поднявшей папу на высоту его могущества. Прежняго равновѣсія между востокомъ и западомъ не стало. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ характерѣ ихъ взаимныхъ отношеній произошла перемѣна. Въ самый годъ (1198) вступленія на папскій престолъ Иннокентія III началась переписка между папою. императоромъ Алексѣемъ Ангеломъ и патріархомъ константинопольскимъ. На сколько твердо сидѣлъ на папскомъ престолѣ Иннокентій III, на столько же шатко было положеніе императора Алексѣя I Ангела (1195). Послѣдній имѣлъ претендента на свой престолъ въ лицѣ своего племянника Алексѣя II Ангела младшаго и что особенно важно, этотъ претендентъ, отправившись на западъ, искалъ помощи у папы. Напротивъ Иннокентій, имѣя полную возможность обратить въ свою пользу это послѣднее важное обстоятельство, сталъ въ то же время хлопотать о другомъ средствѣ показать міру и особенно міру восточному свое могущество, именно о составленіи четвертаго крестоваго похода. Оба эти обстоятельства должны были внушить сильный страхъ константинопольскому императору. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ переписка между Константинополемъ и

Римомъ приняла съ одной стороны тонъ повелительнаго и почти угрожающаго требованія, съ другой слабаго отпора и довольно робкаго возраженія на эти требованія. На дружественное посланіе Алексѣя I Ангела по случаю вступленія на папскій престолъ Иннокентія III, этотъ послѣдній отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ то упрекаетъ императора въ холодности къ крестовымъ походамъ и пренебреженіи къ дѣлу уніи,—„есть еще нѣчто, говоритъ онъ, за что народъ христіанскій ропщетъ не только на тебя, но даже и на церковь римскую, которая до сихъ поръ какъ бы пренебрегла о семъ“, именно ропщетъ за то, что „греки отступили отъ единства Апостольскаго престола и римской церкви, которая по установленію Господа есть мать и наставница всѣхъ вѣрныхъ“; то указываетъ императору на подчиненіе римскому престолу, какъ на средство къ прочнѣйшему утвержденію его на императорскомъ престолѣ. „Высокая императорская власть дѣйствительно будетъ высока и славна, говоритъ онъ,... если будетъ искать того основанія, которое Самъ Господь положилъ для своей Церкви, сказавъ: на семъ камени созижду Церковь мою“; то увѣщеваетъ его содѣйствовать крестоносцамъ и привесть греческую церковь къ повиновенію, обѣщая ему свою помощь; то наконецъ въ заключеніе угрожаетъ ему мщеніемъ за неисполненіе своихъ требованій: „сколь ни прискорбно намъ огорчать тебя, не можемъ далѣе терпѣть, чтобы не исполнить своей обязанности, когда по милости Божіей: пріимемъ время судить правоты“. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ письмѣ папа рѣшительно и рѣзко требуетъ себѣ отъ грековъ повиновенія, какъ главѣ и средоточію христіанства, въ этомъ письмѣ онъ въ первый разъ, обра-

щаясь къ восточнымъ императорамъ, говоритъ языкомъ повелителя царей, раздаятеля императорскихъ вѣнцовъ и карателя непокорныхъ свѣтскихъ властей,—далѣе языкомъ человѣка, который рѣшился энергически приняться за дѣло подчиненія латинянамъ православныхъ, за старый вопросъ, по его мнѣнію до сихъ поръ мало обращавшій на себя вниманія. Въ такомъ же тонѣ писалъ Иннокентій и къ патріарху Георгію Ксифилину, между прочимъ убѣждая его позаботиться о присоединеніи его паствы къ римскому престолу и расположить императора къ содѣйствію крестоносцамъ на Востокѣ. Такой высокомѣрный тонъ папскаго письма вызвалъ со стороны императора умѣренный отвѣтъ. Отклонивъ отъ себя и отъ православныхъ обвиненіе въ нерасположеніи къ крестовымъ походамъ, императоръ вотъ что писалъ относительно соединенія Церквей: „оно легко могло бы состояться, если бы, при ограниченіи человѣческихъ желаній, была принята посредницею одна воля Божія; ибо вселенская Церковь, состоящая подъ управленіемъ единаго Пастыря Христа, едина и нераздѣльна. Что же касается до нынѣшнихъ престоловъ и почестей, какими пользуются церкви, то это привзошло къ нимъ отъ мірскихъ властей. Посему, еслибы предстоятели церквей отложили свое плотское мудрованіе и изслѣдованіе глубокихъ догматовъ предоставили единому Духу Святому, то скоро могли бы достигнуть разрѣшенія недумѣній и пришли бы отъ раздѣленія къ единству, отъ споровъ къ миру... „Твое дѣло“, прибавляетъ императоръ, обращаясь къ папѣ „по примѣру прежде бывшихъ соборовъ, для изслѣдованія о догматахъ учредить соборное совѣщаніе: когда это будетъ сдѣлано, тогда и наша святѣйшая церковь не замедлитъ принять участіе въ соборѣ“. Па-

тріархъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ папѣ выражалъ недоумѣніе, на какомъ основаніи Иннокентій называлъ римскую церковь единою вселенскою и матерію всѣхъ церквей, и почему онъ называетъ православныхъ виновниками раздѣленія, одобряя впрочемъ выраженное папою желаніе церковнаго примиренія. Переписка продолжалась. Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ императору папа еще болѣе, нежели въ первомъ, оказался человѣкомъ требующимъ безусловно себѣ подчиненія. Онъ соглашается на вселенскій соборъ, но настаиваетъ, чтобы императоръ убѣдилъ патріарха явиться на соборъ съ изъявленіемъ покорности апостольскому престолу, а не съ преніями и возраженіями на латинское ученіе; разрѣшенія же своихъ недоумѣній и примиренія разностей ожидать въ послѣдствіи отъ самаго папы и собора, угрожая въ противномъ случаѣ императору за неисполненіе этихъ требованій дѣйствовать какъ противъ него, такъ и противъ патріарха и всей церкви греческой. Въ письмѣ къ Ксифилину, распространяясь о правахъ апостола Петра, повторяетъ высказанное уже императору требованіе, чтобы патріархъ явился на соборъ для изъявленія своей покорности римской церкви.—Послѣ этого невозможность примиренія церквей была очевидна. Переписка прекратилась и только спустя долгое время императоръ писалъ папѣ, что греческая церковь согласна на вселенскій соборъ, въ такомъ впрочемъ только случаѣ, если онъ будетъ собранъ въ Греціи (1). Такъ прекратились переговоры между папою и Алексѣемъ Ангеломъ до самаго взятія латинянами Константинополя.

(1) Innocent. Regesta, lib. I et lib. II. См. Сост. прав. ц. въ имп. греч. во врем. влад. латинянъ въ Константинополѣ, въ приб. къ Тв. Св. Отц., ч. XVI.

Мы прослѣдили въ данный періодъ времени вліяніе международныхъ столкновеній на массы, политическихъ обстоятельствъ востока и запада на политику папы и греческихъ императоровъ и въ слѣдствіе того на ходъ попытокъ съ ихъ стороны рѣшить вопросъ о возсоединеніи церквей. Теперь остается показать, какъ вообще въ это время относилась къ вопросу Православная іерархія. Изъ сказаннаго выше уже отчасти можно видѣть, какъ она относилась. Одни, вѣроятно весьма немногіе, выводили разрывъ церквей изъ простаго оскорбленія, взаимнаго раздраженія церквей (*parva quaedam offendicula*) признавая за той и другой церковью *одинъ духъ*, одно направленіе (ex uno eodemque spiritu multos fecerint); такъ думалъ Василій Ахридскій (1). На Константинопольскомъ соборѣ 1170 г. высказанъ былъ Михаиломъ Анхіаломъ во многихъ отношеніяхъ совершенно противоположный взглядъ. По этому взгляду разность между церквами такъ велика, что единеніе православнаго съ латинянином опаснѣе для перваго въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ союзъ съ агарянином, что онъ служитъ для православнаго причиной потери спасенія; латинянинъ, принятый православными въ общеніе, вытѣсняетъ, по словамъ Михаила Анхіала, изъ груди послѣдняго самаго Христа Спасителя. Если первый взглядъ (2) ближе подходитъ къ взгляду высшихъ классовъ общества, близкихъ къ политикѣ и правитель-

(1) Сюда безъ сомнѣнія принадлежала большая часть тѣхъ людей, которые съ такимъ жаромъ спорили объ исхожденіи Св. Духа, считая этотъ пунктъ единственнымъ пунктомъ разногласія между церквами, какъ, наприм., Анзельмъ, Гроссоланъ, Евстратій Никейскій, и др.

(2) Изъ западныхъ первый взглядъ, — взглядъ Василія Ахридскаго раздѣлялъ св. Бернардъ. „Ego addo—писалъ онъ—et de pertinacia Graecorum, qui nobiscum sunt et non sunt, juncti fide, pace divisi. Quamquam et in fide claudicaverunt a semitis rectis“ (Annal. Baron. ad an. 1155 n. 35.

ству, то этотъ послѣдній имѣетъ много сроднаго съ взглядами народными. Знаменитымъ Никитою Никомидійскимъ высказанъ былъ третій взглядъ, составляющій среднее между первыми двумя, возвышающійся до философско-историческаго пониманія сущности латинства и православія, хотя и не вполнѣ. Не останавливаясь на однихъ отрывочныхъ пунктахъ ученія, онъ старался вникнуть во внутреннюю физіономію той и другой церкви, въ характеръ той жизни, которою жила та и другая церковь; такимъ образомъ онъ видѣлъ въ одной изъ нихъ стремленіе къ невѣжеству и деспотизму въ вѣрѣ, а въ другой къ просвѣщенію и свободѣ. На слова Анзельма, который авторитетъ римской церкви доказывалъ тѣмъ, что въ ней всегда неприкосновеннымъ сохранялось чистое ученіе среди всѣхъ споровъ, проникавшихъ съ востока, а православную церковь унижалъ именно на томъ основаніи, что въ ней возникали всѣ ереси, колебавшія церковь,—Никита отвѣчалъ: „если ереси возникали въ церкви, то въ ней же онѣ были и побѣждены; онѣ послужили только къ яснѣйшему раскрытію и утвержденію вѣры“. Мало того даже на самый фактъ появленія ересей Никита справедливо указываетъ какъ на доказательство преимущества православной церкви предъ римскою: онъ выводилъ его изъ господства въ этой церкви научнаго образованія; римскую же церковь упрекалъ въ невѣжествѣ. Чтобы показать къ чему приведены были латиняне по нерадѣнію ли въ отношеніи къ религіознымъ изслѣдованіямъ, или по умственной неподвижности и тупоумію, или отъ обременія себя множествомъ мірскихъ занятій, онъ прилагалъ къ латинянамъ слова 1-го посланія къ Тим. 1, 7, а къ грекамъ слова Аристотеля о пользѣ сомнѣнія, какъ пере-

ходнаго состоянія. Наконецъ, допуская на время, что греческая церковь подчинилась бы папѣ, онъ яркими красками рисуетъ печальныя, неминуемо долженствовавшія возникнуть послѣдствія изъ этого соединенія церквей. „Если первосвященникъ римскій, говоритъ онъ, хочетъ съ высокаго, гордаго своего престола гремѣть и какъ бы съ высоты бросать намъ свои законы, если онъ имѣетъ притязаніе быть нашимъ судьей и судьей нашихъ церквей и даже господствовать надъ нами не съ нашего согласія, а самовольно, по своему усмотрѣнію, то какъ могутъ существовать между нами братскія или отеческія отношенія? Мы должны въ этомъ случаѣ называть себя и быть настоящими рабами, а не сынами церкви. Еслибы это было необходимо, еслибы столь тяжелое иго грозило дѣйствительно упасть на наши выи, то оставалось бы одно, чтобы римская церковь одна пользовалась свободою по своему изволенію: она предписывала бы конечно законы другимъ церквамъ, но за то сама оставалась бы безъ закона и была бы не кроткою матерью для своей дѣтей, а суровою и самовластною повелительницею рабовъ. Къ чему послужило бы тогда знаніе св. писанія? Къ чему образованіе науками и литературою? Къ чему ученыя наставленія учителей? Къ чему благородныя способности греческихъ ученыхъ? Власть римскаго первосвященника, которая, какъ ты говоришь, выше всѣхъ, одна дѣлаетъ это излишнимъ. Тогда онъ одинъ епископъ, онъ одинъ учитель, онъ одинъ наставникъ, онъ одинъ, какъ единый пастырь, отвѣчаетъ предъ Богомъ за всѣхъ тѣхъ, которые ввѣрены ему одному“ (1). Сильнѣе и вѣрнѣе высказаться и невозможно было въ XII вѣкѣ.

(1) Въ Achery Specileg., lib. III и VIII. См. Allg. Gesch. der

ГЛАВА II.

Попытки къ соединенію Церквей во времена господства Латинянъ въ Константинополѣ съ 1204—1261 г.

Въ послѣднюю половину этого двухсотлѣтняго періода (1053 — 1261) отношенія между церквами въ существѣ дѣла были такія же, какъ и только что описанныя нами. Несмотря на необыкновенныя обстоятельства этого времени, на паденіе восточной имперіи и на утвержденіе господства латинянъ въ Константинополѣ, вопросъ объ уніи оставался въ существѣ дѣла въ прежнемъ положеніи и рѣшался также, какъ и до сего времени, т. е. едва возникавшіе переговоры прекращались при самомъ ихъ началѣ: дѣло никогда не заходило такъ далеко, такъ не усложнялось, какъ въ послѣдствіи во времена ліонской уніи и флорентинскаго собора. Политика греческихъ владѣтелей была одна и таже, отношеніе къ вопросу іерархіи и народа въ существѣ дѣла было одно и тоже. Присутствіе латинянъ въ Константинополѣ и 57 лѣтнее существованіе латинской имперіи были ни болѣе ни менѣе, какъ тотъ же крестовый походъ. Какъ прежде толпы крестоносцевъ, проходя чрезъ Константинополь, наполняли опасеніемъ сердца Комниновъ и заставляли ихъ пускать въ ходъ всю ихъ политику, такъ и теперь латиняне въ Константинополѣ производили такое же дѣйствіе на мелкихъ владѣтелей возникавшей изъ развалинъ имперіи. И какъ прежде, при прохожденіи крестоносныхъ полчищъ, массы пра-

Christl. Relig. und Kirche von Neander, zweit. Band, II Abtheil, s. 620—621, Gotha 1856.

вославныхъ ближе знакомились съ латинянами и взаимно проникались непріязнію политическою и религіозною, такъ и теперь совершалось тоже самое, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Наконецъ, какъ тогда, понимая весьма двусмысленную и нерѣшительную политику императоровъ и замѣчая полнѣйшее отчужденіе массы народной отъ латинянъ, іерархія православная оставалась совершенно покойною на счетъ неповрежденности православія, такъ въ томъ же положеніи она оставалась и теперь. Невозможность при данныхъ условіяхъ мира между церквами, какъ тогда, такъ и теперь, ясна была для всѣхъ и для правительства, и для іерархіи, и для народа. Невозможно было и думать о религіозномъ мирѣ съ латинянами, когда нужно было бороться съ *крестовымъ* ополченіемъ Запада. Отъ того какъ прежде, такъ и теперь переговоры о соединеніи церквей были непродолжительны, никогда не затягивались надолго. Прежде опасеніе, внушаемое крестоносцами, а теперь открытая борьба съ ними объединяли болѣе или менѣе всѣхъ православныхъ въ однимъ взглядѣ на вопросъ о церковномъ мирѣ, въ одномъ чувствѣ невозможности примиренія съ латинянами, хотя и теперь, какъ и прежде политикѣ греческихъ императоровъ не мѣшало отъ времени до времени показывать, будто они непрочь хлопотать о возсоединеніи церквей и вовлекать въ тоже дѣло и іерархію. Все различіе между предшествующими временами и временами основанія и 57 лѣтняго существованія латинской имперіи состояло въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ столкновенія латинянъ съ православными проявлялись въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, несравненно быстрѣе созрѣвали религіозныя и политическія антипатіи востока и запада.

Развитіе непріязненныхъ чувствъ между православными и латинянами теперь уже неумѣрялось какъ прежде необходимостію сохранять между собою какой нибудь миръ, хоть наружный; самыми обстоятельствами предоставлена была теперь этимъ чувствамъ полнѣйшая свобода зрѣть и выражаться въ какихъ угодно формахъ. Если прежде, по свидѣтельству Никиты Хоніата, какъ мы видѣли, православные сознавали, что между ними утвердилась величайшая пропасть вражды, что сердечнаго единодушія между ними не можетъ быть, хотя бы они и жили вмѣстѣ, то теперь дѣло зашло еще далѣе. Теперь греки и латиняне не только не сочувствуютъ, презираютъ, но и ненавидятъ другъ друга, питаютъ положительно враждебное чувство одни къ другимъ; и притомъ до такой степени сильно въ нихъ это чувство, что одни лишаютъ другихъ даже человѣческаго имени, считаютъ своихъ противниковъ не болѣе, какъ собаками, бѣлыми агарянами. Первый латинскій императоръ въ Костантинополѣ, Балдуинъ I, писалъ папѣ о грекахъ: „это народъ, который не удостоиваетъ латинянъ даже человѣческаго имени, но называетъ ихъ собаками“ (1). Соборъ латеранскій 1215 г. признавался: „греки на столько стали гнушаться латинянами, что не прежде служатъ на тѣхъ престолахъ, на которыхъ когда либо священнодѣйствовали латинскіе священники, какъ подвергнувъ алтари предварительно омовенію, и перекрещиваютъ уже крещеныхъ латинянъ (2)“. О взглядахъ латинянъ на православныхъ свидѣтельствуетъ Пахимеръ: „греки въ глазахъ латинянъ, пишетъ онъ, не болѣе какъ бѣлые агаряне (3). Такимъ образомъ массы грековъ и латинянъ

(1) Gesta Innocent. III, c. 32.
(2) Hist. Eccl. Henr., an. 1215, n. XL.
(3) Пахим. виз. ист., т. I, стр, 338.

окончательно установили непріязненный взглядъ другъ на друга. Прежде они только видѣли, что лежитъ между ними глубочайшая пропасть вражды, а теперь измѣрили, какъ глубока бездна ихъ раздѣляющая, достали до самаго ея дна.

На самое основаніе латинской имперіи нужно уже смотрѣть, какъ на попытку запада *силою оружія* подчинить восточную церковь римскому папѣ. Впрочемъ эта цѣль ни для папы, ни для крестоносцевъ не выяснилась сразу, какъ только объявленъ былъ четвертый крестовый походъ; не совсѣмъ ясна она была для нихъ даже и тогда, когда уже положено было идти противъ Константинополя. Взятіе послѣдняго латинянами обставлено было многими случайными обстоятельствами, а вовсе не было дѣломъ опредѣленнаго, заранѣе задуманнаго кѣмъ либо плана, не было дѣломъ политики Рима. Отклоненіемъ отъ прямой своей цѣли крестоносцы обязаны главнымъ образомъ венеціанцамъ. Крестоносное войско 4-го крестоваго похода, отправляясь въ Палестину, принуждено было воспользоваться для переѣзда моремъ услугами венеціанцевъ, а эти послѣдніе за свои труды между прочимъ потребовали отъ крестоносцевъ, чтобы послѣдніе покорили для республики городъ Зару. Городъ Зара былъ взятъ (1). Одинъ разъ отклонившись отъ прямой цѣли, крестоносцы отклонились и въ другой.

---

(1) За взятіе его венеціанцы отлучены были папою отъ церкви, а крестоносцамъ пришло отъ папы строгое приказаніе немедленно спѣшить въ Палестину, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, какъ выражался папа. Поведеніе крестоносцевъ, а всего болѣе венеціанцевъ серьёзно не нравилось папѣ; да и между самими крестоносцами много было людей, которые противились завоеванію Зары, христіанскаго города.— Henry. Hist. Eccl. an. 1202, n. XLVII, XLVIII, L. Мишо. Ист. кр. пох., т. III, стр. 130—141.

Вскорѣ по взятіи Зары во второй разъ (1) явились въ станъ крестоносцевъ послы по дѣлу царевича Алексѣя отъ Филиппа Швабскаго шурина Алексѣя. Они говорили, что пришли не отвращать крестоносцевъ отъ священнаго предпріятія, но предложить имъ самое надежное и вѣрное средство исполнить благородныя ихъ намѣренія, что возвращеніемъ Константинополя законному государю и союзомъ съ послѣднимъ они облегчатъ для себя завоеваніе Іерусалима; затѣмъ предлагали самыя выгодныя условія на счетъ содержанія крестоносцевъ, вознагражденія ихъ и подчиненія папѣ греческой церкви. Отъ этихъ предложеній въ совѣтѣ крестоносцевъ вспыхнули жаркіе споры (2). Но торговые расчеты венеціанцевъ, воинственные замыслы бароновъ и рыцарей соединились съ церковными стремленіями латинскаго духовенства и набожными расположеніями крестоносцевъ, желавшихъ добра греческому востоку, и споры кончились въ пользу принятія предложеній Алексѣя. Не такъ

(1) Въ первый разъ они были предъ самымъ отправленіемъ крестоносцевъ въ Зару. Но еще ранѣе, въ 1202 г., самъ Алексѣй Ангелъ былъ лично въ Римѣ у папы Иннокентія III и въ Венеціи, съ письмами отъ Филиппа и отъ папы (Виз. ист. Ник. Хон., т. II, стр. 272—273). Что содержало папское письмо, данное Алексѣю, неизвѣстно.

(2) Мишо. Ист. кр. пох., т. III, стр. 130—141. Hist. Eccl. Henry, an. 1202, n. XLIX. Возставшіе противъ осады Зары, между коими преимущественно отличался аббатъ Де-во-де Серне, сильно противились походу въ Константинополь. Напротивъ, венеціанцы, недовольные императоромъ константинопольскимъ, промѣнявшимъ ихъ на пизанцевъ (Ник. Хон., т. II, стр. 270), всѣми силами хлопотали объ этомъ походѣ; они съ нетерпѣніемъ желали подорвать факторіи пизанцевъ въ Греціи; къ ихъ партіи примыкали многіе изъ духовенства. Эти послѣдніе, имѣя во главѣ своей аббата де-Лоозъ, утверждали, что возвращеніе Константинополя законному государю и союзъ съ нимъ есть вѣрнѣйшее средство обезпечить христіанамъ владѣніе Іерусалимомъ. „Эти священники, по словамъ Мишо, особенно обольщались надеждою видѣть нѣкогда присоединеніе церкви греческой къ церкви римской“. Множество рыцарей раздѣляли подобные же взгляды и надежды.

настроенъ былъ римскій дворъ. Узнавъ о томъ, что дѣлается въ Зарѣ, папа и весь римскій клиръ былъ опечаленъ, думая не *хитрость ли ужъ это демона*, который хочетъ погубить христіанскую армію и уничтожить помощь предназначенную для святой земли (1). Но не смотря на несочувствіе этому предпріятію папы и противленіе многихъ между самими крестоносцами, отправленіе въ Константинополь состоялось. Напрасно старался дѣйствовать на папу императоръ Алексѣй I Ангелъ, напрасно представлялъ онъ всю несообразность замысла крестоносцевъ съ высокою цѣлію ихъ похода, опасность для ихъ предпріятія, доказывалъ свои законныя права на византійскій престолъ, просилъ папу воспрепятствовать ихъ замысламъ (2). Напрасно и папа, опасаясь вреда для крестоносцевъ и льстясь надеждою, что можно съ выгодою вести переговоры о соединеніи церквей, не извлекая меча, и что возникшія распри о византійскомъ престолѣ будутъ обсуждаемы въ его верховномъ судилищѣ, предлагалъ греческому имератору для предупрежденія несчастій энергически приняться за дѣло возсоединенія церквей, а крестоносцевъ упрекалъ въ сильныхъ выраженіяхъ за то, что они оглядываются назадъ подобно женѣ Лота; въ заключеніе же письма не давалъ крестоносцамъ обычнаго благословенія и для того, чтобы болѣе устрашить ихъ, угрожалъ имъ проклятіемъ неба (3). Не помогли ни-

(1) Henry. Hist. Eccl., an. 1202, n. L. „Впрочемъ—замѣчаетъ Флери—это не значитъ, чтобы папа былъ доволенъ Константинополемъ и чтобы онъ не былъ радъ, если бы удалось католикамъ завоевать этотъ городъ безъ пролитія крови. Но онъ боялся, чтобы не погибла въ этомъ предпріятіи армія крестоносцевъ".

(2) Henry. Hist. Eccl., an. 1202, n. L.

(3) Ibid., an. 1203, n. LI. „Пусть никто изъ васъ—писалъ онъ кре-

сколько и вновь поднявшіяся въ крестоносномъ войскѣ голоса противниковъ похода на Константинополь и даже удаленіе значительной части крестоносцевъ, однихъ назадъ по своимъ мѣстамъ, другихъ въ Палестину. Предъ самымъ отправленіемъ въ Константинополь прибылъ въ станъ крестоносцевъ самъ Алексѣй II и произвелъ своимъ прибытіемъ и своими обѣщаніями всеобщій энтузіазмъ въ крестоносномъ ополченіи (1); его почитали за посланнаго Провидѣніемъ; онъ шелъ поразить хищника, наказать несправедливость, поразить схизму, какъ они выражались. Въ своихъ мечтахъ относительно возстановленія законнаго государя на византійскомъ престолѣ и подчиненія греческой церкви папѣ крестоносцамъ пришлось вскорѣ однакожъ значительно разочароваться. Крестоносцевъ приняли вовсе не такъ, какъ они ожидали. „Жестокій похититель имперіи“, писали крестоносцы папѣ о пріемѣ, какой имъ сдѣлали жители Византіи, „наговорилъ народу и успѣлъ его убѣдить въ томъ, что мы пришли разрушить древнюю свободу и подчинить ихъ имперію своимъ законамъ и авторитету папы. Это только и воодушевляло ихъ противъ насъ и противъ молодаго принца Алексѣя, такъ что они не хотѣли насъ слушать. Когда, увидѣвъ ихъ на стѣнахъ, мы захотѣли начать съ ними мирные переговоры, то они ничего не хотѣли говорить

стоносцамъ—не ласкаетъ себя мыслію, что дозволено присвоивать вамъ или грабить землю грековъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она не показываетъ надлежащей покорности св. престолу“.

(1) Обѣщанія состояли въ слѣдующемъ. Алексѣй обязывался заплатить крестоносцамъ 200,000 марокъ серебра, доставить на цѣлый годъ съѣстные припасы на армію, подкрѣпить крестоносцевъ при походѣ въ Палестину 10,000 отрядомъ, содержать на своемъ иждивеніи въ продолженіе всей своей жизни 500 рыцарей въ Сиріи и наконецъ, что всего важнѣе, подчинить греческую церковь папѣ.

съ нами и только бросали въ насъ камнями“ (1). Какъ бы то ни было однакожъ 17 іюля 1203 г. крестоносцы вступили въ Константинополь; Исаакъ Ангелъ (бывшій императоръ, низверженный братомъ своимъ Алексѣемъ I Ангеломъ) выведенъ изъ тюрьмы и вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ II возведенъ на императорскій престолъ (2).—Извѣщая папу о случившемся, вожди крестоносцевъ писали въ Римъ, что успѣхи ихъ предпріятія не человѣческое, но Божіе дѣло; они даже клялись папѣ, будто никакіе мірскіе виды не управляли ихъ храбростію. Новый императоръ Алексѣй II Ангелъ вмѣстѣ съ вождями крестоносцевъ писалъ въ тоже время папѣ, оправдывая поведеніе какъ свое, такъ и крестоносцевъ: „главная причина, писалъ онъ, подвигнувшая поклонниковъ (св. земли) оказать намъ помощь, заключается въ томъ, что мы клятвенно обѣщали признать римскаго первосвященника главою всего христіанства и преемникомъ св. Петра, и что мы всею своею властію будемъ привлекать къ нему Восточную церковь“ (3). Въ отвѣтѣ къ новому константинопольскому императору папа совѣтовалъ Алексѣю въ точности исполнить данныя имъ обѣщанія (4). Но не

---

(1) Henry, an. 1203, n. LII.

(2) Виз. ист. Ник. Хон., т. II, стр. 275—288.

(3) Henry, an. 1203, n. LII.

(4) Ibid., an. 1204, n. I. Отъ крестоносцевъ же, въ доказательство искренности ихъ набожныхъ намѣреній, равно какъ и обѣщаній новаго византійскаго императора, требовалъ, чтобы они принудили Алексѣя II дать торжественное формальное обязательство на счетъ подчиненія его римскому престолу и отправить, вмѣстѣ съ патріархомъ, торжественное посольство въ Римъ съ изъявленіемъ покорности римской каѳедрѣ. „Иначе—писалъ папа—если императоръ не поспѣшитъ исполнить то, что обѣщалъ, то очевидно, что ни его намѣреніе, ни ваше не были искренни и что вы присовокупили это новое преступленіе уже къ сдѣ-

такъ легко было исполнить на дѣлѣ то, что обѣщано было на словахъ. Алексѣй II поставилъ себя въ самое затруднительное положеніе: онъ очутился между двумя одна другой крайне непріязненными сторонами; старался угодить и той и другой, и между тѣмъ раздражалъ противъ себя и ту и другую; то принималъ сторону латинянъ, то сторону грековъ (1). Но всего болѣе онъ вооружилъ противъ себя своихъ собственныхъ подданныхъ. Страшные налоги, которыми онъ обременялъ народъ для уплаты обѣщанной крестоносцамъ награды (2), похищеніе для этой же цѣли золотыхъ и серебрянныхъ украшеній изъ церквей (3), ненасытная жадность его друзей латинянъ, которые, неудовлетворяясь тѣмъ, что давалъ имъ императоръ, опустошали вокругъ столицы поля, грабили домы и монастыри Пропонтиды (4)—все это дѣлало Алексѣя II вмѣстѣ съ латинянами крайне ненавистнымъ и презрѣннымъ для грековъ, заставляло видѣть въ немъ измѣнника народнымъ интересамъ. Страшный пожаръ, опустошившій столицу и приписанный латинянамъ, и схватки между латинянами и греками (5) довершили дѣло окончательнаго разрыва между греками и латинянами съ одной стороны и Алексѣемъ и его подданными съ другой. Алексѣй II палъ отъ руки Мурцуфла, который ловко воспользовался для своихъ

ланному вами"; въ заключеніе опять не далъ обычнаго благословенія крестоносцамъ.

(1) У Ник. Хон. Алексѣй представляется держащимъ рѣшительно сторону латинянъ; но нужно принять во вниманіе и западныхъ лѣтописцевъ, которыми, напримѣръ, пользовался Мишо.

(2) Ник. Хон., т. II, стр. 301—302.

(3) Тамъ же, стр. 289 и 302.

(4) Тамъ же, стр. 302—304.

(5) Ник. Хон., т. II, стр. 291—296 и 303.

цѣлей всеобщею ненавистью къ императору (1). Теперь по паденіи Алексѣя II всецѣло уже выяснилась для крестоносцевъ цѣль ихъ похода въ Константинополь. Послѣ убіенія Алексѣя бывшіе въ крестоносномъ войскѣ епископы и священники торжественно объявили, что греки возмутились противъ самого Бога, обѣщавшись присоединиться къ св. римской церкви и снова отказываясь отъ повиновенія главѣ ея, снова впадая въ прежнія заблужденія; потому они признавали войну противъ нихъ справедливою и законною и обѣщали *полное отпущеніе грѣховъ* всѣмъ, которые будутъ сражаться противъ отступниковъ (2). Тогда же крестоносцы заключили между собою формальный договоръ относительно судьбы будущаго завоеванія. 12 апрѣля 1204 года Константинополь былъ взятъ крестоносцами (3) и при этомъ произошли сцены неистовства латинянъ, возмутительныя въ высшей степени для религіознаго чувства православныхъ (объ этихъ сценахъ рѣчь будетъ ниже). Избранъ былъ императоромъ одинъ изъ предводителей крестоносцевъ французъ Балдуинъ графъ фландрскій, а патріархомъ венеціанецъ Ѳома Морозини (4). Но полнаго утвержденія новой имперіи и церкви крестоносцы ждали отъ папы, своего главы. Новый императоръ, особыми циркулярными посланіями увѣдомляя европейскихъ государей о причинахъ и ходѣ завоеванія и приглашая ихъ участвовать въ великой радости всего христіанства, поспѣшилъ прежде всего, разумѣется, увѣдомить папу о чрезвычайныхъ побѣдахъ, коими Богу угодно было

(1) Тамъ же, стр. 307—309.
(2) Henry, an. 1204, n. I.
(3) Ник. Хон., т. II, стр. 315.
(4) Тамъ же, стр. 353—355, 426—427.

увѣнчать мужество и благочестіе крестоносцевъ, поздравлялъ его съ возстановленіемъ его власти на востокѣ. „Мы покорили, писалъ папѣ Балдуинъ, твоимъ законамъ тотъ городъ, который по ненависти къ твоему престолу едва внималъ имени Первоверховнаго Апостола и не соорудилъ ни одной церкви въ честь того, который получилъ отъ Господа верховную власть надъ всѣми христіанами...., тотъ городъ, который называлъ всѣхъ латинянъ не иначе, какъ собаками, а не людьми, и почти въ заслугу для себя почиталъ проливать ихъ кровь". Вмѣстѣ съ другими вождями крестоносцевъ новый императоръ просилъ папу благословить ихъ завоеванія, подтвердить статьи договора, утвердить избраннаго патріарха въ его достоинствѣ и, подобно древнимъ предшественникамъ Иннокентія папамъ Іоанну и Агапиту, лично посѣтить церковь константинопольскую; наконецъ онъ повергалъ новое завоеваніе къ подножію папскаго престола и называлъ себя рыцаремъ послѣдняго (1). Графы и бароны усугубили теперь свою покорность папѣ и преданность его интересамъ, потому что болѣе, чѣмъ прежде искали въ папѣ опоры для новаго своего завоеванія (2). Сильную радость обнаружилъ папа, когда узналъ о завоеваніи Константинополя; его опасенія за цѣлость крестоносной рати не сбылись,

(1) Henry, an. 1204, n. IV.

(2) Henry, an. 1204, n. XIII. Даже дожъ венеціанскій, который доселѣ, вмѣстѣ съ своими согражданами, смѣялся надъ угрозами и проклятіями Рима, писалъ къ Иннокентію въ томъ же духѣ, въ какомъ писали Балдуинъ и Бонифацій Монферратскій. Впрочемъ, крестоносцы въ своихъ увѣреніяхъ на счетъ преданности римской церкви и ея интересамъ были совершенно искренни; они только не договаривали, не выставляли на видъ другихъ своихъ побужденій, которыя примѣшивались у нихъ къ ихъ набожнымъ стремленіямъ и, можетъ быть, были даже сильнѣе послѣднихъ.

а этого-то онъ только и боялся. Вѣря въ подчиненіе себѣ церкви греческой, Иннокентій мечталъ уже о подчиненіи римскому престолу всего православнаго востока, который по его разсчетамъ долженъ былъ послѣдовать примѣру церкви греческой. Онъ писалъ епископамъ Франціи, что Господь восхотѣлъ утѣшить церковь обращеніемъ еретиковъ, что Провидѣніе посрамило грековъ,—народъ нечестивый, гордый и мятежный, и вручило имперію въ руки латинянъ, людей благочестивыхъ, кроткихъ и послушныхъ (1). Впрочемъ, въ письмѣ къ Бонифацію Иннокентій упрекалъ крестоносцевъ въ сильныхъ выраженіяхъ за безчеловѣчіе и осквернение православной святыни, внушая имъ при этомъ, чтобы они старались объ утвержденіи въ покоренной странѣ власти римскаго престола, что только поступая такъ они могутъ загладить свои преступленія (2). Въ радости папа подтвердилъ прощеніе, данное его легатомъ венеціанцамъ, находившимся подъ церковнымъ отлученіемъ со времени взятія Зары. „Вообще, скажемъ словами новѣйшаго историка крестовыхъ походовъ (Мишо), чѣмъ болѣе крестоносцы изъявляли покорности папѣ, тѣмъ болѣе казалось этому послѣднему, что завоеванія ихъ необходимы для славы Божіей и славы намѣстника Христова на землѣ". Крестоносцы между тѣмъ дѣйствительно довольно ревностно взялись за исполненіе того дѣла, о которомъ такъ краснорѣчиво распространялись въ своихъ письмахъ къ папѣ до и послѣ взятія Константинополя. Во всѣ покоренныя провинціи они отправили своихъ епископовъ и священниковъ для того,

(1) Сост. прав. церкв. на вост. во время владыч. лат. въ Конст. См. приб. къ Тв. св. отц., ч. 16, стр. 557—559.

(2) Тамъ же.

чтобы вездѣ замѣнить православныхъ латинянами. И вотъ наряду съ завоеваніями крестоносцевъ въ Византійской имперіи повсюду основывались латинскія митрополіи: во Фракіи были основаны три митрополіи, въ Θессаліи одна, въ Македоніи четыре, въ Аттикѣ и Пелопонезѣ четыре, въ Венеціянскихъ владѣніяхъ на островахъ двѣ митрополіи и вездѣ, конечно, съ большимъ или меньшимъ количествомъ подчиненныхъ имъ епископій (1). Насильственнымъ образомъ утверждалось латинство въ областяхъ греческихъ; православныхъ священниковъ изгоняли, лишали имущества и всѣхъ правъ (2). Для духовенства латинскаго теперь открылось обширное поприще дѣятельности. Среди феодальной монархіи, гдѣ всѣ члены глядѣли врозь, среди монархіи, всѣ средства существованія которой держалъ въ своихъ рукахъ папа, — латинское духовенство, конечно, должно было получить особенное значеніе и слѣдовательно могло удовлетворить своимъ завѣтнымъ стремленіямъ распространять среди православія латинство. Не въ предѣлахъ нашего сочиненія изображать отношенія латинянъ къ православнымъ въ эпоху существованія латинской имперіи; наша цѣль только показать, что четвертый крестовый походъ, окончившійся основаніемъ латинской имперіи, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды стремленія западнаго христіанства подчинить церковь восточную церкви римской, конечно, въ соединеніи съ множествомъ другихъ стремленій вовсе уже не религіознаго свойства.

---

(1) Сост. прав. ц. въ имп. греч. во время влад. лат. въ Конст. См. приб. къ Тв. св. Отц., ч. 16, стр. 564—569.

(2) У Алляція, въ его de perp. consens.. lib. II, cap. XIII, p. 194—195 разсказъ неизвѣстнаго грека (къ концу),

Теперь въ общихъ чертахъ покажемъ, какъ къ этой попыткѣ насильно, мечемъ и оружіемъ обратить грековъ въ латинство отнесся православный греческій востокъ, имѣлъ ли право папа писать къ славянамъ русскимъ: „Греческая имперія и церковь покорились Апостольскому сѣдалищу, униженно принимаютъ отъ него повелѣнія; не безразсудно ли, если часть не будетъ согласоваться съ цѣлымъ“ (1), и что такое, наконецъ, въ разсматриваемую эпоху были тѣ попытки къ воссоединенію съ латинянами, которыя вытекали изъ среды православнаго міра, и которыя, повидимому, были дѣломъ обѣихъ сторонъ и латинской и православной. Въ каждомъ поступкѣ грековъ отъ начала и до конца этого 57-лѣтняго періода проглядывало желаніе лучше умереть, но сохранить вѣру своихъ предковъ. Слишкомъ предубѣжденъ былъ православный греческій востокъ предъидущимъ своимъ знакомствомъ съ латинянами и еще болѣе поразительными фактами религіознаго фанатизма латинянъ, обнаруживавшагося при взятіи послѣдними Константинополя, чтобы могло произойти противное. Мы уже видѣли изъ письма крестоносцевъ къ папѣ, съ какимъ предубѣжденіемъ и негодованіемъ встрѣтили греки только что прибывшихъ къ Константинополю латинянъ, и какъ изъявили готовность защищать крайне слабаго, недостойнаго, но православнаго своего императора Алексѣя I Ангела, какъ, по словамъ самихъ крестоносцевъ, опасеніе подчиненія папѣ и крестоносцамъ одно только вооружало жителей Константинополя противъ принятія Алексѣя II изъ рукъ латинянъ. Мы уже упоминали о частыхъ схваткахъ грековъ съ лати-

(1) Руднева. Разсужденіе объ ересяхъ и расколахъ въ русск. церкви, стр. 239.

нянами во время царствованія, овладѣвшаго-таки престоломъ, Алексѣя II Ангела. Вскорѣ народъ вооружился противъ всей фамиліи Ангеловъ и требовалъ ея низложенія, какъ недостойной царствовать по причинѣ измѣны ея народнымъ интересамъ (1). Въ наставшее затѣмъ, по низверженіи съ престола Алексѣя II, царствованіе Алексѣя Дуки Мурцуфла, отношенія между обѣими сторонами достигли высшей степени непріязненности. „Непомѣрная ненависть къ намъ латинянъ, говоритъ Никита Хоніатъ, современникъ описываемыхъ событій, и крайнее несогласіе наше съ ними не допускали между нами *ни на одну минуту* мысли о дружелюбіи“ (2). Безъ сомнѣнія общія чувства греческаго православнаго народа выразилъ Мурцуфлъ, когда на требованіе крестоносцевъ выполнить заключенный съ ними Алексѣемъ II договоръ, отвѣчалъ, что онъ согласенъ на всѣ самыя тяжелыя условія договора, исключая одного, подчиненія греческой церкви папѣ, и что скорѣе онъ согласится быть изрубленнымъ въ куски и погибнуть со всѣми греками подъ развалинами государства, нежели измѣнить православію (3). Еще болѣе укрѣпилась эта рѣшимость постоять за православіе по окончательномъ завоеваніи латинянами Константинополя, послѣ всѣхъ событій сопровождавшихъ это завоеваніе. Не могли пройти безслѣдно для православныхъ такіе факты при вторичномъ вступленіи крестоносцевъ въ Константинополь, какъ поруганіе надъ св. иконами, низверженіе въ нечистыя мѣста мощей св. мучениковъ, выбрасываніе на землю Тѣла и Крови Господней и

(1) Ник. Хон., т. II, стр. 305.
(2) Тамъ же, стр. 314.
(3) См. лат. имп. въ Конст. Медов., стр. 15—16.

питье вина изъ священныхъ сосудовъ. Должно было обливаться кровію сердце каждаго православнаго, когда въ его глазахъ подвергался разграбленію, осквернению и поруганію величественный храмъ св. Софіи, когда драгоцѣнный его престолъ крестоносцы рубили и раздѣляли между собою на части, когда для изнесенія изъ храма сокровищъ, вводили въ него вьючныхъ животныхъ, когда при этомъ проливалась въ храмѣ кровь этихъ животныхъ, скользившихъ на мраморномъ помостѣ, падавшихъ и поднимаемыхъ ударами копій, когда ихъ кровь смѣшивалась съ другими нечистотами, когда наконецъ, въ довершеніе всего непотребная женщина пѣла непристойныя пѣсни и плясала на патріаршемъ мѣстѣ (1). Что могъ чувствовать кромѣ крайней ненависти къ латинянамъ и въ частности къ латинскому духовенству народъ, когда видѣлъ вмѣстѣ съ солдатами латинскихъ монаховъ и аббатовъ, предававшихся грабежу, похищавшихъ драгоцѣнныя сокровища святыни: мощи святыхъ, иконы, кресты, книги и другіе уважаемые предметы христіанской древности (2)? Но этого мало. Какого рода чувства долженъ былъ питать православный народъ, когда втѣстѣ съ поруганіемъ и разграбленіемъ святыни латиняне воздвигли на православныхъ гоненіе, когда не только свергали съ престоловъ православныхъ архіереевъ и на мѣста ихъ поставляли своихъ кардиналовъ, но и весь народъ, священниковъ и монаховъ принуждали къ своему образу мыслей, къ единенію съ собою и къ поминовенію папы въ молитвахъ, когда „противящимися имъ гнушались въ глубинѣ души, какъ еретиками, явно и жестоко наказы-

(1) Виз. ист. Ник. Хон., т. II, стр. 321—324.
(2) Тамъ же.

вали и предавали ихъ мученіямъ, какъ нѣкогда царигонители вѣры“ (1). По истинѣ слова папы Иннокентія III къ крестоносцамъ были предреченіемъ тѣхъ отношеній, въ какія сталъ православный греческій востокъ къ латинскому западу послѣ взятія латинянами Константинополя. Описавъ всѣ недостойныя дѣла крестоносцевъ при вторичномъ ихъ вступленіи въ Константинополь, папа говоритъ: „послѣ всего этого греческая церковь при всѣхъ своихъ страданіяхъ не пожелаетъ возвратиться къ повиновенію апостольскому престолу и, видя въ латинянахъ только примѣры разврата и дѣла тьмы, по неволѣ возненавидитъ ихъ болѣе, чѣмъ псовъ“ (2).

На сколько оправдались дальнѣйшими событіями слова папы, видно уже изъ слѣдующихъ фактовъ. Такъ извѣстно, что представляли византійцы императору Генриху (1206—1212), когда съ прибытіемъ папскаго легата, посланнаго папою въ Константинополь съ нарочитою цѣлію обращать православныхъ въ латинство, началось жестокое гоненіе на православныхъ, когда запретили православное богослуженіе, ввергали въ темницы священниковъ и монаховъ православныхъ, грозили непокорнымъ даже смертною казнію. Православные прямо объявили Генриху, что ему принадлежитъ господство надъ ихъ тѣломъ, а не надъ душою и совѣстію, и что они могутъ съ оружіемъ въ рукахъ умереть, но не въ состояніи отречься отъ вѣры своихъ предковъ (3). Вотъ и еще образецъ преданности православію. Жители Мореи, соглашаясь содѣйствовать Готфриду Виль-

(1) Leo Allat. de perp. consens, lib. II, cap. XIII, p. 694—695.
(2) Regest. lib. VIII, ep. 133. См. приб. къ Тв. св. отц., ч. 16.
(3) G. Acrop., 1, 17. См. лат. имп. въ Конст., соч. Медов., стр. 65.

гардуену къ завоеванію крѣпкихъ мѣстъ страны, требовали отъ него клятвеннаго письменнаго обѣщанія, которое бы могли они передать своимъ дѣтямъ, что ни одинъ франкъ не будетъ принуждать ихъ къ перемѣнѣ вѣры, не потребуетъ, чтобы они сдѣлались латинянами (1). Но самымъ неопровержимымъ и очевиднымъ доказательствомъ несостоятельности усилій латинянъ подчинить себѣ греческую церковь и имперію служитъ кратковременное и крайне бѣдственное существованіе латинской имперіи, съ самаго перваго дня начавшей клониться къ паденію. Латиняне всюду были окружены самыми непримиримыми изъ враговъ, врагами не только политическими, но и религіозными. Всѣ, кто могъ бѣжать изъ-подъ двойнаго ига латинянъ, бѣжалъ, и всѣ стали собираться вокругъ значительнѣйшихъ своихъ соотечественниковъ. Быстро начали образоваться грозныя, полныя ненависти дружины. Явились три царства: Эпирское, Трапезунтское и Никейское (2). Внутренно клонившаяся къ паденію имперія теперь какъ будто возродилась, благодаря возбужденію въ народѣ патріотически-религіозныхъ чувствъ. Не разбирали первоначально греки, кто законный наслѣдникъ престола, кто больше имѣетъ на него правъ; вражда къ латинянамъ замѣняла всѣ права. Скоро, уже въ 1237 году, слѣдовало не болѣе, какъ черезъ 33 или 32 года послѣ основанія латинской имперіи всѣ владѣнія латинянъ заключались уже въ однихъ стѣнахъ Константинополя. Никакія права, никакія благодѣянія латинскихъ императоровъ не могли примирить грековъ съ иноземнымъ и

(1) Тамъ же.

(2) Ник. Хон. перечисляетъ не одни эти царства, но и другія; это были важнѣйшія (См. Ник. Хон., т. II, стр. 411—412 и 395—396).

иновѣрнымъ владычествомъ. Нѣкоторые латинскіе императоры, въ особенности Генрихъ, старались привлекать къ себѣ грековъ,—заискивать у нихъ расположенія, но безуспѣшно (1).

Однакожъ и при такомъ всеобщемъ озлобленіи православныхъ противъ латинянъ дѣло не обошлось безъ попытокъ со стороны даже самыхъ православныхъ къ соединенію церквей. Но какого рода были эти попытки?—Онѣ, какъ и всегда, были дѣломъ не всего греческаго народа, приходившаго въ негодованіе отъ одной мысли имѣть общеніе съ латинянами, а только нѣкоторыхъ лицъ. Да и эти самыя лица раздѣляли чувство народа, но только по своимъ расчетамъ хотѣли казаться желающими церковнаго мира. Это было не болѣе, какъ дѣло политики вновь возникавшихъ изъ развалинъ византійской имперіи православныхъ государствъ, владѣтели которыхъ, для своей великой, постоянной цѣли изгнать изъ Константинополя латинянъ, позволяли себѣ пользоваться всѣми средствами. Независимые греческіе деспоты и императоры прикрывали своими мирными религіозными переговорами истинныя свои непріязненныя для латинянъ намѣренія. При дворахъ императоровъ эпирскаго, а особенно никейскаго не разъ начинались переговоры съ Римомъ, и именно въ то время, когда имъ нужно было усыпить бдительность латинянъ, особенно же ослабить религіозными переговорами ревность папы, въ рукахъ котораго сосредоточивались средства къ поддержанію падавшей латинской имперіи, т. е. крестоносныя дружины, или когда при этомъ еще владѣтелямъ греческимъ грозили другіе вра-

(1) Лат. имп. въ Конст. Медов., стр. 68. Mur. VIII, p. 716. G. Acrop., c. 88.

ги и имъ приходилось вести неравную борьбу вдругъ съ нѣсколькими непріятелями. Дѣло въ томъ, что, кромѣ одного общаго и главнаго стремленія изгнать ненавистныхъ латинянъ, греческіе владѣтели имѣли еще свои частные династическіе интересы, которые ихъ разъединяли, которые не допускали ихъ вести борьбу съ латинянами дружно. У деспотовъ и императоровъ греческихъ, кромѣ борьбы съ латинянами шла еще взаимная борьба другъ съ другомъ (1). Вотъ эти-то обстоятельства, т. е. опасенія нашествія изъ западной Европы крестовыхъ дружинъ и борьба другъ съ другомъ, и заставляли греческихъ владѣтелей вести переговоры съ папою. Само собою разумѣется, что какъ скоро миновались обстоятельства, вызывавшія сношенія съ Римомъ, владѣтели греческіе тотчасъ-же бросали начатое дѣло.

Изъ всѣхъ греческихъ владѣтелей могущественнѣйшими были: эпирскій, особенно же никейскій; слабѣйшій же былъ трапезунтскій. Послѣдній по отдаленности своихъ владѣній, а главное по слабости, почти не участвовалъ въ общихъ событіяхъ, отказался отъ общей всѣмъ грекамъ цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ, конечно и нужды по временамъ хитрить съ папою, какъ приходилось это дѣлать владѣтелямъ эпирскому, а особенно никейскому, вскорѣ весьма усилившемуся и понявшему, что теченіемъ событій ему предназначено изгнать латинянъ и вступить на престолъ Константина великаго. Итакъ всѣ попытки къ соединенію церквей шли отъ двора эпирскаго и особенно никейскаго.

Такъ императоръ никейскій Ѳеодоръ Ласкарисъ, опа-

(1) Ник. Хон., т. II, стр. 395—397, 411—417.

сансъ латинянъ константинопольскихъ, искалъ посредничества папы для примиренія съ послѣдними. При самомъ вступленіи на престолъ, вскорѣ послѣ своего коронованія въ Никеѣ, въ 1206 г., онъ писалъ папѣ, жалуясь на жестокость латинянъ, ихъ святотатство, вѣроломство; онъ просилъ папу примирить себя съ латинянами и для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ, прислать на востокъ легата; въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ заключить союзъ съ мусульманами; но ничего не говорилъ при этомъ о церковномъ мирѣ съ папою. Папа въ отвѣтѣ своемъ оправдывалъ всѣ дѣйствія крестоносцевъ поведеніемъ самихъ грековъ и вседѣйствующею волею Божіею, въ заключеніе соглашался на предложеніе Ласкариса послать легата въ Константинополь и просилъ никейскаго императора также прислать въ Константинополь довѣренныхъ лицъ съ своей стороны, совѣтуя ему подчиниться апостольскому престолу и латинскому императору (1). Разумѣется Ласкарисъ ни мало не думалъ исполнить папскій совѣтъ, который подрывалъ самыя основы существованія никейской имперіи (2). Дальнѣйшихъ сношеній между Никеей и Римомъ, которыя бы непосредственно слѣдовали за только что приведенными, мы не видимъ.

Въ 1216 г. обстоятельства заставили прибѣгнуть подъ покровительство папы и другаго греческаго владѣтеля, деспота эпирскаго Ѳеодора Комнина, по свидѣтельству историковъ, коварнаго и жестокаго государя, игравша-

(1) Innoc. lib. XI, ep. 47. Henry H. E. 1206, XXVI.

(2) Ласкарисъ, впрочемъ, старался породниться съ латинскими императорами изъ политическихъ видовъ; самъ женился на дочери умершаго имп. Генриха, а свою дочь думалъ выдать за-мужъ за Роберта, брата имп. Генриха; послѣдній бракъ, впрочемъ, не состоялся. G. Acrop., c. 6, c. 18. Marthene Tesaurus, 1, 822. D.

го священнѣйшими договорами и клятвами. Но здѣсь самъ папа Гонорій III началъ переговоры по случаю плѣненія деспотомъ эпирскимъ латинскаго императора Петра Оксеррскаго, пробиравшагося въ Константинополь послѣ коронованія въ Римѣ, и вмѣстѣ съ нимъ слѣдовавшаго въ Константинополь папскаго легата кардинала Колонны. Приказавъ проповѣдывать во Франціи противъ деспота эпирскаго крестовый походъ, возбудивъ противъ Ѳеодора еще Венгерскаго короля, родственника плѣнному императору, Гонорій III въ то же время обратился самъ къ деспоту эпирскому, угрожая ему арміею крестоносцевъ, готовыхъ напасть на него съ суши и съ моря (1). Къ тому же отъ короля венгерскаго пришло по настоянію папы посольство, которое представило деспоту, съ одной стороны, опасность, угрожавшую ему со всѣхъ сторонъ, съ другой — возможность отвратить ее чрезъ подчиненіе духовному владычеству папы. Ѳеодоръ видѣлъ, что ему дѣйствительно грозятъ полчища венеціанцевъ, стремившихся отнять у него Дураццо, французовъ и венгерцевъ, возбуждаемыхъ папою отпущеніемъ грѣховъ и рѣшился заключить съ папою договоръ. По этому договору, освобождая папскаго легата, Ѳеодоръ подчинялся духовному владычеству папы, а папа принималъ его подъ покровительство своего апостольскаго престола, и подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви воспрещалъ собиравшимся крестоносцамъ всякое непріязненное противъ деспота дѣйствіе (2). Но какъ важенъ былъ этотъ до-

(1) Rayn. Annal. Eccl. 1217, n. 13.

(2) Папа пишетъ объ этомъ договорѣ Ѳеодору: „praecipisti corporali juramento, quod... filius obediens nobis eras et consueta clementia, qua ecclesia consvevit ad se redeuntibus gremium aperire te annumerandum duximus inter ecclesiae filios speciales et petitiones Rayn., an. 1218, n. 22.

говоръ, видно уже изъ того, что деспотъ даже и не написалъ ничего папѣ, не послалъ къ нему пословъ; папа имѣлъ свѣденія о пріобрѣтеніи новаго члена римской церкви единственно изъ донесенія своихъ пунціевъ (1). Еще яснѣе видна ничтожность этого договора изъ послѣдующихъ событій. Отвративъ собиравшуюся противъ него на западѣ въ лицѣ крестоносцевъ грозу, эпирскій деспотъ уже пересталъ и думать объ условіи, заключенномъ съ папою: онъ возобновилъ свои опустошительные набѣги какъ на ближайшія къ нему владѣнія венеціанской республики, такъ и на области латинскаго королевства ѳессалоникскаго; завоевалъ это послѣднее; въ 1222 г. отъ руки православнаго епископа ахридскаго вѣнчался на царство и принялъ титулъ императора (2). На него, конечно, не подѣйствовали ни мало упреки папы, который укорялъ его въ несправедливости и вѣроломствѣ (3). Кончилось тѣмъ, что папа принужденъ былъ отлучить его отъ церкви и объявить противъ него крестовый походъ (4). Его братъ и преемникъ Мануилъ, чувствуя себя не твердымъ въ недавно отнятыхъ у латинянъ областяхъ (ѳессалоникѣ), притомъ опасаясь никейскаго императора, изъявилъ по примѣ-

(1) Въ письмѣ папы говорится только, что онъ узналъ отъ своихъ пословъ о благосклонномъ пріемѣ императора (nuntios nostros hilariter recepisti et honorifice pertractasti), сдѣланномъ нунціямъ и объ обѣщаніи ѳеодора подчиниться римской церкви (tuamque personam ad. S. R. ecclesiae devotionem exponens, ac ipsam primam recognoscens et matrem, nobis obedire proponis, sicut devotus filius pio patri). Вотъ и всѣ знаки подчиненія со стороны императора, притомъ одного его. Ни объ епископахъ, ни объ народѣ ничего здѣсь не говорится, и папа ни однимъ словомъ не намекаетъ на какое нибудь обѣщаніе императора въ этомъ родѣ. Ibid.

(2) G. Acrop., c. 21.

(3) Rayn., an. 1222, n. 16, 17, 25.

(4) Ibid , an. 1223, n. 12—13.

ру своего предшественника въ 1232 г. готовность признать верховную власть папы не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и свѣтскихъ (1). Подробности этого дѣла неизвѣстны, кромѣ того, что папа въ своемъ письмѣ къ Мануилу выразилъ нѣкоторую недовѣрчивость и по всей вѣроятности эта недовѣрчивость была основательна (2). Впрочемъ, если Мануилъ и дѣйствительно имѣлъ искреннее намѣреніе подчиниться папѣ, во всякомъ случаѣ ему не удалось осуществить своего замысла, потому что онъ вскорѣ долженъ былъ признать себя зависимымъ отъ никейскаго императора и разумѣется отказаться уже отъ вассальства папѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ духовнаго подчиненія Риму.

Важнѣйшія въ эпоху латинской имперіи попытки къ церковному миру между востокомъ и западомъ начинаются съ тридцатыхъ годовъ XIII ст., черезъ 28 лѣтъ послѣ основанія въ Константинополѣ латинскаго господства. Съ этого времени стало особенно ясно паденіе латинской имперіи съ одной стороны и рѣшительно уже обозначилось важное историческое значеніе имперіи никейской, какъ возстановительницы господства грековъ въ Константинополѣ, съ другой. Границы имперіи никейской приближались почти уже къ самому Константинополю. Такимъ образомъ не удивительно, что папа и латиняне теперь сами стали въ положеніе нуждающихся въ мирѣ съ греками, для того, чтобы сколько нибудь обезопасить латинскую имперію отъ ихъ побѣдоносныхъ набѣговъ и завоеваній. Съ другой сто-

---

(1) Non mode haerendi in sinu ecclesiae, verum etiam suam illi ditionem fiduciario jure addicendi consilium praesetulit.

(2) Cui rescripsit Gregorius pium consilium apostolicae gratum acceptumque fore, *si illud in opus perduxisset.* Rayn, an. 1232, n. 55.

роны, чѣмъ ближе клонилось дѣло къ осуществленію постоянной цѣли никейскихъ императоровъ, тѣмъ естественно все дороже и дороже дѣлались ведущія къ этой цѣли средства и настойчивѣе прежняго являлось желаніе удалять всѣ препятствія къ ея достиженію, т. е. обманывать мирными предложеніями, когда нужно было по обстоятельствамъ, бдительность папы и латинянъ. Теперь такимъ образомъ та и другая сторона должна была дѣятельнѣе чѣмъ прежде хлопотать или по крайней мѣрѣ казаться хлопочущею (1) о церковномъ мирѣ. Такъ дѣйствительно и было. Сношенія между греками и латинянами начались съ 1232 (2). Переговоры завязались по случаю прибытія въ Никею миноритовъ (5 челов.)

По свидѣтельству Алляція латинскіе монахи въ разговорѣ съ никейскимъ патріархомъ Германомъ на раз-

(1) Когда мы такъ выражаемся о грекахъ, то разумѣемъ не всѣхъ грековъ, между которыми, безъ сомнѣнія, всегда были люди, относившіеся къ вопросу о церковномъ мирѣ прямо, безъ заднихъ цѣлей, каковъ, напримѣръ, былъ П. Германъ; но имѣемъ въ виду людей, заправлявшихъ политикою, которые всегда были не прочь церковный вопросъ сдѣлать орудіемъ своей политики.

(2) Когда сдѣлался латинскимъ императоромъ 80-лѣтній герой, знаменитый І. Врієнній, когда латиняне, съ восшествіемъ его на престолъ, оживились, а греки стали опасаться особенныхъ замысловъ со стороны латинянъ и когда никейскимъ императоромъ сдѣлался умный и храбрый Іоаннъ Дука Ватацисъ. Уже прошло около года съ тѣхъ поръ, какъ Врієнній жилъ въ Константинополѣ (онъ пробылъ два года на западѣ со времени своего вступленія на престолъ до прибытія въ свою столицу, 1230—1231 г.) и еще ни разу не поднималъ своего оружія противъ грековъ; но тѣмъ грознѣе казалась для никейскихъ императоровъ эта тишина. А между тѣмъ, Іоаннъ Врієнній самъ, съ своей стороны, опасался никейскаго императора, очень хорошо понимая ключевное состояніе своей имперіи и потому вовсе не думалъ предпринимать чего нибудь особеннаго противъ сильнаго никейскаго императора. Такимъ образомъ, оба противника боялись другъ друга и потому были расположены къ мирнымъ переговорамъ.

личнаго рода упреки, какіе патріархъ дѣлалъ латинянамъ, особенно за ихъ дѣйствія въ Константинополѣ и на островѣ Кипрѣ, отвѣчали, что папа и латинская церковь во всѣхъ этихъ событіяхъ не виноваты, что „если греческая церковь хочетъ кого нибудь послать къ папѣ, то послѣдній во имя мира и согласія охотно сдѣлаетъ все, чего они хотятъ“ (1). Вслѣдствіе этого разговора, сдѣлавшагося извѣстнымъ и императору, патріархомъ и Іоанномъ Ватакисомъ отправлены были письма къ папѣ и кардиналамъ. Въ этихъ письмахъ патріархъ уступаетъ папѣ первенство, высказываетъ съ своей стороны истинно христіанское желаніе мира, вскользь упоминаетъ о догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ, отдѣляющихъ двѣ христіанскія церкви, и особенно налегаетъ на усиленіе мірскаго, свѣтскаго элемента въ римской церкви, на гордость и деспотизмъ римскаго престола, на его корыстолюбіе, такъ что по его словамъ не будь всего этаго въ западной церкви, тогда многіе, теперь отдѣлившіеся отъ нея, принадлежали-бы ей (2). Отвѣчая на это замѣчательное посланіе папа Григорій IX указываетъ на судьбу греческой церкви, которая, по его словамъ, послѣ отдѣленія отъ римской,

(1) Allat. de perp. consens, lib. II, cap. XIII, p. 194, 195.

(2) „Позвольте мнѣ—писалъ онъ—сказать правду: наше раздѣленіе произошло отъ тиранскаго угнетенія, въ коемъ виновны вы, и отъ вымогательства римской церкви, которая изъ матери сдѣлалась мачихой, которая, забывая слова Господа: „смиряяй себе вознесется“, простираетъ свои объятія только къ тѣмъ, которые предъ ней особенно унижаются и которая тѣмъ болѣе пренебрегаетъ и презираетъ обращающихся къ ней, чѣмъ они униженнѣе и покорнѣе предъ ней... Насъ особенно соблазняетъ то, что вы единственно привязаны къ земнымъ благамъ, что вы отвсюду... собираете себѣ золото и серебро... Вы царства заставляете давать себѣ дань, посредствомъ торговли увеличиваете свои финансы“... Math. Paris. an. 1237, f. 386. Henry, an. 1232, t. XVII, p. 44—47.

сдѣлалась рабою свѣтской власти и такимъ образомъ мало по малу потеряла чистоту своей вѣры и церковной дисциплины. Исполняя данное патріарху въ этомъ письмѣ обѣщаніе прислать на востокъ своихъ нунціевъ для переговоровъ о соединеніи церквей, папа въ слѣдующемъ 1233 г. послалъ въ Никею двоихъ францисканцевъ и двоихъ доминиканцевъ. Въ письмѣ къ патріарху, принесенномъ этими нунціями, Григорій какъ бы дорисовываетъ картину состоянія греческой церкви и развиваетъ свои папскія теоріи. Удаленіе грековъ отъ общенія съ римскою церковію сравниваетъ съ расколомъ самарянскимъ; въ появленіи на востокѣ великихъ отцевъ и учителей церкви видитъ аналогическое явленіе съ проповѣдію Иліи, Елисея и др. великихъ пророковъ у самарянъ; говоритъ затѣмъ о двухъ папскихъ мечахъ, духовномъ и матеріальномъ, особенно же останавливается на изображеніи единства церкви (1).

На этомъ бы и должны были собственно остановиться обѣ стороны. Папа высказалъ, нисколько не стѣсняясь, слишкомъ большія притязанія, а греческая церковь была слишкомъ далека отъ подчиненія этимъ притязаніямъ, чтобы можно было надѣяться на успѣхъ переговоровъ и догматическихъ споровъ. Но одна изъ этихъ сторонъ сильно желала подчиненія себѣ другой, и потому, какъ это обыкновенно бываетъ, не теряла надежды на исполненіе своего задушевнаго желанія. Другая же сторона, большинство которой и находилось подъ вліяніемъ политики двора, волею или не волею должна была продолжать переговоры, подчиняясь волѣ императора, хотя можетъ быть весьма мало надѣясь на

(1) Ibid.

успѣшное ихъ окончаніе, и потому рѣшилась довесть дѣло до конца, разсчитывая, вѣроятно, что если попытка и не удастся, дѣло отъ того хуже не будетъ. Такимъ настроеніемъ греч. духовенства объясняется вялость и отсутствіе энергіи въ переговорахъ со стороны грековъ; потеря надежды парализировала ихъ энергію; латиняне сильно жаловались на грековъ за ихъ медлительность, не въ состояніи будучи понять того состоянія, въ какомъ находились послѣдніе.—Около 4 мѣсяцевъ, съ 15 января до половины мая, длились переговоры. Начались они всѣ лестнымъ для папы, торжественнымъ пріемомъ нунціевъ въ Никеѣ и кончились большими непріятностями для той и другой стороны (1). Много прошло времени прежде, чѣмъ приступили къ дѣлу. Сперва возникъ вопросъ, кому первому спрашивать и кому отвѣчать; затѣмъ латиняне хотѣли соборнымъ разсужденіямъ дать направленіе практическое, оставить область діалектики и догматики и перейти въ область церковной практики и дисциплины; православные же постарались поставить вопросъ такъ, будто вся сущность дѣла заключается только въ двухъ пунктахъ ученія: въ ученіи о Св. Духѣ и въ ученіи объ опрѣсноках и дали т. обр. соборнымъ разсужденіямъ догматико-теоретическое направленіе. Далѣе латиняне хотѣли начать съ опрѣсноковъ, православные съ ученія объ исхожденіи Св. Духа; православные взяли верхъ и соборныя разсужденія начались съ послѣдняго пункта (2). О Св. Духѣ разсуждали съ 20 по 26-е января.

(1) Rayn. Annal. eccl., an. 1233, n. 5 et an. 1234, n. 36, 37 et cæt.

(2) Изъ всего этого видно различіе во взглядахъ и въ направленіи той и другой стороны. Латиняне, какъ люди съ практическимъ направленіемъ, довольно легко всегда смотрѣли на догматическіе вопросы. Греки же относились къ этому дѣлу совершенно иначе.

Начали съ вопроса объ основаніяхъ, на какихъ сдѣлана прибавка къ символу; затѣмъ въ 3-хъ засѣданіяхъ разсуждали вообще объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. 26-го ч. нунціи объявили, что не хотятъ болѣе спорить объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, какъ объ ученіи, по ихъ мнѣнію, совершенно несомнѣнномъ и просили перейти къ разсужденію о слѣдующемъ пунктѣ, тѣмъ болѣе, что императоръ въ слѣдующій день уѣзжалъ изъ города, а нунціямъ хотѣлось поговорить о послѣднемъ пунктѣ (т. е. опрѣснокахъ) въ присутствіи императора и поскорѣе кончить переговоры (1). Патріархъ хотя и согласился разсуждать объ опрѣснокахъ не съ большою впрочемъ охотою, но два засѣданія, посвященныя этому предмету (въ одинъ день) прошли въ разсужденіяхъ, не приведшихъ ни къ какому положительному результату; говорили большею частію одни латиняне. Наконецъ патріархъ прямо уже объявилъ нунціямъ, что онъ не можетъ имъ сказать ничего рѣшительнаго безъ соглашенія съ другими патріархами, почему и отлагаетъ окончательный отвѣтъ по этому дѣлу до половины марта, когда рѣшился собрать соборъ, на который приглашаетъ и нунціевъ. Нунціи согласились ждать соборнаго рѣшенія, но отказались лично присутствовать на соборѣ, а просили вмѣсто того извѣстить ихъ о результатѣ соборныхъ совѣщаній; письменнаго извѣстія они обѣщали ждать въ Константинополѣ (2).

Не смотря однакожъ на отказъ нунціевъ присутствовать на соборныхъ совѣщаніяхъ, когда время прибли-

(1) Нунціи, какъ видно, всего болѣе ожидали успѣха въ переговорахъ отъ императора.

(2) Henry, an. 1234, t. XVII, p. 63—77.

жалось уже къ половинѣ марта, а нунціи жили въ Константинополѣ, патріархъ письменно и притомъ безъ всякихъ оговорокъ приглашалъ ихъ въ одинъ императорскій загородный домъ (Лескаръ), гдѣ предполагалось собрать соборъ (1). Нунціи сначала отказались; приглашеніе повторилось, на этотъ разъ уже съ убѣжденіями и притомъ не отъ одного патріарха, но и императора. Не столько однакожъ письма императора и патріарха, сколько плачевное положеніе латинской имперіи (2) побудило нунціевъ сдаться на приглашеніе Германа и Ватакиса. Теперь во второе столкновеніе нунціевъ съ никейскими православными греками еще яснѣе стали какъ затруднительное положеніе, такъ и уступчивость латинянъ. Къ мѣсту своего назначенія, т. е. въ Нимфей (Вескаръ почему-то былъ замѣненъ Нимфеемъ) нунціи прибыли въ четвертокъ на вербной недѣлѣ, около 12 апрѣля. 14 апрѣля они приступили къ патріарху съ просьбою поскорѣе начать дѣло; имъ обѣщали; но всю страстную недѣлю не было соборныхъ совѣщаній; соборъ начался въ понедѣльникъ на пасхѣ. На первомъ засѣданіи православные опять хотѣли начать разсужденія о св. Духѣ, ссылаясь на то, что многіе (вновь прибывшіе епископы) вовсе не участвовали при совѣщаніяхъ объ этомъ предметѣ, бывшихъ въ Никеѣ, и что нужно начать съ предметовъ болѣе воз-

(1) Acta nuncior. Ms. Vading, an. 1233, n. 12. Henry, an. 1234 t. XVII, p. 81 et caet.

(2) Императоръ Вріенній былъ боленъ; почти всѣ рыцари, какіе были въ его войскѣ, удалились; корабли венеціанцевъ, пизанцевъ, анконцевъ и др. итальянцевъ готовы были къ отплытію, а нѣкоторые уже уѣхали; латиняне со всѣхъ сторонъ окружены были врагами. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что нунціи получили полное согласіе на свое вторичное путешествіе въ предѣлы никейской имперіи со стороны латинскаго патріарха и императора. Ibid.

вышенныхъ; нунціи же хотѣли разсуждать о томъ, на чемъ остановились, т. е. о хлѣбѣ для таинства евхаристіи; все первое засѣданіе прошло въ спорахъ о томъ, съ чего начать соборныя разсужденія. Второе засѣданіе прошло также большею частію не въ спорахъ о какой либо догматической разности, а во взаимныхъ укоризнахъ. Латиняне укоряли православныхъ въ томъ, что послѣдніе не хотятъ серьёзно совѣщаться о мирѣ, а стараются только выиграть время; что они презираютъ таинство Евхаристіи, совершаемое на опрѣснокахъ; что они омываютъ алтари, на которыхъ священнодѣйствовали латинскіе священники; что они исключили папу изъ диптиховъ, слѣд. считаютъ его отлученнымъ отъ церкви и еретикомъ; наконецъ, что одинъ разъ въ годъ они публично отлучаютъ его отъ церкви. Православные же укоряли латинянъ во всемъ томъ, что, какъ мы видѣли, было при взятіи Константинополя, именно въ ниспроверженіи алтарей, въ осквернены церквей, въ похищеніи св. мощей, въ презрительномъ обращеніи съ святынею православной церкви, также въ исключеніи патріарха изъ латинскихъ диптиховъ, случившемся еще задолго прежде, чѣмъ исключенъ былъ изъ диптиховъ православныхъ папа. Обѣ стороны, наговоривъ много непріятностей одна другой, разстались въ довольно сильномъ раздраженіи (1). Послѣ этого засѣданія нунціи пробовали жаловаться на соборъ императору. Императоръ, извиняя православныхъ и стараясь въ тоже время успокоить нунціевъ тѣмъ, что впередъ онъ будетъ самъ лично присутствовать на соборѣ и уже недопуститъ случиться въ другой разъ чему нибудь подобному, въ

(1) Raуп., 1233, n. 10.

тоже время далъ имъ однакожъ замѣтить, чтобы на многое они не разсчитывали. Въ разговорѣ съ ними онъ обѣщалъ между прочимъ послать богатые дары папѣ; далѣе хотѣлъ,—по примѣру своихъ предшественниковъ Мануила Комнина и Ѳеодора Ласкариса, которые, по его словамъ, находясь въ отдѣленіи отъ Рима, были однакожъ въ дружественной связи съ папою,—послать въ Римъ пословъ. Но когда нунціи рѣшительно отказались представить папѣ его пословъ и сказали, что его дары не послужатъ ни къ чему, если онъ не подчинится римской церкви, тогда императоръ не безъ раздраженія замѣтилъ, что раздѣленіе между церквами продолжается вотъ уже 300 л. (т. е. со времени Фотія) и что оно никоимъ образомъ не можетъ быть уничтожено въ такое короткое время. Впрочемъ въ слѣдующее засѣданіе, въ присутствіи императора и патріарховъ никейскаго и антіохійскаго, приступили наконецъ къ разсужденіямъ объ опрѣснокахъ и квасномъ хлѣбѣ; въ заключеніе засѣданія рѣшено было изложить письменно латинянамъ ученіе о Св. Духѣ, а православнымъ ученіе объ опрѣснокахъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи тѣ и другіе размѣнялись изложеніями вѣры, предварительно прочитавъ ихъ въ полномъ собраніи (1). Четыре дня послѣ того не было собранія; нунціи просили позволенія у императора отправиться назадъ. Императоръ пробовалъ было помирить ту и другую сторону посредствомъ взаимныхъ уступокъ и мирныхъ сдѣлокъ. Въ этихъ видахъ онъ предложилъ той и другой сторонѣ сдѣлать по уступкѣ — одной (латинянамъ) удержать опрѣсноки и отбросить filioque, а дру-

(1) Vading, 1233, n. 6—15. у Henry, ibid.

гой (православнымъ) удержать „отъ Отца“ и признать опрѣсноки (1). Но нунціи объявили, что римская церковь ни на іоту не отступитъ отъ своего символа, что православные должны исповѣдывать исхожденіе Духа Св. „и отъ Сына“ и проповѣдывать это народу въ своихъ поученіяхъ, а свои книги противъ этого ученія предать сожженію, равнымъ образомъ твердо вѣрить и другимъ проповѣдывать пресуществленіе какъ кваснаго, такъ и опрѣсночнаго хлѣба, и всѣ книги написанныя противъ опрѣсноковъ также осудить и сожечь. Но впрочемъ папа, уступали нунціи, безъ сомнѣнія, не будетъ принуждать православныхъ читать символъ съ прибавленіемъ, также не будетъ настаивать и на употребленіи опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи. Императоръ такимъ образомъ не достигъ своей цѣли; мало того, онъ самъ былъ чрезвычайно раздосадованъ отвѣтомъ нунціевъ и въ гнѣвѣ вскричалъ: „я не вижу рѣшительно никакого средства къ примиренію.“—10 мая назначено было послѣднее засѣданіе; оно должно было показать, какого рода результаты получены отъ продолжительныхъ соборныхъ совѣщаній и частныхъ сношеній православныхъ съ латинянами. Засѣданіе открылось рѣчью патріарха, въ которой онъ говорилъ, что нѣкогда была надежда на миръ съ ними, но что теперь эта надежда совершенно потеряна и потому нунціи должны выслушать послѣднее рѣшеніе собора. Затѣмъ

(1) Императоръ смотрѣлъ на вопросъ о соединеніи церквей, какъ видно, очень просто, не отличая его отъ другихъ вопросовъ дипломатическихъ, рѣшаемыхъ обыкновенно взаимною уступкою съ той и другой стороны. „Цари—говорилъ онъ нунціямъ—имѣютъ обыкновеніе, споря о какомъ нибудь мѣстѣ или провинціи, дѣлать взаимныя уступки... Такъ, мнѣ кажется, нужно поступить и въ спорѣ вашей церкви съ нашею“. Ibid.

послѣ чтенія латинскаго исповѣданія вѣры словами папы Дамаса православные произнесли анаѳему на исповѣдующихъ исхожденіе Св. Духа „и отъ Сына“. Въ свою очередь и противная сторона анаѳематствовала православныхъ словами будто бы Кирилла Александрійскаго. Въ заключеніе засѣданія, послѣ того, какъ съ той и другой стороны снова приведены были доказательства изъ отеческихъ твореній на ученіе объ исхожденіи Св. Духа, нунціи, предупреждая православныхъ, первые изрекли прямую анаѳему на признающихъ, что Духъ Св. исходитъ отъ одного Отца и что въ таинствѣ евхаристіи нельзя употреблять опрѣсноковъ. Нунціи удалились изъ собранія съ слѣдующими словами, обращенными къ собранію православныхъ: „находя, что вы еретики, мы и оставляемъ васъ, какъ такихъ именно людей“, на что православные кричали имъ въ слѣдъ: „вы сами еретики“ (1). Съ тѣмъ и удалились нунціи изъ Нимфея. Такъ кончились замѣчательные переговоры о соединеніи церквей въ Никеѣ и Нимфеѣ. Другаго исхода трудно было и ожидать (2).

---

(1) Vading. 1233, n. 21. Henry, an. 1234, t. XVII, p. 81 et cete.

(2) У Флери съ большими подробностями разсказаны событія въ Никеѣ и Нимфеѣ. Авторъ укоряетъ постоянно православныхъ въ двоедушіи и въ намѣреніи выиграть переговорами о соединеніи только время; но въ этомъ случаѣ онъ, по крайней мѣрѣ, на половину несправедливъ. Отсутствіе энергіи не есть еще двоедушіе. Притомъ нужно отличать дѣйствія собора отъ дѣйствій императора, имѣвшаго большое вліяніе на ходъ соборныхъ совѣщаній. И въ самомъ соборѣ нельзя видѣть одно лицо; безъ сомнѣнія, тамъ были и такіе искренніе люди, какъ патріархъ Германъ; были и другіе, не столь свѣтлыя личности, какъ послѣдній.—На возвратномъ пути, когда нунціи довольно далеко были уже отъ Нимфея, ихъ настигли посланные отъ патріарха и императора, и именемъ патріарха требовали у нунціевъ, чтобы они отдали православное исповѣданіе съ изложеніемъ правилъ ученія о таинствѣ евхаристіи, возвращая имъ съ своей стороны латинское изложеніе догмата о

Но, какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, и послѣ всего описаннаго, Іоаннъ Ватакисъ продолжалъ держаться прежней политики. На описанномъ уже соборѣ, какъ мы видѣли, онъ всячески старался какъ нибудь не допустить обѣ стороны до явной размолвки; его желаніемъ было если и не сдѣлать ничего существеннаго, то по крайней мѣрѣ расположить въ свою пользу папскихъ нунціевъ; если случилось то, о чемъ разсказано выше, то случилось это противъ его воли и къ его огорченію. За то тѣмъ сильнѣе сталъ онъ стараться потомъ загладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ событіями 1233 г. Дѣйствуя въ высшей степени успѣшно на поприщѣ возвращенія имперіи изъ рукъ латинянъ, онъ тѣмъ сильнѣе чувствовалъ нужду сохранять добрыя отношенія къ папѣ (1). Благодаря его завоеваніямъ послѣдній латинскій императоръ Балдуинъ II (1237 — 1261) провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по Европѣ, вымаливая у папы и государей западныхъ себѣ вспоможенія, что, конечно, причиняло немало безпокойства Ватакису. Вотъ почему вскорѣ послѣ событій въ 1233 году въ Римѣ начали получать хорошія вѣсти изъ Никеи. Такъ папскій легатъ на востокѣ Лаврентій въ 1249 г. пишетъ папѣ, что онъ замѣтилъ въ императорѣ и новомъ патріархѣ (Мануилѣ Критопулѣ) явные признаки желанія воссоединиться съ римскою церковію. Папа въ отвѣтъ на это извѣстіе въ томъ же 1249 г.

Св. Духѣ. Нунціи почему-то не хотѣли согласиться на такое требованіе; послѣ долгихъ просьбъ они, однакожъ, уступили.

(1) Еще съ Врієннемъ велъ онъ нѣсколько войнъ и всегда выходимъ изъ нихъ побѣдителемъ. По смерти же Врієннія (1237 г.), при Балдуинѣ II (1237—1261 г.), онъ окончательно овладѣлъ всѣми областями латинской имперіи, оставивъ Балдуину только Константинополь.

послалъ легата уже прямо въ Никею (Іоанна де Парму). Отъ новаго легата и его спутниковъ шли также хорошія вѣсти въ Римъ (1). Наконецъ около 1252 г. Іоаннъ Ватакисъ обстоятельствами времени принужденъ былъ къ рѣшительному шагу. Латинская имперія въ это время заключалась въ стѣнахъ одного Константинополя, но за то латинскій императоръ Балдуинъ II въ отчаяніи въ третій разъ отправился на западъ просить у папы и западныхъ государей помощи своей падающей имперіи; его отчаянное положеніе могло вызвать новый крестовый походъ на западѣ. Нужно было предупредить Балдуина; нужно было показать папѣ, что ему не слѣдуетъ много печалиться о потерѣ имперіи, которая видимо не могла долѣе существовать, что у папы и безъ латинской имперіи будетъ въ Константинополѣ имперія, которая готова признавать его верховную апостольскую власть. Въ этихъ именно видахъ Іоаннъ Ватакисъ, по согласію съ папскимъ легатомъ (Іоанномъ де Пармою), послѣ долгихъ совѣщаній съ духовенствомъ, отправилъ въ Римъ пословъ съ слѣдующими предложеніями: 1) папѣ уступалось первенство съ предсѣдательствомъ на соборѣ, право принимать апелляціи со стороны православнаго духовенства, какъ скоро оно будетъ не довольно рѣшеніемъ своихъ предстоятелей или какъ скоро въ греческой церкви возникаетъ догматическій или другой какой церковный вопросъ 2) кромѣ того обѣщалось подчиненіе со стороны греч. церкви папскимъ декретамъ на столько впрочемъ, на сколько они будутъ согласны съ евангельскими и соборными правилами. Отъ папы же требовалось 1) воз-

(1) Henry, an. 1249, t. XVII, p. 436—437.

вратить никейскому императору Константинополь и 2) удалить оттуда латин. патріарха (1). Иннокентій IV отвѣчалъ на эти вопросы довольно уклончиво. Принявъ императорскихъ пословъ (между которыми были два епископа сардійскій и кизикскій) очень ласково, папа объявилъ имъ, что соборъ разсмотритъ дѣло двухъ императоровъ и рѣшитъ, кому изъ нихъ съ большею справедливостію должна принадлежать имперія, но что во всякомъ случаѣ, даже и при господствѣ православныхъ, въ Константинополѣ должны оставаться оба патріарха и православный и латинскій, такъ какъ каждый изъ нихъ будетъ имѣть свою особенную паству. Папа, так. обр. какъ видно, не прочь былъ сдаться на умѣренныя предложенія никейскаго императора, очевидно расчитывая на всякій случай воспользоваться его, хотя и сомнительною, покорностію, если нельзя уже удержать за собою лат. имперіи, конечно соображая при этомъ, что лучше имѣть что нибудь, чѣмъ ничего. Вскорѣ и папа Иннокентій IV (ум. 1254) и Іоаннъ Ватакисъ (ум. 1255 г.) умерли и начатыя сношенія между Никеей и Римомъ прекратились. — Наконецъ, когда слѣдующій папа Александръ IV вздумалъ возобновить переговоры, начатыя его предшественникомъ, то преемникъ Ватакиса Ѳеодоръ Ласкарисъ (1255—1259) совершенно уже сбросилъ съ себя маску, которую по временамъ надѣвали на себя его предшественники. Сознавая несбыточ-

(1) До сихъ поръ мы излагали эти сношенія между Никеею и Римомъ по исторіи Флери (цит. Vading, an. 1249. Boll. 19 Mart, t. 8, p. 60). Флери говоритъ, что греч. апокрисіаріи принуждены были воротиться назадъ, не имѣя возможности по причинѣ разбоевъ и войнъ добраться до Рима. Илья же Минятій (камень соблазна), напротивъ, передаетъ все то, о чемъ мы говоримъ далѣе, т. е., что послы греческіе достигли Рима и принесли оттуда отвѣтъ.

ность соединенія, будучи притомъ вполнѣ увѣренъ, что и безъ подчиненія папѣ констант. имперія не избѣгнетъ его рукъ, видя, что продолжительныя путешествія Балдуина по Западу не приносятъ лат. имперіи ничего, кромѣ ничтожнаго денежнаго вспоможенія, Ласкарисъ рѣшительно отказался отъ всякихъ сношеній съ папою. Между тѣмъ Александръ IV соглашался было уже на тѣ условія, какія предлагалъ въ послѣднее время Иннокентію IV Іоаннъ Ватацисъ. Александръ IV предлагалъ Ѳеодору Ласкарису свое посредничество для полюбовнаго рѣшенія споровъ о престолѣ между нимъ и лат. императоромъ; въ случаѣ же упорства Балдуина бралъ даже на себя удовлетворить всѣмъ требованіямъ Ласкариса. Вопросъ о патріархахъ латинскомъ и греческомъ папа предоставлялъ рѣшенію собора, соглашаясь впрочемъ признать правосл. патріарха въ его санѣ тотчасъ же, какъ скоро никейскій императоръ овладѣетъ Константинополемъ, какимъ бы образомъ это ни произошло. Такая уступчивость папы не произвела должнаго впечатлѣнія на никейскаго императора. Ласкарисъ не захотѣлъ даже видѣть папскаго легата. Легатъ доѣхалъ только до Беріи македонскаго города, откуда по приказанію Ласкариса возвращенъ былъ назадъ Георгіемъ Акрополитомъ, тогдашнимъ правителемъ Македоніи (1). Так. обр. дѣло дошло до того, что латиняне и православные къ концу 57-ми лѣтняго періода существованія латинской имперіи совершенно помѣнялись своими положеніями. Теперь перевѣсъ видимо былъ на сторонѣ православныхъ, а не на сторонѣ папы и латинянъ. Начавъ съ мысли покорить безусловному авторитету папы православную цер-

(1) Rayn, an. 1256, n 48.

ковь, латиняне так. обр. кончили тѣмъ, что самого папу поставили въ необходимость войти въ сдѣлку съ греческою церковію для того, чтобы сохранить хоть что нибудь изъ многаго того, о чемъ мечтали крестоносцы на пути къ Константинополю и при основаніи новой имперіи и о чемъ сначала своими быстрыми успѣхами заставили мечтать рим. первосвященника.

Въ заключеніе этого 57-ми лѣтняго періода остается рѣшить вопросъ, какъ въ это время относилось къ дѣлу соединенія церквей православное греческое духовенство. Отношеніе народа ясно; отношеніе правительства также. Народъ вовсе не былъ расположенъ къ общенію съ латинянами; императорскій дворъ смотрѣлъ на вопросъ по старому, т. е. смотря по обстоятельствамъ, вообще же всегда былъ радъ затѣять переговоры съ папою.— Духовенство примыкало въ отношеніи къ пониманію этого вопроса съ одной стор. къ правительству, съ другой къ народу. Оно съ одной стор. не теряло еще вовсе надежды на возможность мира съ латинянами, и потому позволяло себѣ разсуждать съ ними; но съ другой сильно сомнѣвалось въ достиженіи желаемаго; у него, какъ и у народа, съ латинянами сейчасъ же соединялось представленіе объ ихъ злоупотребленіяхъ, о возмутительныхъ сценахъ послѣдняго времени. Припомнимъ слова П. Германа въ его письмѣ къ папѣ; обратимъ также вниманіе на то, о чемъ съ особеннымъ жаромъ говорилось на соборѣ въ Нимфеѣ. Православное духовенство вмѣстѣ съ народомъ (хотя конечно въ гораздо меньшей степени, чѣмъ послѣдній) находилось подъ очевиднымъ вліяніемъ только что совершившихся событій и хотя умѣло избѣгать крайностей народнаго чувства въ отношеніи къ латинянамъ, тѣмъ не менѣе было болѣе рас-

положено не въ пользу, чѣмъ въ пользу латинянъ. У него вмѣстѣ съ мыслію о латинянахъ соединялось два представленія, другъ друга усиливавшія: представленіе о частныхъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ нѣкоторыми членами западной церкви въ послѣднее время въ отношеніи къ восточной церкви, бросающихъ однакожъ невыгодный свѣтъ на всю западную церковь,—и вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе объ общемъ отступленіи всей зап. церкви въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ ученія отъ восточной.—Но если таково было вообще настроеніе умовъ прав. греческаго духовенства, то совершенно другой взглядъ могъ установиться у человѣка, расторгнувшаго связь съ живымъ сознаніемъ восточной церкви, каковъ былъ напр. знаменитый ученый того времени, пользовавшійся общимъ уваженіемъ — Никифоръ Влеммидъ. По свидѣтельству Пахимера это былъ человѣкъ, умъ котораго „какъ будто вовсе не былъ ограничиваемъ тѣломъ“, человѣкъ, который „нисколько не занимался земными выгодами, ко всему былъ равнодушенъ, ни къ кому не имѣлъ ни симпатіи, ни антипатіи.“ Это былъ человѣкъ очевидно съ умомъ безстрастнымъ, сосредоточеннымъ, самостоятельнымъ. Влеммидъ явно склонялся въ пользу мира съ латинскою церковію. Такъ поступалъ онъ, конечно, вовсе не въ угоду императорскому двору; этотъ ученый инокъ, не преклонявшійся ни передъ кѣмъ, не побоявшійся явно вооружиться противъ имп. Іоанна Ватакиса за его беззаконную связь съ Маркесиной, не могъ по своей честности религіозный интересъ принести въ жертву политическому; искренно увлечься политикою такъ, чтобы незамѣтно отъ желанія мира съ латинянами дойти до вѣры въ возможность церковнаго мира, также не могъ потому

что онъ былъ человѣкъ, неспособный втягиваться въ интересы времени; политика для него не существовала. Итакъ какъ же онъ сдѣлался поборникомъ соединенія церквей? Для его холоднаго, безпристрастнаго ума, конечно, не значили много временныя злоупотребленія членовъ латинской церкви; онъ могъ смотрѣть на эти злоупотребленія, какъ на частныя дѣйствія частныхъ членовъ лат. церкви, въ которыхъ нельзя обвинять всю церковь; и чѣмъ болѣе онъ видѣлъ, какой крайній взглядъ устанавливается на латинянъ и лат. церковь, тѣмъ по закону реакціи примирительнѣе онъ долженъ былъ смотрѣть на лат. церковь, какъ на церковь, на которую взводятъ слишкомъ много несправедливаго. Многое, въ чемъ народъ и отчасти духовенство обвиняли латинянъ, для Влеммида так. обр. не имѣло смысла. Послѣ всего этого оставались только тѣ немногіе пункты ученія, въ которыхъ латиняне разошлись отъ православныхъ. Въ общемъ сознаніи православнаго греческаго духовенства эти пункты болѣе или менѣе ясно представлялись въ связи съ общимъ началомъ одушевляющимъ латинство. Расторгши связь съ общимъ церковнымъ сознаніемъ, Влеммидъ съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ то внутреннее чутье, которое заставляло въ латинскихъ отступленіяхъ видѣть болѣе, чѣмъ случайное уклоненіе отъ истины, которое указывало въ латинствѣ ложное начало его одушевляющее. Латинскія нововведенія представлялись ему отдѣльными пунктами безъ твердой основы, безъ почвы и слѣд. неспособны были устоять предъ всеразрѣшающей діалектикой человѣческаго ума. Влеммидъ хотѣлъ быть совершенно само-

(1) Виз. ист. Пахим., стр. 312.

стоятельнымъ, независимымъ отъ общихъ укоренившихся мнѣній, отъ общаго сознанія духовенства и народа. Вотъ болѣе, чѣмъ вѣроятная причина, почему такой безпристрастный и добросовѣстный человѣкъ, какимъ былъ Влеммидъ, на досугѣ, какъ выражается Пахимеръ, началъ собирать свидѣтельства св. книгъ, повидимому, покрѣпляющія лат. ученіе и писать на эту тему. Правда, продолжаетъ тотъ же историкъ, онъ писалъ большею частію тайно, потому что народъ не раздѣлялъ его мнѣній, но все же писалъ. Влеммидъ былъ предвѣстникомъ Ліонской уніи, родившейся глав. обр. изъ политическихъ соображеній, но, какъ можно догадываться, отчасти и изъ протеста немногихъ личностей противъ ненависти къ латинянамъ, дошедшей въ народѣ до крайней степени своего развитія.

Итакъ разсмотрѣнный 200-лѣтній періодъ былъ временемъ постоянныхъ столкновеній православныхъ съ латинянами,—временемъ, въ которое созрѣвало въ массахъ и сознавалось ими то глубокое различіе, какое существуетъ между православнымъ востокомъ и латинскимъ западомъ въ религіозномъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Что касается до попытокъ къ соединенію, то приведенные нами факты показываютъ, что если и было въ этомъ отношеніи настойчивое стремленіе, то со стороны болѣе латинянъ, задумавшихъ основать въ Константинополѣ латинскую имперію и церковь, чѣмъ православныхъ. Со стороны православныхъ мы не видимъ такихъ рѣшительныхъ попы-

токъ соединиться съ Римомъ, какія мы увидимъ въ послѣдствіи (въ Ліонской и Флорентинской уніяхъ). Всѣ религіозные переговоры, веденные ими въ разсмотрѣнный періодъ, шли какъ мы видѣли, довольно спокойно, даже вяло; партій совсѣмъ не было (1); не видно, чтобы императоры принуждали кого нибудь насильно благопріятствовать латинянамъ. Начавшійся въ концѣ XI в. наплывъ западныхъ дружинъ подъ знаменемъ креста, угрожавшій и политической и религіозной самостоятельности православнаго востока, сплотилъ всѣхъ православныхъ болѣе, чѣмъ когда либо, въ одно цѣлое, соединилъ всѣхъ въ противодѣйствіи иновѣрному и иноземному. Политика императоровъ греческихъ, будучи до очевидности двусмысленна, въ существѣ дѣла старалась защитить православные и народные интересы, пользуясь для этого всякими, даже непозволительными средствами, даже видимою измѣною ими же защищаемому православію, тѣсно связанному съ политическою независимостью страны. Всякій понималъ это и потому дѣленій и волненій въ православномъ мірѣ по этому вопросу не было. До того привыкли къ этимъ, рѣшительно ничѣмъ не оканчивавшимся переговорамъ о мирѣ и соединеніи церквей, что даже въ то время, когда обстоятельства во многомъ измѣнились и дѣло шло уже къ болѣе серьёзной попыткѣ, къ Ліонской уніи, епископы, по словамъ истор. Пахимера (2), и въ умъ не брали, чтобы этотъ поднимаемый царемъ вопросъ могъ быть рѣшенъ такъ скоро, ибо знали, что сколько разъ прежніе цари ни приступали къ его рѣшенію, всегда

(1) Если не принимать во вниманіе отдѣльныхъ личностей въ родѣ Влеммида.

(2) Виз. ист. Пахим., стр. 338—339.

возникали препятствія... Имъ казалось, *что церковь останется безопасною, хотя бы царь и дѣлалъ, что ему полезно.*“ Съ возвращеніемъ въ 1261 г. Константинополя снова во власть православныхъ дѣла во многомъ измѣнились.

ЧАСТЬ II.

(1261 — 1453)

Съ возвращеніемъ Константинополя во власть православныхъ дѣла по вопросу о соединеніи церквей во многомъ, какъ мы сказали, измѣнились.

И вопервыхъ; что касается востока, то здѣсь произошло весьма важное измѣненіе въ политикѣ; измѣнилось значительно и отношеніе самаго духовенства къ вопросу о соединеніи церквей; осталось неизмѣннымъ одно — отношеніе православнаго народа къ вопросу о мирѣ съ латинянами. Взятіе латинянами Константинополя и полувѣковое въ немъ господство послѣднихъ окончательно организовало враждебную латинянамъ народную силу на греческомъ востокѣ. Если и прежде народъ былъ нерасположенъ къ папскому западу и всему западному, то теперь онъ зашелъ еще далѣе въ этомъ направленіи. Ненависть къ латинянамъ превратилась, ко времени ліонской уніи, въ великую народную силу, жившую въ народѣ и двигавшую народъ (1). Уси-

(1) Что это было такъ во все время отъ Ліонскаго собора до Флорентинской уніи, увидимъ впослѣдствіи. Теперь же укажемъ только на

ленію народно — религіозной непріязни къ латинянамъ на греческомъ востокѣ способствовало не мало измѣненіе въ политикѣ и дѣйствіяхъ императорскаго византійскаго двора по вопросу объ уніи съ Римомъ. Греческіе императоры, по возвращеніи въ ихъ власть Константинополя настойчивѣе и серьёзнѣе прежняго стали стремиться къ соединенію съ латинянами; образовалась хотя и немногочисленная, но сильная партія, состоявшая изъ людей преимущественно близкихъ ко двору и задавшаяся цѣлію во что бы-то ни стало соединиться съ латинянами. Стремленіе это явилось благодаря слѣд. обстоятельствамъ. Сперва константинопольскіе императоры и всѣ люди политики страшились запада, его притязаній на случайно доставшуюся ему и потомъ отнятую у него восточную имперію и потому въ сближеніи съ папою, который одинъ могъ удержать западныхъ государей отъ новаго покушенія завоевать Константи-

нѣкоторые факты. Народъ лишаетъ погребенія поборника уніи М. Палеолога, своего императора, и сынъ его, любившій своего отца, принужденъ подчиниться волѣ народа (Виз. ист. Григора, стр. 147). Варлаамъ, посолъ Андроника III младшаго, признавался въ 1339 г. папѣ, что императоръ послалъ его на западъ тайно, опасаясь народа, готоваго убить его за попытку соединиться съ Римомъ. Imperator — говорилъ онъ—non audet manifestare se, quod velit uniri vobiscum, quoniam, si manifestasset se, multi ex principibus suis etiam, *ex populo*, timentes, ne forte si ipse vellet, sicut fecit M. Palaeologus, quaererent opportunitatem interficiendi illum. Rayn. an. 1339 n. 19 et. Leo Allat. de perp. cons. p. 799. Стоитъ указать также на письмо Петрарки къ папѣ, въ которомъ онъ побуждаетъ папу къ новому завоеванію Конст. Сравнивая мусульманъ съ греками, онъ находитъ, что греки непріязненнѣе къ латинянамъ чѣмъ мусульмане. „Тѣ—враги, эти—схизматики, хуже враговъ... Если кто изъ нашихъ взойдетъ въ ихъ базилики, они очищаютъ эти базилики, какъ бы оскверненныя человѣческою кровію или злодѣяніемъ, Rayn. an. 1366 n. 24. Наконецъ всѣмъ извѣстно поведеніе греч. народа во время окончательнаго паденія имперіи, когда турки стояли уже подъ стѣнами столицы. И тогда не хотѣли и думать о союзѣ съ латинянами, хотя это было единственное средство спасенія.

нополь, видѣли единственное средство удержаться на престолѣ. Потомъ еще болѣе начали восточные императоры трепетать турокъ, которые отнимали у нихъ провинцію за провинціею. Въ этой крайности единственной, хотя и слабой надеждой представлялась имъ помощь того самаго запада, которою доселѣ они такъ боялись, помощь кростоносныхъ дружинъ и стало быть опять помощь папы, который одинъ могъ располагать воинскими силами запада. Такимъ образомъ, во весь разсматриваемый періодъ до самаго окончательнаго паденія восточной имперіи въ 1453 г., папа представлялся константинопольскому двору центромъ, сосредоточивавшимъ на себѣ всѣ его надежды. Въ виду этихъ надеждъ съ одной стороны и опасностей съ другой, императорамъ казались неизбѣжными болѣе или менѣе важныя уступки папѣ и по ихъ мнѣнію это долженъ былъ сознать всякой, кто дорожилъ счастіемъ своего отечества и своего собственною безопасностію. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, императоры не задумывались считать врагомъ своею отечества всякаго, кто не раздѣлялъ ихъ надеждъ, сосредоточивавшихся на папѣ, и не хотѣлъ покупать гражданскаго спокойствія измѣною своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Противъ такихъ людей императоры считали себя въ правѣ употреблять внѣшнія принудительныя мѣры; такихъ людей гнали, ссылали въ ссылку и даже предавали смерти. Массы же народа свотрѣли на дѣло, какъ мы видѣли, съ совершенно другой точки зрѣнія: онѣ считали недостойнымъ христіанина, ради спасенія временнаго жертвовать спасеніемъ вѣчнымъ, имѣть общеніе съ нечистыми латинянами. Притомъ онѣ, помня событія латинской имперіи въ Константинополѣ, были

убѣждены, что латиняне не могутъ быть ихъ друзьями ни религіозными, ни политическими, что они опаснѣе самихъ мусульманъ. Чѣмъ усиленнѣе хлопоталъ дворъ о соединеніи съ папою, чѣмъ чаще прибѣгалъ онъ для этого къ внѣшнимъ принудительнымъ мѣрамъ, тѣмъ сильнѣе народъ ненавидѣлъ латинянъ, между прочимъ какъ причину, по его мнѣнію, внутреннихъ неустройствъ, раздѣленія между нимъ и правительствомъ. Такимъ образомъ на востокѣ создались и заявили себя въ этотъ періодъ двѣ силы, дѣйствовавшія въ противоположныхъ направленіяхъ. Первой силой былъ дворъ съ своею немногочисленною партіею; послѣднюю силу, враждебную первой, представлялъ всею своею масюсо православный греческій народъ.—Кромѣ того, съ удаленіемъ причины, сплочивавшей православныхъ во едино, т. е. съ прекращеніемъ движеній западныхъ дружинъ на востокъ, въ самомъ духовенствѣ не стало прежняго единенія относительно вопроса о соединеніи съ римскою церковію. По удаленіи враговъ и между тѣмъ при существованіи въ массахъ прежней ненависти къ латинянамъ, дошедшей въ послѣднее время до крайней степени, въ мысли нѣкоторыхъ, конечно сравнительно немногихъ, лицъ естественно явилась реакція въ пользу примиренія съ латинянами; римская церковь стала представляться имъ вовсе не въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, въ какомъ представлялась она народу (1). Отсюда раздѣленіе въ самомъ православномъ духовенствѣ; отсюда серьёзныя попытки съ одной стороны измѣнить

(1) Къ этому взгляду примѣшивалось иногда болѣе или менѣе безсознательное увлеченіе политическими расчетами. Искреннее желаніе добра отечеству естественно располагало благосклонно смотрѣть на средство къ его достиженію, т. е. на римскую церковь, на папу.

православію, съ другой всѣми силами защитить его. Итакъ, по возвращеніи Константинополя во власть православныхъ, все соединилось для того, чтобы вопросъ о соединеніи церквей съ одной стороны сталъ для прав. востока вопросомъ народнымъ, съ другой сдѣлался для него предметомъ споровъ, яблокомъ раздора, ведя за собою болѣе серьёзныя и рѣшительныя, чѣмъ прежде, попытки къ его разрѣшенію и серьёзную оппозицію противъ этихъ попытокъ.

На западѣ вопросъ о соединеніи церквей не былъ вопросомъ народнымъ; онъ занималъ здѣсь собою одного папу и еще немногихъ лицъ. Онъ не былъ здѣсь вопросомъ первой важности, какъ на востокѣ; онъ не произвелъ здѣсь ни горячихъ споровъ, ни партій. Другаго рода вопросы стояли здѣсь на первомъ планѣ и заслоняли его собою. Впрочемъ судьба этого вопроса на западѣ въ разсматриваемый періодъ была не одинакова; она была тѣсно связана съ состояніемъ самаго папства: когда папство было могуче, имъ занимались довольно много; когда оно падало, о немъ забывали вовсе. Никогда еще папство не являлось такою всемогущею властію, какъ въ XIII в. Для полноты господства надъ вселенною, папамъ не доставало только господства надъ восточною церковію, и сюда-то естественно они должны были нерѣдко обращать свои взоры, и дѣйствительно въ этотъ періодъ они дѣятельно и съ замѣчательнымъ успѣхомъ хлопотали по вопросу о вселенской уніи. Быстро смѣнились времена грознаго могущества папской власти временами Авиньонскаго пленія папъ и великаго раскола. Въ Авиньонѣ (въ перв. пол. XIV ст.) папы теряютъ всякую независимость и свободу, дѣлаются вассалами французскихъ королей,

орудіями ихъ политическихъ видовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости погружаются въ мелкіе расчеты, заботы, интриги, заняты почти исключительно производствомъ въ обширныхъ размѣрахъ денежныхъ спекуляцій и пріобрѣтеніемъ на эти средства, для личнаго своего обладанія, значительныхъ территорій. Еще болѣе жалкій видъ представляетъ папство во второй половинѣ XIV ст. (1378—1418), во времена великаго раскола. Оба папы, одинъ въ Римѣ, другой въ Авиньонѣ, занимались исключительно тѣмъ, что взводили другъ на друга страшныя обвиненія, проклинали другъ друга, интриговали одинъ другаго. Понятно, что въ такія времена папамъ было не до вопроса о соединеніи церквей; они вращались исключительно въ сферѣ мелкихъ личныхъ интересовъ и взаимныхъ интригъ. XV-й вѣкъ былъ вѣкомъ пробужденія въ массахъ западныхъ христіанъ стремленій къ преобразованію папства во главѣ и членахъ и ловкаго противодѣйствія папъ этимъ стремленіямъ. Соборы, какъ выраженія сильной оппозиціи всѣхъ народовъ противъ злоупотребленій папской власти, проявлявшихся въ предъидущій вѣкъ во всей ихъ ужасающей наготѣ,—и папы дѣятельные, умные, путемъ уступокъ отстаивающіе главныя основы папской власти, путемъ отдѣльныхъ конкордатовъ съ различными народностями разъединяющіе грозную для нихъ оппозицію всѣхъ народовъ, — вотъ два главныя явленія XV в. во взаимной между собою борьбѣ. Весь XV-й в. наполненъ событіями этой борьбы и все вниманіе папъ было поглощено этою борьбою. Правда, въ это время не разъ взоры ихъ обращались и на православный востокъ, но при этомъ вопросъ о соединеніи церквей не составлялъ уже для нихъ цѣли, а представ-

лялся только средствомъ усилить численно свою партію, противодѣйствовать авторитетомъ православныхъ пастырей и восточныхъ императоровъ, преобразовательнымъ стремленіямъ опасныхъ для нихъ соборовъ. Вопросъ о вселенской уніи былъ на второмъ планѣ; такъ называемые западные вселенскіе соборы XV в. заслоняли собою въ глазахъ папъ вопросъ о вселенской уніи. Папамъ XV в. было не до хлопотъ о господствѣ надъ восточною церковію, когда ихъ собственное наслѣдіе объявило, что насталъ конецъ папскаго обсолютизма, безграничныхъ папскихъ притязаній.

Итакъ вопросъ о соединеніи церквей въ разсматриваемый періодъ былъ, болѣе чѣмъ когда либо, вопросомъ церкви восточной, а не западной. Восточную церковь волновалъ этотъ вопросъ, породивъ въ ней различныя партіи, вступившія между собою въ борьбу. Востоку этотъ вопросъ стоилъ многихъ жертвъ, страданій и крови; западу же почти ничего не стоилъ. На востокѣ зачинались стремленія въ духѣ уніи, на востокѣ становились особенно и ощутительны ихъ слѣдствія. Западъ, болѣе уже не входившій въ непосредственныя столкновенія съ востокомъ, примыкалъ къ этому вопросу со стороны.

ГЛАВА I.

Ліонская унія.

Какъ съ самымъ лучшимъ подтвержденіемъ всего сказаннаго выше относительно состоянія вопроса о соеди-

неніи церквей на востокѣ съ половины XIII вѣка, мы встрѣчаемся съ такъ называемою ліонскою уніею, непосредственно слѣдовавшею за возстановленіемъ восточной имперіи. Ліонская унія, со всѣми ея особенностями, есть плодъ крестовыхъ походовъ и ближайшимъ образомъ 57 лѣтняго существованія латинской имперіи, результатъ предшествовавшихъ двухвѣковыхъ отношеній между православными и латинянами. Въ ней, какъ въ картинѣ, обрисовалось все, что создала исторія предъидущихъ двухъ столѣтій на почвѣ отношеній между церквами. Въ ней заявили себя всѣ тѣ элементы, которые доселѣ зарождались и организовались. Но ліонская унія, стоя въ связи съ предъидущими событіями, выяснялась ими, въ свою очередь указываетъ и на то, какое направленіе приметъ вопросъ о церковной уніи въ дальнѣйшемъ періодѣ его развитія. Обнаруживъ себя въ первый разъ вполнѣ въ ліонской уніи, партіи или стороны или, какъ мы выше ихъ назвали, элементы православнаго общества, съ этихъ поръ не прекращаютъ своего существованія, а стало быть и дѣятельности, и такимъ образомъ даютъ такое, а не другое, направленіе рѣшенію вопроса. Но, становясь въ рядъ съ другими попытками къ соединенію церквей, ліонская унія въ тоже время выдвигается на довольно большую высоту своими характеристическими особенностями изъ ряда всѣхъ ихъ, не исключая и флорентинскаго собора. Во время ліонской уніи дѣло велось болѣе серьёзно, послѣдовательно, энергично, чѣмъ когда нибудь. Это было время нѣкотораго возрожденія, или лучше возбужденія греческаго народа. Силы послѣдняго въ бѣдственныя времена латинской имперіи освободились отъ застоя и дремоты и теперь освѣженныя дѣятельно взялись за рѣ-

шеніе старыхъ вопросовъ. Это было наконецъ время наибольшей высоты папской власти на западѣ. И такъ неудивительно, что эта первая серьёзная попытка была и энергичнѣе и послѣдовательнѣе и законченнѣе всѣхъ другихъ. Здѣсь всѣ элементы, создавшіеся въ нѣдрахъ восточной церкви, обнаружили себя такъ, какъ ни прежде, ни послѣ, выдержали себя вполнѣ до конца, какъ не выдерживали никогда. Здѣсь императорская партія прямо и рѣшительно объявила себя въ пользу соединенія съ Римомъ, уступивъ папѣ все, чего онъ хотѣлъ, и рѣшилась оффиціальнымъ путемъ энергическаго насилія разрѣшить вопросъ о религіозномъ мирѣ востока и запада. На ряду съ правительствомъ и внѣшними средствами выдвинулись и всѣ внутреннія, какими располагала унія: огромная ученость въ лицѣ Векка истощила весь запасъ своихъ аргументовъ. Народъ своими волненіями и страданіями ясно засвидѣтельствовалъ, какъ онъ относится къ вопросу о соединеніи съ латинянами. Крайне затруднительное положеніе іерархіи между этими двумя партіями обрисовалось также вполнѣ. Ни та, ни другая, ни третія сторона ни мало не измѣнила своему положенію и своей задачѣ, не какъ въ флорентинской уніи, гдѣ императоръ и его партія видимо колебались то въ ту, то въ другую сторону, имѣя въ виду печальный исходъ ліонской уніи и, такимъ образомъ, всему дѣлу давали ходъ нерѣшительный, непослѣдовательный. Одно, въ чемъ уступаетъ унія ліонская флорентинской, это то, что въ послѣдней тенденціи папы и кардиналовъ обнаружились полнѣе, чѣмъ въ ліонской. Въ ліонской уніи латиняне остаются какъ бы въ тѣни; непосредственно съ латинянами мало имѣютъ дѣла; въ флорентинской же на обо-

ротъ. Вообще съ нашей точки зрѣнія ліонская унія есть типъ попытки къ соединенію церквей въ періодъ съ XI вѣка до XVI.

Не сразу конечно обозначились всѣ стремленія и партіи въ православномъ мірѣ; не сразу заявили они себя свойственными имъ дѣйствіями. Былъ довольно большой десятилѣтній промежутотъ между возвращеніемъ Константинополя во власть православныхъ и собственно ліонскимъ соборомъ. Въ этотъ десятилѣтній періодъ отъ 1261 года до 1271, отъ папы Урбана IV до папы Григорія X, созрѣвало то, что поразительно заявило себя съ 1271 года. Правда, сразу же было замѣтно, что папа, которому, съ потерею латинской имперіи терять стало нечего на востокѣ, а съ прекращеніемъ крестовыхъ походовъ не было ни малѣйшей нужды искать благосклонности византійскаго императора, хочетъ серьёзно приняться за унію, намѣренъ, отложивъ прежнюю уступчивость, достигнуть и на востокѣ всѣхъ тѣхъ результатовъ для своей каѳедры, какихъ онъ достигъ къ этому времени на западѣ. Видно было, чего желаетъ папа, когда онъ не допускаетъ никакихъ разсужденій относительно разностей въ ученіи вѣры между церквами и никакихъ совѣщаній относительно изысканія средствъ къ соединенію, а требуетъ безъ всякихъ разсужденій отъ императора и епископовъ подписи подъ римское исповѣданіе вѣры и присяги въ подчиненіи ихъ римскому престолу. Правда и то, что, по словамъ Пахимера, императоръ и его приближенные чувствовали теперь особенно живо потребность примиренія съ папою. Сравнивая прежнее положеніе дѣлъ съ настоящимъ, они находили, что теперь имъ дороже, чѣмъ когда либо, дѣло соединенія церквей, потому что дороже прежняго

имперія, съ такими усиліями снова пріобрѣтенная, тогда какъ въ прежнее время они только еще домогались получить потерянное, не будучи вполнѣ увѣрены, осуществятся ли ихъ желанія, а стало быть и не имѣли такой настоятельной потребности осуществить мысль о соединеніи (1). Но за то плохо еще понимала, какой исходъ будутъ имѣть новыя сношенія съ папою, іерархія; еще менѣе понималъ народъ. „Предстоятели церкви принимали это дѣло легко и поверхностно;“ они, на основаніи прежнихъ опытовъ, были увѣрены, что сношенія съ Римомъ, кромѣ взаимныхъ обѣщаній и формальныхъ переговоровъ, ничѣмъ не кончатся, а потому и не противились затѣямъ императора, „обращались любезно съ папскими легатами и нунціями“; но не вступали съ ними въ серьёзныя совѣщанія и вообще вели себя, какъ и ихъ предшественники, то есть, не имѣя никакого сочувствія къ уніи, напротивъ твердо рѣшившись управлять церковію на древнихъ основаніяхъ, они однако же, изъ угожденія императору, выказывали по наружности готовность и расположенность къ миру (2). Еще менѣе могла ожидать чего нибудь серьёзнаго отъ затѣявшагося сношенія съ Римомъ никогда далеко не заглядывающая масса. Да вѣроятно и самъ императоръ не зналъ, чѣмъ все это кончится. Словомъ, на первыхъ порахъ, въ продолженіи первыхъ десяти лѣтъ, все шло по видимому совершенно по прежнему: писались письма изъ Константинополя въ Римъ и обратно; посылались посольства и т. д. Но все это только могло такъ

(1) Пахим. стр. 337. Говоримъ почти собственными словами Пахимера.

(2) ibid. стр. 338–339. Опять говоримъ *почти собственными словами* Пахимера.

показаться человѣку или невнимательному или недальновидному. На самомъ же дѣлѣ обстоятельства все болѣе и болѣе вовлекали императора и папу въ переговоры относительно уніи и заставляли ихъ дѣйствовать все прямѣе и рѣшительнѣе прежняго. Сношенія въ этотъ десятилѣтній періодъ были очень частыя, почти постоянныя. Органомъ ихъ служили францисканскіе монахи (которыхъ Михаилъ Палеологъ употреблялъ между прочимъ потому, что хотѣлъ обмануть бдительность своего врага, Карла (1), который всѣми средствами старался препятствовать сношеніямъ Константинополя съ Римомъ). Эти францисканцы, или фреріи, какъ называетъ ихъ Пахимеръ, отлично были принимаемы въ Константинополѣ, получали подарки для себя и для римскихъ кардиналовъ и несли письма отъ императора къ папѣ; равнымъ образомъ прекрасно были принимаемы и всѣ лица съ запада, особенно принадлежащія къ церковному клиру. Съ другой стороны императоръ вмѣстѣ съ францисканцами, а иногда и безъ нихъ, отправлялъ и своихъ пословъ въ Римъ и всегда снабжалъ ихъ дарами папѣ и кардиналамъ.—Послѣ перваго неудачнаго посольства въ Римъ въ 1261 году тотчасъ же по возвращеніи Константинополя, посольства, имѣвшаго цѣлію умилостивить папу, раздраженнаго потерею Константинополя и окончившагося мучительною смертію императорскаго посла (Никифорица) отъ рукъ итальянцевъ, не менѣе папы раздраженныхъ этою потерею (2)—Михаилъ Палеологъ снова вступилъ въ переговоры съ па-

(1) Сицилійскаго короля, который выступилъ впрочемъ на поприще дѣятельности противъ М. Палеолога, въ концѣ этаго десятилѣтняго періода.

(2) Пахим. стр. 191, 329—330.

пою въ 1262 г. Положеніе Михаила Палеолога было довольно опасное. Взошедши на престолъ незаконно и тѣмъ возбудивъ противъ себя многочисленную партію недовольныхъ, императоръ долженъ былъ ждать еще нападеній съ запада. Тогдашній папа Урбанъ IV отлучилъ отъ церкви генуэзцевъ за ихъ союзъ съ императоромъ, за ихъ содѣйствіе Михаилу Палеологу въ возвращеніи Константинополя; склонялъ св. Людовика, короля Франціи, къ востановленію латинскаго господства въ Византіи; при чемъ выставлялъ ему на видъ, что интересы Палестины тѣсно связаны съ интересами существованія латинской имперіи и что латинскіе владѣтели, остававшіеся тогда господами княжествъ Ахаіи, Мореи и сосѣднихъ острововъ, готовы напасть на Константинополь съ суши, а венеціанцы съ моря. Папа послалъ даже во Францію монаховъ проповѣдывать крестовый походъ (1). Михаилъ Палеологъ, встревоженный такими дѣйствіями папы и опасаясь съ его стороны крестоваго противъ себя похода, поспѣшилъ тотчасъ же въ 1262 г. завязать съ Урбаномъ IV религіозные переговоры. Называя папу преемникомъ апостола Петра и своимъ духовнымъ отцемъ, императоръ жаловался, что папа, вмѣсто строгаго храненія христіанскаго единенія и любви между христіанами, возбуждаетъ между ними войны, что онъ отлучилъ генуэзцевъ единствен-

(1) Rayn. 1263, n. 23. Тѣмъ опаснѣе должны были казаться для Михаила Палеолога замыслы папы, что къ подобному предложенію со стороны Урбана подалъ поводъ самъ Людовикъ, изъявившій предъ папскимъ нунціемъ желаніе помочь изгнанному латинскому императору въ возвращеніи отнятой имперіи. Итакъ, когда получено было въ Римѣ извѣстіе объ этомъ обстоятельствѣ, тотчасъ же отправленъ былъ изъ Рима папскій легатъ, уполномоченный войти въ переговоры съ Людовикомъ и епископами Франціи относительно возстановленія латинской имперіи на востокѣ и относительно крестоваго похода противъ Константинополя.

но за миръ съ греками, въ заключеніе предлагалъ Урбану миръ съ своей стороны и просилъ его послать въ Константинополь уполномоченныхъ для разсужденій о соединеніи церквей. „Тебѣ бы, писалъ императоръ папѣ, какъ нашему отцу, нужно было предварить насъ въ этомъ дѣлѣ; но я рѣшился первый предложить тебѣ миръ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и ангелами, что если ты отвергнешь его, совѣсть моя не будетъ въ томъ укорять меня". Въ отвѣтномъ письмѣ къ императору папа выражалъ сильную радость, благодарилъ Бога, приведшаго императора на путь истины; высказывалъ надежду, что при этомъ само собой уничтожится разногласіе въ вѣрѣ и церковныхъ обычаяхъ; главное же выяснялъ Михаилу Палеологу чрезвычайную выгоду, какую послѣдній извлечетъ для себя изъ возсоединенія церквей, поставляя ему на видъ, что Римскій престолъ всегда былъ для королей самымъ надежнымъ прибѣжищемъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; въ заключеніе давалъ Михаилу Палеологу замѣтить, что до тѣхъ поръ, пока послѣдній не подчинится римскому престолу, онъ—папа—не позволитъ ни одному латинянину оказать ему—императору—помощь (1). Но пере-

(1) Rayn. ad an. 1263, n. 26 et 32. Распространяясь относительно выгодъ, какія представляетъ для государей связь и дружба съ папою, Урбанъ пишетъ: „если случается у нихъ (государей) война или другое какое либо раздѣленіе, церковь Римская, какъ мать, бросается среди ихъ, отнимаетъ изъ ихъ рукъ оружіе и своимъ авторитетомъ обязываетъ ихъ къ миру. Съ своей стороны и католическіе государи, если они сами относительно чего спорятъ между собою, или ихъ вассалы возмущаются противъ нихъ, немедленно обращаются къ Римской же церкви, прося у нея себѣ совѣта и помощи и непремѣнно получаютъ отъ нея миръ и спокойствіе. Она служитъ вмѣсто матери для государей, которые принимаютъ корону въ малолѣтствѣ; она воспитываетъ и защищаетъ ихъ противъ узурпаторовъ, не щадя при этомъ собственныхъ издержекъ"...

говоры шли своимъ чередомъ, а событія своимъ. Императоръ и во время и послѣ этихъ сношеній съ папою продолжалъ воевать противъ латинскаго владѣтеля остатковъ латинскихъ владѣній, ахайскаго князя, вассала папы, Вильгардуена; а папа, съ своей стороны уже дѣлавшій наставленія четыремъ францисканцамъ, назначеннымъ къ отправленію въ Константинополь, относительно того, какъ они должны вести себя въ обращеніи съ греками (1), (имѣющими скоро, какъ онъ полагалъ, подчиниться римской церкви) и потомъ дѣйствительно отправившій ихъ въ Константинополь, приказалъ однакожъ въ 1264 году епископу Утрехтскому и другимъ объявить крестовый походъ для обратнаго завоеванія византійской имперіи, а отъ герцога Бургундскаго требовалъ, чтобы онъ, при помощи своихъ крестовыхъ дружинъ, возвратилъ церкви царство (2). Оставленный въ войнѣ съ Вильгардуеномъ своими союзниками генуезцами, угрожаемый кромѣ того еще нападеніемъ съ запада, Михаилъ Палеологъ снова завелъ съ папою переговоры о церковныхъ дѣлахъ. Не дождавшись даже отвѣта на свое письмо, отправленное въ 1262 г., императоръ въ 1263 г. снова писалъ къ папѣ, что теперь онъ нашелъ вѣрное средство уладить все дѣло, что единственная причина безуспѣшности всѣхъ прежде бывшихъ попытокъ къ возсоединеію церквей заключалась въ недостаткѣ посредниковъ между латинянами и греками, переводчиковъ, равно знающихъ и латинскій и греческій языкъ, что эта причина теперь устранена, такъ какъ онъ нашелъ вполнѣ пригоднаго для соглашенія обѣихъ сторонъ человѣка, Николая епи-

(1) Ibid. n. 37.
(2) Rayn. 1264. n. 56. 57.

скопа Кротонскаго, по происхожденію грека, по воспитанію латинянина, въ совершенствѣ знающаго ученіе той и другой церкви и вполнѣ владѣющаго какъ латинскимъ, такъ и греческимъ языкомъ. Николай, епископъ Кротонскій, писалъ императоръ, объяснилъ намъ, какое ученіе римская церковь получила отъ отцевъ, именно папъ Сильвестра, Дамаса, Целестина, Агафона, Адріана, Льва Великаго, Григорія Двоеслова, епископовъ Иларія Пуатьесскаго, Амвросія Медіоланскаго, Августина Иппонійскаго, Іеронима, Фульгенція и др. И мы, продолжаетъ императоръ, нашли это ученіе согласнымъ съ ученіемъ нашихъ отцевъ, Аѳанасія Александрійскаго, Василія Кесаріи Каппадокійской, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста и двухъ Кирилловъ. Посылая къ папѣ этого епископа, императоръ просилъ Урбана отослать Николая Кротонскаго обратно въ Константинополь съ легатами отъ себя для совершенія великаго дѣла возсоединенія церквей. Урбанъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ снова благодарилъ Бога за то, что онъ внушилъ императору такія благія мысли, но въ тоже время убѣждалъ Михаила Палеолога по возможности поспѣшить исполненіемъ своихъ намѣреній; просилъ во всемъ слѣдовать возвращавшемуся въ Константинополь епископу Николаю и съ нимъ двумъ францисканцамъ (1). И однакоже сношенія съ Михаиломъ Палеологомъ нисколько не препятствовали папѣ въ тоже самое время возбуждать въ Англіи крестовый походъ для возстановленія латинской имперіи. Между тѣмъ труды папскихъ легатовъ въ Константинополѣ имѣли своимъ результатомъ испо-

(1) Ibid. n. 58. 60. 61—64.

вѣданіе вѣры, составленное греками и посланное въ Римъ; при этомъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма Климента IV, императоръ предлагалъ папѣ сперва позаботиться о возстановленіи мира между обѣими сторонами и потомъ уже разсуждать объ ученіи вѣры и различіи въ обрядахъ. Видно при трудахъ папскихъ уполномоченныхъ встрѣтилось не мало препятствій, именно со стороны любви къ миру. Но не такъ думалъ преемникъ Урбана, Климентъ IV, какъ думалъ и разсуждалъ о догматахъ и церковномъ мирѣ Михаилъ Палеологъ. Климентъ, не смотря на увѣренія послѣдняго въ 1264 г., будто бы православные во всемъ согласны съ ученіемъ римской церкви, какъ это ученіе изложено было Николаемъ Кротонскимъ, нашелъ представленное православными исповѣданіе до такой степени недостаточнымъ и полнымъ погрѣшностей, что счелъ необходимымъ прислать императору и греческимъ епископамъ подробное исповѣданіе вѣры римской церкви съ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ догматовъ, таинствъ, частныхъ мнѣній западныхъ, въ особенности же ученія о первенствѣ и власти своей каѳедры. При этомъ для прочности единенія требовалъ со стороны императора и греческихъ епископовъ *собственноручныхъ подписей подъ посылаемымъ вѣроисповѣданіемъ;* но совершенно отвергалъ предложеніе о предварительномъ замиреніи церкви и возстановленіи между обѣими сторонами любви прежде догматическихъ разсужденій (1). Теперь стало очевиднымъ, чего желаетъ папа и какъ онъ смотритъ на дѣло возсоединенія церквей: абсолютизмъ папскій, недопускающій никакихъ уступокъ, обозначился

(1) Rayn. 1267, n. 72 et 81.

теперь вполнѣ. Михаилъ Палеологъ конечно не рѣшился еще въ это время сдѣлать такого важнаго шага, какого требовалъ отъ него папа, и потому долженъ былъ прекратить открытыя, прямыя сношенія съ Римомъ, несмотря на то, что добрыя отношенія къ папѣ теперь особенно было бы необходимо для него поддерживать. Имперіи греческой стала грозить теперь серьёзная опасность. Гроза стала собираться со стороны Сициліи и Рима. Во дворцѣ самого папы 27 мая 1267 г. заключенъ былъ союзъ между Карломъ Анжуйскимъ, королемъ Сициліи и бывшимъ латинскимъ императоромъ Балдуиномъ II-мъ противъ Михаила Палеолога съ цѣлію отнять у послѣдняго Константинополь (1). Начали уже дѣлаться военныя приготовленія къ походу на Константинополь; всему этому предпріятію папа обѣщалъ и оказывалъ сильное содѣйствіе. И не смотря на всѣ эти обстоятельства, Михаилъ Палеологъ не возобновилъ открытыхъ сношеній съ папою, не рѣшаясь купить миръ съ нимъ цѣною предложенныхъ Климентомъ условій, можетъ быть еще удерживаемый тѣмъ, что съ 1268 г. и до 1272 г. Римскій престолъ оставался праздным. Но, не дѣйствуя прямо, императоръ не переставалъ идти къ своей цѣли окольными путями. „Не отправляя въ Римъ“, по словамъ Пахимера, пословъ, „онъ тайно отправлялъ туда письменосцевъ изъ латинскихъ вельможъ и всячески лаская такъ называемыхъ латинскихъ фреріевъ, убѣждалъ чрезъ нихъ римскаго архіерея не допускать Карла до исполненія его пред-

(1) Балдуинъ разнаго рода обѣщаніями склонилъ Карла Анжуйскаго къ завоеванію Восточной Имперіи, между прочимъ обѣщаніемъ передать въ случаѣ бездѣтной смерти его самаго и его сына (Филиппа, прямаго наслѣдника—претендента на Константинопольскій престолъ, женатаго на дочери Карла) въ потомство Карла право на Византійскую корону.

пріятія и не вводить въ войну съ христіанами; потому что римляне, которыхъ латиняне называютъ греками, исповѣдуютъ того же Христа и ту же церковь, какая и въ Италіи, епископа же ея признаютъ своимъ *духовнымъ отцемъ и первымъ изъ архіереевъ*." Мало того, императоръ давалъ папѣ еще болѣе лестныя обѣщанія, доказывая, что „Церковь Божія есть одно стадо, что соблазнительное средостѣніе, издавна безумно распростертое между церквами, нужно уничтожить и что этому не препятствуетъ возвращеніе Константинополя грекамъ" (1). Къ обѣщаніямъ онъ присоединялъ и деньги, для подкупа кардиналовъ. Кромѣ того императоръ старался дать латинянамъ и фактическія доказательства желанія православныхъ соединиться съ ними. Принимая латинскихъ монаховъ, онъ „посылалъ ихъ въ церковь къ архіереямъ и патріарху участвовать въ общихъ съ ними пѣснопѣніяхъ, въ таинственныхъ входахъ и стояніяхъ, въ принятіи антидора и во всемъ другомъ, исключая собственно причащенія, къ которому они не приступали (2). Кромѣ того императоръ старался дѣйствовать на Карла Анжуйскаго и на римскій дворъ, остававшійся съ 1268 г. со смертію Климента безъ главы въ продолженіи трехъ лѣтъ, и другими путями чрезъ роднаго брата Карлова, Людовика IX святаго, предпринявшаго тогда вторично крестовый походъ въ Африку. Въ Эгъ-Мортъ, сборное мѣсто крестоносцевъ, прибыли послы Михаила Палеолога (Хартофилаксъ знаменитый Веккъ и архидіаконъ Мелитиніотъ) съ письмомъ отъ императора, въ которомъ послѣдній свидѣтельствовалъ о давнишнемъ желаніи духовенства греческаго, его са-

(1) Пахим. стр. 330.
(2) Пахим. стр. 331.

мого и народа православнаго подчиниться римской церкви, о томъ, что доселѣ не удовлетворено это желаніе; просилъ Людовика быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между римскою церковію и православнымъ востокомъ, заклиная къ тому французскаго короля кровію Іисуса Христа и страшнымъ судомъ; наконецъ просилъ Людовика удержать воинственные замыслы его брата, Карла. Но ничто не помогало. Въ 1269 году начались военныя дѣйствія между Карломъ и Михаиломъ Палеологомъ. Правда, исполняя просьбу Михаила Палеолога, Людовикъ посылалъ въ Римъ двухъ монаховъ съ письмомъ къ кардиналамъ, управлявшимъ съ 1268 г. послѣ смерти Климента римскою церковію, сообщая имъ о желаніи императора. Но кардиналы, хотя и дали епископу Албаніи и легату Франціи полномочіе возобновить съ Палеологомъ переговоры, однакоже сочли нужнымъ предостеречь французскаго короля относительно грековъ, высказывали свои подозрѣнія на счетъ хитрости послѣднихъ, утверждая, что греки, по всей вѣроятности, какъ и прежде, желаютъ только выиграть время (1). Наконецъ, когда вскорѣ скончался (5 августа 1270 г.) и Людовикъ, человѣкъ, на котораго Михаилъ Палеологъ, какъ видно, возлагалъ большія надежды (2), положеніе императора стало весьма затруднительнымъ. Изъ этого непріятнаго положенія вывелъ его своимъ вступленіемъ на папскій престолъ Григорій X.

---

(1) Rayn. ad an. 1270, n. 2—3—4 et sequ.

(2) Когда Людовикъ былъ уже смертельно боленъ, въ его лагерь расположенный на Африканскомъ берегу, снова приходятъ послы М. Палеолога. Людовикъ скоро умеръ и послы греческіе возвратились домой съ пустыми руками. Пахим. кн 8 гл. 9.

Съ Григоріемъ X начинается новый и самый важный періодъ Ліонской уніи. Дѣло идетъ быстро, безостановочно. Съ 1272 г. опять начались прерванныя въ 1267 году открытыя, непосредственныя сношенія съ Римомъ и начались съ того, на чемъ остановились, именно съ исповѣданія вѣры, посланнаго въ Константинополь Климентомъ IV. Первый началъ сношенія самъ новоизбранный папа Григорій X, сильно заинтересованный дѣлами Востока, плачевнымъ положеніемъ Палестины, бывшій тамъ въ то время, какъ заочно избрали его на папскій престолъ въ Римѣ, смотрѣвшій на Константинополь, какъ на оплотъ для Христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ и потому, въ видахъ внѣшняго соединенія всѣхъ, и восточныхъ и западныхъ христіанъ противъ мусульманъ, предположившій себѣ во что бы то ни стало возстановить внутреннее, религіозное единеніе между православнымъ востокомъ и латинскимъ западомъ. Еще съ дороги въ Римъ писалъ онъ Михаилу Палеологу о своемъ пламенномъ желаніи церковной уніи, убѣждалъ императора, если послѣдній расположенъ къ уніи, пользоваться обстоятельствами, доказывалъ, что теперь самый удобный случай осуществить мысль о соединеніи церквей. По прибытіи же въ Римъ, чрезъ четыре дня послѣ своего посвященія, Григорій уже объявлялъ буллою объ имѣющемъ быть въ 1274 г. 1-го мая на вселенскомъ соборѣ въ Ліонѣ разсужденіи по тремъ вопросамъ: по вопросу о схизмѣ грековъ, какъ онъ выражался, о жалкомъ состояніи св. Земли и объ умноженіи пороковъ и заблужденій въ церкви. Тогда же папа хотѣлъ было послать нунціевъ и письмо къ Михаилу Палеологу, звать православныхъ на соборъ и только кардиналы убѣдили его подождать до полученія импера-

торскаго отвѣта на его письмо (1). Наконецъ посольство отъ М. Палеолога пришло и притомъ съ извѣстіемъ, что папу, возвращавшагося съ востока, ждали въ Константинополѣ и надѣялись, что присутствіе его будетъ очень важно въ отношеніи къ дѣлу уніи. Тогда Григорій рѣшился прямо предложить грекамъ унію и звать ихъ на Ліонскій соборъ. Въ письмѣ своемъ къ императору Григорій напоминалъ М. Палеологу о посланномъ въ Константинополь папою Климентомъ IV образцѣ вѣры, требовалъ, чтобы единеніе устроивалось именно на основаніи этого образца, чтобы это условіе выполнено было прежде всѣхъ другихъ, настаивалъ, чтобы императоръ, если хочетъ продолжать переговоры и отправлять въ Римъ своихъ уполномоченныхъ, предварительно представилъ отъ своего лица, отъ лица патріарха и знатнѣйшихъ епископовъ письменное съ рукоприкладствомъ удостовѣреніе, что онъ и епископы согласны признать Климентово исповѣданіе вѣры; отвергалъ необходимость предварительнаго собранія вселенскаго собора для изслѣдованія латинскихъ догматовъ и, если звалъ императора и епископовъ на Ліонскій соборъ, то спѣшилъ замѣтить, что приглашаетъ ихъ не для догматическихъ разсужденій, а единственно для удостовѣренія въ ихъ подчиненіи римской церкви; въ награду за все это Григорій обнадеживалъ императора, что на предложенныхъ условіяхъ онъ хочетъ покончить войну Михаила съ королемъ сицилійскимъ. Въ томъ же тонѣ писалъ папа и къ патріарху Іосифу (2). Въ то же

(1) Rayn. ad an. 1272 n. 21—25.

(2) Rayn. Annal. 1272, n. 25 et caet.—30. Проситъ между прочимъ патріарха прибыть съ подчиненнымъ ему духовенствомъ на вселенскій соборъ, имѣющій быть лѣтомъ 1274 года.

время Григорій принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы предложенныя имъ императору условія были приняты послѣднимъ: не позволялъ венеціанцамъ возобновлять перемиріе съ Михаиломъ (1), написалъ ко всѣмъ европейскимъ королямъ и принцамъ, чтобы они имѣли въ готовности войска. Такимъ образомъ папа поставилъ императора въ совершенную невозможность дѣйствовать уклончиво.—Теперь Михаилу Палеологу оставалось или готовиться къ борьбѣ съ папою и съ возбужденнымъ имъ крестовымъ ополченіемъ, или открыто признать религіозную отъ него зависимость. Императоръ рѣшился на послѣднее (2) и притомъ твердо вознамѣрился идти по избранному пути, ни мало отъ него не уклоняясь, не смущаясь никакими трудностями, каковы бы они ни были. И онъ дѣйствительно остался вѣренъ себѣ до конца. Онъ встрѣтился на пути къ своей цѣли съ неодолимыми преградами и не смущаясь вступилъ съ ними въ борьбу. Онъ испыталъ всѣ возможныя средства утвердить между греками унію; но ни его желѣзная воля, ни его замѣчательный умъ, не могли сдѣлать невозможнаго, то есть, не могли видоизмѣнить, преобразовать въ теченіи вѣковъ слагавшіяся убѣжденія, понятія, симпатіи, насильственно дать жизни иное теченіе, нежели по какому она шла доселѣ. Онъ былъ побѣжденъ, и въ могилу съ собою унесъ горькое сознаніе своего пораженія.—Итакъ, выслушавъ посольство отъ папы, императоръ рѣшился дѣйствовать въ пользу уніи и прежде всего дѣйствовать убѣжденіями. Когда не

---

(1) Rayn. 1272 n. 31.

(2) Впрочемъ только въ слѣдующемъ 1273 году отвѣчалъ онъ на письмо Григорія X, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на всѣ предложенія папы. Rayn. 1273 n. 44 et sq.

подѣйствовали на епископовъ убѣжденія папскаго легата Іоанна Парастрона, по происхожденію трека, какъ видно человѣка очень ловкаго, оказывавшаго необыкновенное благоговѣніе къ православному Богослуженію, предлагавшаго латинянамъ даже оставить прибавленіе къ символу, которое соблазняетъ братьевъ, очень много хлопотавшаго по дѣлу соединія церквей; но получившаго на всѣ свои старанія отвѣтъ, что его хлопоты о возстановленіи церковнаго мира конечно похвальны и полезны, но что причина соблазна не въ Греціи, а въ Италіи, что поэтому онъ долженъ напередъ „изгнать изъ послѣдней грѣхъ нововведенія въ символѣ“,—послѣ всего этого императоръ рѣшился попробовать самъ лично убѣдить епископовъ къ миру. Онъ старался представить епископамъ возсоединеніе съ римскою церковію дѣломъ ничтожнымъ, имѣющимъ существовать только номинально. Условія возсоединенія рекомендовалъ имъ, какъ самыя легкія: вотъ эти условія: православная церковь должна признать первенство папы, обращаться къ нему съ апелляціями и наконецъ поминать его въ молитвахъ при богослуженіи. Эти условія, по его словамъ, или сами въ себѣ чистая форма, или по своей неудобоисполнимости должны непремѣнно обратиться въ формальность. Съ цѣлію убѣдить епископовъ во всемъ этомъ, М. Палеологъ призвалъ ихъ разъ къ себѣ. Когда съѣхались къ нему патріархъ, епископы и нѣкоторые изъ клира, онъ съ жаромъ началъ излагать доводы въ пользу уніи, съ одной стороны „изображая ужасы войны, представляя тогдашнія обстоятельства до крайности опасными“, съ другой — выставляя имъ на видъ ничтожность требованій папы, незначительность той цѣны, которою покупается избавленіе отъ серьезныхъ

опасностей. Онъ доказывалъ, что возглашеніе папскаго имени при богослуженіи вовсе не составляетъ чего либо важнаго, что это знакъ только церковнаго общенія и ничуть не противно каноническимъ постановленіямъ. Далѣе, онъ старался убѣдить епископовъ, что они совершенно неосновательно избѣгаютъ называть папу братомъ и первымъ братомъ; когда даже Евангельскій Лазарь не усумнился назвать отцемъ Авраама, отъ котораго отдѣленъ былъ глубокою бездною. Право апелляціи къ папѣ называлъ дѣломъ совершенно непримѣнимымъ на практикѣ по причинѣ большаго разстоянія между Константинополемъ и Римомъ. Наконецъ доказывалъ, что въ важнѣйшихъ членахъ вѣры православные совершенно согласны съ латинянами, что вся разность между ними заключается *въ названіяхъ, въ языкѣ*, что изъ за одной прибавки къ символу нельзя же латинянъ называть нечестивыми и гнушаться ими, что такъ смотрѣли на нихъ, и во времена Іоанна Дуки Ватакиса и требовали отъ латинянъ только отреченія отъ прибавки къ символу (1). Противъ такого поверхностнаго взгляда на разности, отдѣляющія православныхъ отъ латинянъ и на папскія притязанія Хартофилаксъ, знаменитый Іоаннъ Веккъ, преодолѣвъ свою нерѣшительность и опасеніе раздражить императора, принужденъ былъ, по приказанію патріарха, высказать отъ лица всего собора православный, народный, раздѣляемый всею іерархіею взглядъ на латинянъ и назвать ихъ прямо еретиками. Онъ сказалъ, что хотя ла-

(1) Хотя, какъ мы видѣли, требовалъ этого одинъ только Ватакисъ, уступая латинянамъ употребленіе опрѣсноковъ и предлагая т. обр. и той и другой сторонѣ по уступкѣ. Епископы, какъ мы знаемъ, совершенно отвергли сдѣлку съ латинянами, какую предлагалъ Ватакисъ.

тиняне и не называются еретиками, но на самомъ дѣлѣ еретики (1). Но эта неудача, раздраживъ императора, ни сколько не отклонила его отъ предположенной цѣли. Около него уже въ это время начала образоваться небольшая партія приверженцевъ уніи; къ нему примкнули: архидіаконы Мелитиніонъ и Метохитъ и протоапостолларій Георгій Кипрскій. Съ ними то вмѣстѣ началъ дѣйствовать теперь императоръ. Не смотря на ходатайство патріарха, заключивъ Векка въ темницу, императоръ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, отъ устныхъ убѣжденій обратился къ литературнымъ: съ помощію архидіакона и протоапостолларія составивъ ученый трактатъ, исторически доказывавшій православіе латинянъ, императоръ потребовалъ отвѣта на него отъ патріарха и епископовъ, думая, что теперь безъ Векка епископы окажутся совершенно несостоятельными. Но онъ обманулся въ своемъ ожиданіи: „Все, что было лучшаго между монахами и учеными“, сгруппировалось теперь вокругъ патріарха и собора епископовъ; созваны были всѣ, кто стоялъ на сторонѣ православныхъ, „отборные люди изъ всей Церкви“, въ томъ числѣ и родная сестра императора Евлогія. Теперь представители православія поняли угрожавшую имъ опасность. Въ короткое время общими силами составленъ былъ отвѣтъ царю, обнаружившій, что, и лишившись ученаго Векка, православные смогли справиться съ хитрыми доводами императора и его сторонниковъ. Но послѣдніе и послѣ этого случая не оставили своего намѣренія; они составили новый смѣлый планъ; они рѣшились увлечь

(1) Виз. ист. Пахим. стр. 339—346.

на свою сторону главу и опору православныхъ, самого Векка, томившагося въ темницѣ. Императоръ началъ дѣйствовать на него и страхомъ и убѣжденіемъ; бросивъ вмѣстѣ съ Веккомъ въ тюрьму всѣхъ его родственниковъ, императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ давать Векку сочиненія защитниковъ единенія съ латинянами, особенно Блеммида (1), доставлялъ ему возможность изслѣдывать подлинность приводимыхъ въ пользу латинянъ свидѣтельствъ и наконецъ такимъ путемъ поколебалъ этого защитника православія, не чуждаго политическихъ расчетовъ, во многомъ сходнаго съ ловкимъ придворнымъ, хотя довольно честнаго, человѣка съ характеромъ гибкимъ, уклончивымъ, способнымъ, стало быть, на сдѣлки, наконецъ, что всего важнѣе, человѣка, не имѣвшаго подъ своими ногами твердой почвы, неспособнаго, какъ народъ, инстинктивно чувствовать всю невозможность единенія съ латинянами и не возвысившагося въ то же время до философско-историческаго пониманія разностей между Востокомъ и Западомъ въ религіозномъ отношеніи, а стоявшаго на зыбкой и удободвижимой почвѣ діалектики и софистики хотя и знаменитаго по тому времени ученаго (2). Но если важна была побѣда приверженцевъ уніи, если дѣла ихъ пошли теперь счастливѣе прежняго, то не дремала и противная партія. Она сдѣлала весьма важный рѣшительный шагъ. Патріархъ, по предложенію монаха, Іова Іасита, рѣшился

(1) Два сочиненія, имѣющія одно заглавіе: „de processione Spiritus sancti:“ Allatii Graec. Orth. t. 1. Блеммидъ доказывалъ въ этихъ сочиненіяхъ, что если греческіе отцы, говоря объ исхожденіи Св. Духа, прямо не употребляютъ формулу: *изъ Сына*, то обыкновенная формула ихъ *чрезъ Сына* всегда употреблялась ими въ смыслѣ однозначущемъ съ формулой изъ Сына.

(2) Подтвердить фактами нашу характеристику Векка мы постараемся ниже, въ заключеніе своего обозрѣнія Ліонской уніи.

написать окружное посланіе и разослать его во всѣ мѣста константинопольскаго патріархата съ клятвою, что патріархъ никогда не согласится на дѣло, задуманное императоромъ и Веккомъ. Это сдѣлано съ цѣлію, чтобы народъ не вѣрилъ, будто патріархъ ослабѣваетъ. Прежде, чѣмъ отправлено было это посланіе, оно торжественно было прочитано въ собраніи архіереевъ и клира; предложенъ былъ имъ вопросъ, устоятъ ли они въ томъ, что изложено въ посланіи; полученъ общій утвердительный отвѣтъ и въ заключеніе отобраны отъ епископовъ собственноручныя подписи; только не многіе епископы не подписались подъ это посланіе. Такимъ образомъ іерархія сдѣлала рѣшительный шагъ; она связала сама себя клятвою; теперь даже слабому патріарху Іосифу нельзя уже было воротиться назадъ (1). Не смотря однакожъ на такой публичный протестъ представителей церкви противъ замышлявшейся уніи и на малочисленность своихъ приверженцевъ, императоръ, ободренный своею побѣдою надъ Веккомъ, понуждаемый успѣхами Карлова оружія (едва сдерживаемаго папою), равно какъ приближеніемъ времени, назначеннаго для собора въ Ліонѣ, рѣшился отправить на западъ своихъ уполномоченныхъ (2). Твердо увѣренный, что дѣлаетъ рѣшительный шагъ, императоръ однакожъ показывалъ видъ будто единеніе съ латинянами дѣло еще сомнительное. Онъ представлялъ патріарху, что этотъ послѣдній, связавшій себя клятвою, оставитъ патріархію,

(1) Пахим. стр. 351.

(2) Письмо Палеолога къ папѣ заключается увѣдомленіемъ о скоромъ отбытіи его пословъ на предполагаемый вселенскій соборъ. Rayn. 1273 n. 44 sq. На это письмо папа отвѣчалъ Михаилу изъявленіемъ глубокой радости, но не скрывалъ и чувства недовѣрія къ искренности миролюбивыхъ стремленій Палеолога. Rayn. 1273 n. 50.

если единеніе состоится съ латинянами, въ противномъ же случаѣ удержитъ за собою патріаршую каѳедру, а пока, въ ожиданіи чѣмъ кончится дѣло, будетъ проживать въ Перивлептской обители, будетъ пользоваться приличнымъ его достоинству содержаніемъ, даже имя его по обыкновенію будетъ провозглашаемо въ молитвахъ. Предложеніе императора было принято Іосифомъ. Такимъ образомъ М. Палеологъ сразу достигалъ двухъ цѣлей, и успокоивалъ нѣсколько епископовъ, и лишалъ ихъ средоточія, вокругъ котораго они группировались. Удаливъ патріарха и надѣясь легко справится съ епископами, императоръ приступилъ къ составленію посольства. Со стороны іерархіи онъ назначилъ Германа, бывшаго прежде цареградскимъ патріархомъ, Ѳеофана, митрополита никейскаго и съ ними нѣсколько клириковъ, съ своей же стороны—великаго логоѳета Георгія Акрополита, Протовестіарія Панарета и главнаго переводчика Верріота. Граматы, которыми императоръ снабдилъ своихъ пословъ, содержали слѣдующее: въ императорской папа титуловался первымъ (Государемъ) Первосвященникомъ, вселенскимъ Папою и отцемъ всѣхъ христіанъ; за тѣмъ въ письмѣ сполна отъ слова до слова повторено было исповѣданіе вѣры Климента IV; но при этомъ императоръ просилъ папу, чтобы послѣдній дозволилъ греческой церкви сохранить символъ безъ прибавленія и удержать всѣ обряды, бывшіе до раздѣленія, не противные древнимъ церковнымъ и отеческимъ постановленіямъ (1). Въ граматѣ, написанной отъ лица 26-ти митрополитовъ, подчиненныхъ имъ епископовъ и константинопольскаго

(1) Sacros. Cons. Grossart. t. XI p. 961.

клира (1), въ граматѣ (2), составленной очевидно кѣмъ нибудь изъ императорской партіи совершенно безъ вѣдома епископовъ, говорилось, въ весьма впрочемъ слабыхъ выраженіяхъ, о покорности іерархіи папѣ и упорствѣ патріарха, удалившагося по этому поводу въ монастырь, наконецъ о томъ, что епископы изберутъ новаго патріарха, если Іосифъ останется при своемъ прежнемъ мнѣніи. Не смотря на большую подозрительность епископской граматы, императоръ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря удачному выбору своихъ пословъ, благодаря преданности его видамъ и уступчивости бывшаго патріарха Германа и митрополита никейскаго. На четвертомъ торжественномъ засѣданіи Ліонскаго собора (3), 6 іюля 1274 г., послѣ торжественной папской рѣчи, въ которой Григорій объявилъ, что *греки, свободно и безъ всякихъ временныхъ расчетовъ*, покорились апостольской каѳедрѣ, а теперь явились засвидѣтельствовать ему покорность въ его присутствіи, по прочтеніи граматъ императорской и епископской, про-

(1) Подписи имѣли слѣдующій видъ: Митрополитъ Ефесскій съ моимъ соборомъ, митрополитъ Аѳинскій съ моимъ соборомъ и т. д. безъ означенія именъ митрополитовъ и подчиненныхъ имъ епископовъ. Пахим. кн. 6 гл. 17.

(2) Sacr. Cons. Grossart p. 968.

(3) Ліонскій соборъ, состоявшій изъ 6 засѣданій, открытъ былъ еще до прибытія грековъ. Первое его засѣданіе было 7 мая, второе 18 мая, третіе 7 іюня. Только къ четвертому засѣданію прибыли греки, отправившіеся изъ Константинополя въ началѣ марта того же года и пріѣхавшіе въ Ліонъ 24 іюня. Еще до соборнаго засѣданія греки выражали свою готовность подчиниться безусловно папѣ. Такъ 29 іюня, въ день Петра и Павла, во время совершенія литургіи папою, Патріархъ Германъ съ греческимъ архіеп. Калабріи и двумя папскими духовниками, знающими по гречески, пѣлъ на греческомъ языкѣ символъ и при этомъ три раза повторилъ членъ вѣры о Св. Духѣ съ прибавленіемъ „и отъ Сына“. Тогда же патріархъ вмѣстѣ съ другими греками пѣлъ похвальные стихи въ честь папы.

изнесена была отъ лица императора великимъ логоѳетомъ Георгіемъ присяга папѣ; въ ней логоѳетъ за императора отрекался отъ мнимой схизмы и признавалъ верховное главенство папы. Папа умилился: во время слѣдовавшаго за присягою пѣнія „Тебе Бога хвалимъ“ стоялъ безъ митры и проливалъ слезы. Послѣ „Тебе Бога хвалимъ“ и послѣ папской торжественной рѣчи папою и латинянами пропѣтъ былъ символъ на латинскомъ языкѣ, а патріархомъ Германомъ на греческомъ, съ прибавленіемъ „и отъ Сына“ и съ двукратнымъ повтореніемъ этого прибавленія (1). Такъ кончилось четвертое засѣданіе ліонскаго собора и, по видимому, такъ легко безъ всякихъ споровъ и разсужденій, совершилось возсоединеніе церквей. Папа торжествовалъ; въ письмахъ къ императору, сыну его Андронику и епископамъ выражалъ сильную радость; императора просилъ уничтожить въ имперіи остатокъ ереси, епископамъ приказывалъ извергнуть изъ ихъ стада всѣхъ больныхъ овецъ и поддерживать императора въ его добромъ настроеніи; наслѣднику престола, Андронику, рекомендовалъ во всемъ слѣдовать примѣру своего отца (2). Не забылъ и условій единенія, предложенныхъ ему императоромъ, послалъ аббата монтекассинскаго въ Сицилію хлопотать о примиреніи Карла съ византійскимъ императоромъ (3). По формѣ, оффиціально, казалось все сдѣлано для возсоединенія церквей; но только по формѣ.

Съ возвращеніемъ пословъ съ собора и даже ранѣе, еще за нѣсколько времени до ихъ отправленія въ Лі-

(1) Cons. Drossart. p. 957 et sq.
(2) Rayn. 1274 n. 19. 20.
(3) Ibid.

онъ, наступилъ новый періодъ Ліонской уніи, періодъ дѣятельныхъ насильственныхъ мѣръ къ утвержденію уніи и постояннаго противъ нея протеста православныхъ. До сихъ поръ дѣло касалось главнымъ образомъ переговоровъ на словахъ и переписки на бумагѣ, и потому хотя встрѣчало себѣ много сопротивленія, но все же шло впередъ. „До сихъ поръ, замѣчаетъ Пахимеръ, дѣла находились еще въ спокойномъ состояніи; обезпокоены были только лица, стоявшія во главѣ управленія“ (1). До сихъ поръ императоръ и партія его приверженцевъ дѣйствовали очень хитро, довольно умѣренно и потому довольно успѣшно, хотя и встрѣчали себѣ отпоръ на каждомъ шагу; противная же партія дѣйствовала болѣе или менѣе уклончиво. Теперь наступило время слова обращать въ дѣла, дѣйствовать прямо, рѣшительно, а потому и встрѣчать вездѣ неудачи, лицемъ къ лицу встрѣтиться съ народнымъ волненіемъ, смутить миръ всей Церкви. Уже вскорѣ послѣ отправленія пословъ на соборъ, или, какъ нѣкоторые думаютъ (2), за нѣсколько времени до ихъ отправленія, императору пришлось разубѣдиться въ своей надеждѣ мирнымъ путемъ, убѣжденіями склонить епископовъ на свою сторону. Не дѣйствовали на епископовъ ни ученые доводы Векка, ни почерпнутыя изъ житейскаго благоразумія убѣжденія императора. Епископы прямо высказали императору, что, *хотя бы дѣло соединенія пошло и*

(1) Пахим., стр. 354.

(2) Такъ думаетъ авторъ статей о Ліонской уніи въ l'Union Chrétienne (1861 г., № 25), хотя изъ словъ Пахимера скорѣе можно заключить, что все описываемое ниже случилось уже послѣ отправленія пословъ; да и самъ Пахимеръ говоритъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ прежде, чѣмъ о жестокостяхъ М. Палеолога, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

успѣшно, они не примутъ его. Кромѣ того они расторгли общеніе съ епископами, принявшими сторону императора, поносили и самого императора; по крайней мѣрѣ послѣдній укорялъ ихъ въ томъ. Еще разъ попробовалъ М. Палеологъ убѣдить епископовъ мирнымъ путемъ, ласками и различнаго рода представленіями. Такъ, однажды, пригласивъ ихъ къ себѣ и принявъ очень почтительно, онъ жаловался, что они, изъ за такихъ ничтожныхъ и на практикѣ не имѣющихъ никакого значенія вещей, какъ признаніе первенства папы и пр., отвращаются отъ приверженцевъ уніи и проклинаютъ его самого, убѣждалъ ихъ, что пора чистосердечно окончить эти обоюдныя непріятности, что онъ нуждается въ ихъ совѣтѣ при своемъ настоящемъ затруднительномъ положеніи и, въ заключеніе, просилъ епископовъ безпристрастно и откровенно высказать, какъ они думаютъ объ уніи съ папою. Но онъ получилъ отъ епископовъ очень неудовлетворительный отвѣтъ. Отрицая, какъ клевету, будто они проклинаютъ императора и его единомышленниковъ, епископы совершенно отказались сказать сообща что нибудь рѣшительное императору, подъ тѣмъ предлогомъ, что соборныхъ рѣшеній они не могутъ полагать безъ патріарха; соглашались впрочемъ по одиначкѣ высказать личныя свои мнѣнія по занимавшему императора вопросу. Не отраднѣе прежняго открылось предъ М. Палеологомъ положеніе дѣлъ, когда епископы по одиначкѣ стали высказывать свои мнѣнія: одни прямо отвергали всѣ три пункта, всѣ три условія, на которыхъ предполагалось устроить соединеніе съ латинянами; другіе признавали за папою первенство и право апелляціи, но не соглашались допустить провозглашеніе папскаго имени при богослуженіи, потому

что это, по ихъ понятію, значило бы, будто они принимаютъ папу въ церковное общеніе (1). Въ заключеніе императоръ долженъ былъ выслушать глубокую и горькую для себя истину: „Ксифилинъ, занимавшій должность великаго эконома, надѣясь на свою близость къ царю и на старость, всталъ и, касаясь колѣнъ царя, началъ умолять его, чтобы онъ излишними усиліями избавиться отъ внѣшней войны не возбудилъ внутренней между ними самими; *вѣдь никогда не примиритъ тебѣ всѣхъ*, говорилъ онъ, хотя бы насъ и удалось склонить къ миру (2). Императоръ, послѣ этого разговора съ епископами не настаивавшій было на своемъ нѣсколько времени, но скоро узнавшій, что дѣла церковныя приходятъ въ замѣшательство, что „одинъ не принимаетъ въ общеніе другаго, оставшійся непреклоннымъ чуждается того, кто склонился къ единенію“, рѣшился теперь испытать, не приведутъ ли его къ цѣли мѣры насильственныя. Отобравъ подписи отъ тѣхъ лицъ, которыя держались его стороны, онъ объявилъ, что намѣренъ наказать своихъ недоброжелателей. Тотчасъ же императорская гвардія разсѣялась по домамъ лицъ, противившихся уніи: началась опись всего ихъ имѣнія (3), а сами они обвинены въ оскорбленіи вели-

(1) А главнымъ образомъ, вѣроятно, потому что боялись народа, отъ котораго можно было скрыть признаніе за папою первенства и права аппеляцій, но нельзя было, не возмутивъ народа, поминать папу публично за богослуженіемъ.

(2) Пахим. стр. 359.

(3) Подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ, какъ завоеватель Константинополя, есть владѣтель всѣхъ домовъ въ городѣ, а потому какъ свою собственность даритъ ихъ своимъ приверженцамъ; у своихъ же противниковъ напротивъ онъ отнимаетъ ихъ, требуя вдобавокъ у послѣднихъ уплаты за все то время, какое прожили они въ своихъ домахъ.

чества. Приготовлены были суда для отправленія ихъ въ ссылку и многіе дѣйствительно сосланы были тогда въ заточеніе; нѣкоторые даже добровольно удалились изъ столицы; на другихъ же всѣ эти мѣры произвели такое сильное впечатлѣніе, что они поспѣшили отказаться отъ своихъ убѣжденій и потому, не успѣвъ еще выѣхать изъ пристани, были возвращены. Въ то же время императоръ на осмѣлившихся ему противорѣчить старался произвесть впечатлѣніе страшными и позорными казнями надъ риторомъ Оловоломъ и Іоанномъ Меліемъ, замѣнившимъ для православныхъ Векка, надъ племянницею Іасита и еще надъ нѣсколькими лицами. Онъ приказалъ, избивъ и обвѣшавъ ихъ внутренностями животныхъ, водить ихъ въ торжественной процессіи по городу, „около же церкви подвергать еще большему безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ“ (1). Такими мѣрами императоръ дѣйствительно на время какъ будто и достигъ своей цѣли; навелъ ужасъ на всѣхъ жителей Константинополя. Напрасно духовенство обращалось къ нему съ просьбами „водворить въ городѣ спокойствіе, пока *не возвратятся изъ Рима послы* (2)“. Императоръ ничего не слушалъ и грозилъ самимъ ходатаямъ казнію и обвиненіемъ въ оскорбленіи величества. Но когда отъ всѣхъ этихъ ужасовъ нѣкоторые начали искать спасенія въ бѣгствѣ, императоръ наконецъ понялъ, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и поспѣшилъ успокоить всеобщее волненіе оффиціальнымъ, торжественнымъ объявленіемъ, золотою буллою, въ которой, подъ самыми страшными клят-

(1) Пахим. стр. 360—363.

(2) Тамъ же, стр. 364. Стало быть это было въ то уже время, когда послы отправились на соборъ.

вами, увѣрялъ, что онъ не хочетъ ни одной іоты прибавлять къ символу и вообще дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ вѣрѣ или обрядахъ, а *требуетъ только согласія своихъ подданныхъ на три пункта*, на признаніе первенства папы, права апелляцій къ нему и возглашенія имени его въ молитвахъ, да и то лишь *на словахъ, для цѣлей политическихъ*. Обезпеченные этою грамотою, архіереи подписались подъ предложенными условіями, сперва нѣкоторые, а потомъ, послѣ того, какъ остальные испытали ссылку, и всѣ, такъ что замѣчаетъ Пахимеръ: „никто изъ принадлежащихъ къ клиру не остался теперь въ изгнаніи (1)“.—Но всѣ эти трудности, какія нужно было преодолѣть императору, въ промежутокъ времени отъ удаленія пословъ на соборъ до ихъ возвращенія, были только предвѣстниками еще большихъ трудностей, какія ему суждено было встрѣтить на пути къ своей цѣли по возвращеніи пословъ съ Ліонскаго собора. Когда, наконецъ, греческіе послы, одаренные митрами и перстнями отъ папы, обласканные имъ, осенью того же 1274 года возвратились въ Константинополь, когда 9 января 1275 г. прекращено было поминовеніе прежняго патріарха Іосифа и вскорѣ за тѣмъ, 16 января того же года въ праздникъ Петра и Павла, во время литургіи, совершаемой Николаемъ, епископомъ халкидонскимъ, „въ присутствіи папскихъ легатовъ и императора торжественно прочитаны были Евангеліе и Апостолъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ и провозглашено было имя папы съ титуломъ верховнаго архіерея апостольской церкви и вселенскаго папы (2), когда такимъ образомъ не оставалось уже

(1) Пахим. стр. 365.

(2) Пах. кн. 5 гл. 22.

никакого сомнѣнія, что унія дѣйствительно состоялась, тогда-то начались самыя смутныя времена для православной греческой Церкви. Никто не былъ доволенъ уніею; никто ей не сочувствовалъ, исключая Векка, поставленнаго на мѣсто Іосифа патріархомъ, и нѣсколькихъ лицъ, преданныхъ политическимъ соображеніямъ и угождавшихъ императору. Но недовольство и несогласіе не сплотило всѣхъ въ одну массу. Напротивъ явилось множество недоразумѣній между самыми противниками уніи, явились между ними, какъ обыкновенно это бываетъ, партіи, стороны (1). Тогда явились, какъ видно изъ исторіи Пахимера, три класса людей, три партіи. Партія императорская, ничтожная по числу (2); это партія прямыхъ защитниковъ уніи. Затѣмъ партія народная, предводителями которой были иноки; она была партіею крайнихъ противниковъ уніи. Наконецъ партія средняя между двумя первыми; во главѣ ея стояли епископы и вообще духовенство. Къ этой послѣдней принадлежали слѣдующія лица. Многіе, не примиряясь ни за что внутренно съ уніею, мирились

(1) Вотъ какъ изображаетъ Пахимеръ состояніе греческой церкви въ слѣдъ за возвращеніемъ пословъ съ Ліонскаго собора: „съ того времени церковныя дѣла пришли въ совершенное замѣшательство; люди начали чуждаться другъ друга и между тѣмъ, какъ одни желали общенія въ общественныхъ собраніяхъ, другіе говорили: не прикасайся, ниже осяжи,—и отчужденіе простирали до того, что не хотѣли ни изъ одной посуды пить, ни вмѣстѣ разговаривать. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ; съ кѣмъ кто сходился вчера, отъ того отворачивался сегодня.... Тѣ самые люди, которые одинаково несогласны были со всякою другою партіею, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій; одни такъ, другіе иначе, *одни просто, другіе съ большою ревностію*“. Пах. стр. 369—370.

(2) По словамъ Пахимера, эту партію составляли, кромѣ императора и патріарха, только нѣсколько приближенныхъ къ нимъ лицъ: „*кромѣ одного царя и патріарха, да нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нимъ лицъ*, говоритъ Пахимеръ, *вся остальные отвергали миръ*“. Стр. 467.

однако же съ нею наружно, извиняя себя въ лицемѣріи обстоятельствами времени, будучи поставлены лицемъ къ лицу съ безпощадною жестокостію и изумительною настойчивостію императора. Такихъ было разумѣется очень много; противъ нихъ сильно востаетъ во многихъ мѣстахъ своей исторіи Пахимеръ. Главами ихъ были епископъ ефесскій и епископъ аѳинскій Мелетій. „Сначала епископы, по словамъ Пахимера, терпѣли сильныя притѣсненія за несогласіе принять церковный миръ, пока не принуждены были подчиниться волѣ царя и не показали вида, будто согласны на единеніе, врачуя свою совѣсть не писаніями, а тѣмъ, что согласіе приносило тогда церкви много пользы со *стороны политики*“ (1)... Эти лица „принимавшіе миръ, къ своему исповѣданію прибавляли слѣдующія слова: если они грѣшатъ, то грѣхъ ихъ пусть падетъ на того, кто разсматривалъ основанія этого дѣла и священная клятва пусть обрушится на отступниковъ, которые ручались за его истинность“ (2). Но гораздо болѣе было людей другаго рода. Многіе крѣпко держались своихъ убѣжденій, за что и принуждены были страдать или спасаться бѣгствомъ. Не мало было такихъ людей, по свидѣтельству Пахимера, между знатными лицами; особенно много такихъ было между иноками и между простымъ народомъ. Толпы несоглашавшихся съ императоромъ разсѣялись по Пелопонезу, Ахаіи, Ѳессалоникѣ и Колхидѣ. Во владѣнія главнымъ образомъ деспотовъ эпирскаго и трапезунтскаго устремились тѣ, кому дорога была вѣра отцевъ и которыхъ совѣсть не могла идти въ сдѣлку

(1) Государственнаго домостроительства (καὶ οἰκονομίαν). Пахим., стр. 364.

(2) Пахимеръ стр. 443.

съ обстоятельствами. Это были большею частію иноки (1) и простой народъ (2). Но когда въ послѣдствіи времени во имя православія, руководясь при этомъ главнымъ образомъ династическими интересами, дуксъ патрасскій Іоаннъ и братъ его, деспотъ Никифоръ, подняли оружіе противъ М. Палеолога, называя папу, императора, патріарха и всѣхъ повиновавшихся папѣ еретиками; тогда открылось, какъ мало сочувствуютъ императору изъ за религіозныхъ его убѣжденій люди самые къ нему близкіе, даже его родственники; тогда на сторону явныхъ противниковъ уніи перешли и пострадали за это лица очень знатныя (3). Вотъ три класса людей, раз-

(1) Такъ у дукса патрасскаго собралось около 100 иноковъ, много аввъ и 8 епископовъ, которые и держали соборъ противъ уніатовъ. Rayn. 1278 n. 13. 14.

(2) „Большая часть, говоритъ объ этихъ бѣглецахъ Григора, люди, не имѣющіе здраваго смысла, *чернь и торговый людъ*.... разсѣялись вездѣ по вселенной, гдѣ только надѣялись имѣть христіанъ, я разумѣю по Пелопонезу, Ахаіи, Θессалоникѣ, Колхидѣ и вообще по тѣмъ мѣстамъ, куда не простиралась власть царя". Стр. 121.

(3) Когда на вооружившихся разумѣется не могла подѣйствовать церковная анаѳема Векка и папскихъ легатовъ, которую императоръ вздумалъ употребить противъ ихъ, и когда М. Палеологъ объявилъ имъ войну; тогда обнаружилось, что люди, которымъ поручалъ императоръ свои войска, оказались измѣнниками именно по религіознымъ побужденіямъ (Пахим. кн. 6 гл. 16—24. Rayn. 1278 n. 13. 14.). Когда ихъ спрашивали, почему они такъ поступили, они публично отвѣчали, что причиной такого ихъ поведенія была ненавистная для нихъ унія; за что и были жестоко наказаны. Таковы были—Кантакузенъ, Іоаннъ Палеологъ, Іоаннъ Тарханіотъ, Калоіоаннъ Ласкарисъ, Исаакъ Рауль и др. „Многія знатныя женщины и близкія родственницы императора, какъ записано съ собственныхъ словъ М. Палеолога, приняли участіе въ возмущеніи; одна изъ его сестеръ, двѣ племянницы, сноха вдова севастократора. Между тѣмъ эти арестанты (т. е. женщины и вышеупомянутые вельможи) находились въ связи со всѣми придворными офицерами, такъ что еслибы императоръ захотѣлъ послать войска противъ непріятеля, онъ подвергался бы опасности быть оставленнымъ тѣми, кому онъ ввѣрилъ команду".—Rayn. 1277. n. 60. — Vadding. 1279. n. 2. 3. Hist. de l'Eglis. Fleury an. 1278, n. XXIII.

лично относившихся къ вопросу объ уніи. Изъ ихъ взаимныхъ отношеній и изъ ихъ борьбы между собой вытекли всѣ послѣдующія событія. Всѣ три стороны стали въ болѣе или менѣе ненормальное положеніе и дѣло очень запуталось. Императоръ и его партія обѣщала православнымъ одно, а латинянамъ другое; первыхъ увѣряла въ неприкосновенности всего православнаго, требуя отъ нихъ уступокъ только въ трехъ пунктахъ, и въ то же время подписывала полное латинское вѣроисповѣданіе, выражала всевозможную покорность предъ папою. Партія, оказывавшая наружно покорность императору, оффиціально не противилась уніи, а между тѣмъ въ душѣ питала въ то же время отвращеніе какъ къ латинянамъ, такъ и къ императору съ его приверженцами. Наконецъ третья партія, рѣшительно противившаяся уніи, ненавидѣла латинянъ, разорвала связь съ партіею крайнихъ поборниковъ уніи, не хотѣла имѣть общенія и съ невольными ея послѣдователями. Императоръ, впрочемъ, на первыхъ порахъ не слишкомъ много затруднялся своимъ положеніемъ, разсчитывая на свою изворотливость, на свой даръ убѣжденія, болѣе же всего на силу матеріальную, которая давала ему, по видимому, средства заставить все себѣ повиноваться (1).

При такомъ положеніи дѣлъ понятно, каковы должны были установиться отношенія между М. Палеологомъ и папою. Императоръ естественно долженъ былъ теперь особенно сильно хлопотать о томъ, чтобы пока оффи-

(1) Мы не можемъ, да и объемъ нашего сочиненія не дозволяетъ намъ прослѣдить, какъ именно, подъ вліяніемъ какихъ частнѣйшихъ обстоятельствъ сформировались эти партіи и какими дѣйствіями каждая изъ нихъ обнаружила себя на первыхъ порахъ. Мы просто представляемъ только то, что явилось; вопроса же, какъ явилось, мы считаемъ себя въ правѣ не рѣшать.

ціальнымъ изъявленіемъ покорности папѣ, прикрывать внутреннюю несостоятельность своего дѣла. Но и въ такомъ видѣ дѣла не могли долго оставаться; папа и латиняне должны были рано или поздно узнать всю призрачность мнимаго подчиненія греческой Церкви. Правда, обстоятельства сначала видимо покровительствовали М. Палеологу: папа Григорій X умеръ вскорѣ послѣ Ліонскаго собора (въ 1276 г.) въ увѣренности, что ему удалось подчинить себѣ греческую Церковь; послѣ него въ продолженіи одного года перемѣнилось нѣсколько папъ—Иннокентій V, Адріанъ V и Іоаннъ XXI; такимъ образомъ въ продолженіи двухъ лѣтъ М. Палеологъ могъ быть спокоенъ. Въ этотъ промежутокъ времени, съ легатами Иннокентія V (который тотчасъ же по вступленіи своемъ на папскій престолъ позаботился отправить ихъ въ Константинополь) императоръ послалъ въ Римъ преданныхъ себѣ Ѳеодора, митрополита кизическаго, архидіаконовъ Мелитиніота и Метохита. Послы императорскіе снабжены были письмами къ папѣ отъ императора и патріарха; въ этихъ письмахъ со стороны императора подтверждалось все, что отъ его лица утверждено было на Ліонскомъ соборѣ великимъ логоѳетомъ, а со стороны патріарха признавались всѣ права папы и всѣ догматы римской церкви (1). Веккъ писалъ папѣ, какъ покорнѣйшій его слуга и подданный. Послы императорскіе не застали уже на престолѣ Іоанна XXI, къ которому были посланы. Ихъ встрѣтилъ Николай III (1277 г.). Этотъ человѣкъ рѣшился наконецъ энергичнѣе взяться за дѣло; возвратившіеся изъ Константинополя легаты, конечно, раскрыли предъ нимъ

(1) Rayn. ad an. 1277. n. 27. 30. 34.

истинное положеніе дѣлъ. Пахимеръ говоритъ, что начали доходить до Рима не очень лестные для папы слухи, будто бы его жестоко обманули, будто сами греки говорятъ, что „миръ церквей чрезвычайно забавная шутка“ и т. п. Папа наконецъ понялъ, что нельзя оставить дѣло въ такомъ положеніи, что нельзя водиться одними надеждами на императора и его вліяніе, что пора уже потребовать на дѣлѣ исполненія того, что обѣщано на словахъ. Чтобы лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, Николай между прочимъ нарочно давалъ аудіенцію Карлу Анжуйскому въ присутствіи императорскихъ пословъ; дѣлалъ ихъ, такимъ образомъ, свидѣтелями тѣхъ домогательствъ, какія употреблялъ Карлъ при папскомъ дворѣ, чтобы получить отъ римскаго престола разрѣшеніе идти на Константинополь и той досады, какую обнаруживалъ онъ, получая постоянно отказы въ своихъ просьбахъ (1), именно по той причинѣ, что греки теперь сыны церкви. Все это вѣроятно дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы заставить пословъ какъ можно дороже оцѣнить союзъ съ римскою церковію. При такомъ положеніи дѣлъ Николай началъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, хотя въ то же время приступилъ къ дѣлу съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. По тайной инструкціи, какую онъ далъ легатамъ, посланнымъ въ 1278 г. въ Константинополь, послѣдніе должны были поставить на видъ М. Палеологу, что патріархъ и другіе епископы еще не представили исповѣданія вѣры по формулѣ, данной римскою церковію; почему *императоръ*, *который утверж-*

(1) По свидѣтельству Пахимера, Карлъ бросался къ ногамъ папы; получая же отказы въ своихъ просьбахъ, грызъ въ досадѣ скипетръ, который держалъ въ рукахъ. Виз. Ист. Пахим., стр. 379.

даетъ, будто все дѣло уніи зависитъ отъ него, долженъ принять въ этомъ случаѣ свои мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этой инструкціи легаты должны были отъ патріарха, епископовъ и клира каждаго города и селенія потребовать *отдѣльнаго* исповѣданія вѣры по формулѣ, представленной въ письмѣ Григорія X къ императору. Легаты должны были также настаивать, чтобы православное духовенство, принявъ римское вѣроисповѣданіе безъ всякаго прибавленія и измѣненія, *утвердило его клятвою*, не отговариваясь отъ послѣдней никакими обычаями; такъ какъ обычай, говорила инструкція, хотя бы и самый древній, теряетъ свою обязательность, какъ скоро онъ противенъ правамъ римской церкви. Легатамъ приказывалось также обязать всѣхъ епископовъ и всѣхъ клириковъ не учить противно римской церкви, проповѣдниковъ же заставлять вѣрно изъяснять народу ея ученіе. Мало того, для надзора за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ, легаты по инструкціи сами лично должны были отправиться во всѣ болѣе важныя мѣста имперіи и здѣсь должны были лично отобрать отъ духовенства исповѣданія вѣры и клятвы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Далѣе инструкція говорила, что просьба императора относительно чтенія символа безъ прибавленія не можетъ быть уважена; такъ какъ единству вѣры противно различіе вѣроисповѣданій и такъ какъ однообразіе особенно требуется въ отношеніи къ символу, который очень часто читается при богослуженіи. За положительно выраженными пунктами въ инструкціи находились еще пункты, которые легаты должны были передать грекамъ въ видѣ вопросовъ, нерѣшительныхъ требованій. Папскіе легаты должны были спросить православныхъ епископовъ, почему они

доселѣ не позаботились снять съ своей церкви опредѣленій противъ нея папъ и соборовъ западныхъ прежнихъ временъ; также почему патріархъ и другіе епископы по возвращеніи въ нѣдра римской церкви доселѣ не обратились къ ней съ просьбою утвердить ихъ въ ихъ церковныхъ степеняхъ. Отсюда легаты имѣли приказаніе осторожно перейти къ предложенію—не пожелаютъ ли греки имѣть въ Константинополѣ постояннаго кардинала-легата. Легаты должны были искусно довесть императора до того, чтобы онъ самъ письменно испросилъ у папы постояннаго уполномоченнаго представителя римскаго престола; прежде всего они должны были спросить императора, не осталось ли какихъ извѣстій относительно того, какъ легаты апостольскаго престола принимаемы были прежде въ Константинополѣ, какова была ихъ обстановка, содержаніе, свита и пр.; если не послѣдуетъ благопріятнаго отвѣта, объяснить императору, какіе существуютъ на западѣ обычаи и законы относительно кардиналъ-легатовъ, представить нѣсколько доводовъ въ пользу пребыванія въ Константинополѣ кардиналъ-легата, напримѣръ, что онъ можетъ уничтожить много зла, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго, подниметь благосостояніе имперіи, еще, что если онъ будетъ посланъ по просьбѣ императора, то это будетъ доказательствомъ искренности союза греческой церкви съ римскою. О всемъ этомъ легаты, по инструкціи, должны были представить императору и епископамъ постепенно, не вдругъ, чтобы не испугать многочисленностію требованій. Впрочемъ, внушая легатамъ, чтобы при исполненіи возложеннаго на нихъ порученія они избѣгали поводовъ къ разрыву съ греками, папа замѣчаетъ въ своей инструкціи: „однако же наше же-

ланіе во всякомъ случаѣ то, чтобы вы не слишкомъ легко смотрѣли на дѣла, какъ нѣкоторые до сихъ поръ это дѣлали, но чтобы вы старались проникнуть въ сокровенныя намѣренія грековъ и чтобы на всякій пунктъ вы получили отъ нихъ какой нибудь отвѣтъ, положительный или отрицательный, такъ чтобы съ вашимъ возвращеніемъ къ святому престолу можно было ясно понять, какъ нужно вести себя на будущее время“ (1). Теперь, по основательному соображенію противниковъ уніи, императоръ „долженъ былъ избрать одно изъ двухъ: или не согласиться на это (на требованія легатовъ) и такимъ образомъ расторгнуть миръ, или нарушить нѣчто изъ основныхъ положеній церкви и, сдѣлавъ еще большій грѣхъ, дать имъ (противникамъ уніи) поводъ справедливо избѣгать единенія съ нимъ, какъ съ явнымъ преступникомъ (2)“. Но М. Палеологъ былъ не такой человѣкъ, который бы не могъ вывернуться изъ какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствъ. Возвративъ Векка, подвергшагося около этого времени его гнѣву за свое смѣлое поведеніе и удалившагося по этому случаю въ монастырь, — возвративъ его, какъ человѣка необходимаго при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, М. Палеологъ рѣшился успокоить и ту и другую сторону, и легатовъ и епископовъ, доселѣ болѣе или менѣе подчинявшихся существующему порядку, но предъ такими требованіями папскихъ легатовъ долженствовавшихъ, какъ опасался императоръ, выдти наконецъ изъ терпѣнія. Онъ началъ съ послѣднихъ. Созвавъ къ себѣ архіереевъ и весь клиръ и принявъ ихъ особо, безъ мірянъ, онъ началъ увѣрять собраніе, что

(1) Allat. de consens. p. 730.
(2) Пахим. стр. 421.

не допустить латинянъ привесть въ исполненіе ихъ замыслы, хотя во всякомъ случаѣ считаетъ нужнымъ успокоить ихъ ласками и обѣщаніями; при этомъ просилъ только духовенство ему не препятствовать, оставаться спокойнымъ въ то время, какъ онъ будетъ дѣйствовать на папскихъ легатовъ. „Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ и убѣдить васъ, чтобы вы, нечаянно услышавъ слова пословъ, не обезпокоились и опять не вдались въ худыя относительно правительственной нашей дѣятельности подозрѣнія. Богъ свидѣтель, что изъ ученія нашей Церкви не будетъ упущено ни одной черты, или іоты: я самъ обѣщаюсь Божественный символъ отцевъ держать какъ знамя и воевать за него не только съ итальянцами, но и со всякимъ народомъ, который бы сталъ въ немъ сомнѣваться... Впрочемъ, распорядиться дѣломъ такъ, чтобы пословъ отпустить съ миромъ, въ этомъ ни съ моей стороны не будетъ ничего преступнаго, ни съ вашей несправедливаго. Итакъ, я хочу дружески обнять ихъ и благосклонно привѣтствовать, чтобы въ противномъ случаѣ *не спугнуть, какъ говорятъ добычи*... Моя забота будетъ—отвѣчать имъ, не назначая опредѣленнаго времени для совѣта (1)“. Предварительное объясненіе императора съ духовенствомъ оказалось дѣйствительно полезнымъ. Когда собрались у патріарха архіереи и избранный клиръ и когда туда же явились папскіе легаты, собраніе довольно благосклонно выслушало папскія предложенія изъ устъ этихъ послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ, желая доказать легатамъ, что миръ церквей не шутка, приказалъ показать папскимъ посламъ томившихся въ тем-

(1) Пахим. стр. 421—423.

ницахъ своихъ родственниковъ (протостратора Андроника Палеолога, виночерпія Мануила Рауля, брата его Исаака и роднаго племянника протостратора Іоанна Палеолога). Послѣ того составлена была „защитительная грамата къ папѣ Николаю III и скрѣплена многими подписями не дѣйствительныхъ епископовъ, управлявшихъ дѣйствительными епископіями, а рукою одного и того же писца, хотя такъ, какъ будто бы скрѣпляли ее многія священныя и важныя лица“. Въ упомянутой граматѣ, содержавшей исповѣданіе вѣры, по словамъ Пахимера „приведены были многія“ мѣста изъ писаній нашихъ отцевъ, въ которыхъ выраженіями: Духъ святый отъ Сына изливается, предлагается, дается, возсіяваетъ, является и под. принятое у латинянъ слово „исходитъ“ какъ бы совсѣмъ *закрывалось* и въ заключеніи было сказано, что несоглашающихся на примиреніе мы подвергаемъ достойному наказанію“. Наконецъ императоръ вздумалъ оказать папѣ еще одинъ знакъ своей преданности дѣлу уніи; именно онъ приказалъ двухъ епископовъ Мелетія и Игнатія, противившихся его мѣрамъ, отправить вмѣстѣ съ папскими легатами къ папѣ, предоставивъ послѣднему этихъ людей въ полное распоряженіе (хотя папа, какъ послѣ оказалось, и не оцѣнилъ какъ должно этого новаго доказательства императорской ревности къ уніи; такъ какъ онъ отпустилъ Мелетія и Игнатія назадъ изъ опасенія, чтобы оскорбленіемъ этихъ лицъ не увеличить препятствій къ утвержденію единенія между церквами). Это было въ 1279 году (1). Въ своемъ письмѣ къ Николаю III М. Палеологъ повторялъ только исповѣданіе

(1) Пахим. стр. 420—426.

вѣры Климента IV и клятву, данную отъ его имени на соборѣ Ліонскомъ великимъ логоѳетомъ, но ничего не отвѣчалъ на новыя папскія требованія, даже ни слова не упоминалъ объ нихъ. То же и въ томъ же духѣ писалъ и наслѣдникъ престола, Андроникъ. Пахимеръ ничего не говоритъ о томъ, остались ли довольны легаты тѣмъ, что нашли въ Константинополѣ и какъ убѣдили ихъ ограничиться тѣми слабыми доказательствами подчиненія греческой Церкви римской, какія предетавилъ имъ М. Палеологъ; но изъ того, что римскій дворъ до 1281 г. оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ [1] къ императору и греческой церкви, нужно заключить, что легаты остались довольны положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ.

Между тѣмъ въ греческой церкви послѣ этого дѣла стали еще хуже. Теперь всѣ увидѣли, что унія ведетъ прямо къ латинству, что такая унія, о какой хлопочетъ императоръ, *дѣло не только недостойное, но и невозможное.* Очень многіе, еще болѣе чѣмъ прежде, стали непріязненно смотрѣть теперь на умѣренную партію, особенно на епископовъ, терпѣвшихъ унію изъ повиновенія власти и политическихъ расчетовъ. „Многіе, по словамъ Пахимера, сильно отвращаясь отъ итальянцевъ стали гнушаться и нашими священными предметами и бросали ихъ то въ рытвины, то въ рѣки, то на горы, какъ вещи, незаслуживающія никакого уваженія [2]. Императоръ старался и этихъ людей склонить къ повиновенію себѣ также, какъ не задолго предъ тѣмъ

---

[1] Мы даже видимъ, что вскорѣ папа заключаетъ секретный союзъ съ М. Палеологомъ и Петромъ, королемъ аррагонскимъ противъ Карла анжуйскаго.

[2] Пахим. стр. 429.

склонилъ къ тому епископовъ. Вотъ почему, собравъ у себя епископовъ, онъ пригласилъ къ себѣ и нѣкоторыхъ явныхъ противниковъ уніи. При этомъ укорялъ ихъ за то, что подъ видомъ благочестія они дошли до презрѣнія къ святынѣ; отдѣлившись отъ церкви, стали самовольно совершать у себя на дому то, что слѣдовало совершать только въ храмахъ. Но его рѣчь не произвела должнаго впечатлѣнія на присутствующихъ. „Всѣ молчали, наблюдая крайнюю осторожность, избѣгая высказывать свои мысли“, говорилъ одинъ императоръ (1).—Около этого времени оппозиція уніи достигла крайней степени. Дѣло уніи перешло наконецъ въ область литературы. Противъ латинянъ и общенія съ ними стало появляться много сочиненій. Тогда Веккъ, долгое время молчавшій, вопреки своему обѣщанію не отвѣчать своимъ противникамъ, выступилъ наконецъ въ качествѣ защитника уніи путемъ литературнымъ (2). Все свое вниманіе при этомъ устремилъ онъ на одинъ пунктъ, на догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Пользуясь трудами Блеммида и Никиты Маронейскаго, архіепископа Ѳессалоникскаго, Веккъ старался и самъ собрать какъ можно болѣе выдержекъ изъ св. Писанія и твореній отеческихъ. Безъ разбора, какъ замѣчаетъ Пахимеръ, пользовался онъ всѣмъ, что хотя мало шло къ дѣлу; преимущественно же опирался онъ на тѣхъ мѣстахъ изъ отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*. За тѣмъ на основаніи другихъ мѣстъ изъ отеческихъ

(1) Ibid. стр. 426—429.

(2) Сочиненія Векка собраны Львомъ Аллаціемъ въ его сочиненія „Graec. Orthod“. t. I et II. Веккъ писалъ по Пахимеру пять (Пах. кн. 6, гл. 23), по Фабрицію шесть разсужденій о Святомъ Духѣ (Bibl. Graec. Alb. Fabricii p. 384).

твореній доказывалъ, что частица διά, *чрезъ*, замѣняется очень часто частицею ἐκ изъ, *отъ*, что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго и, стало быть, когда говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына, то вмѣстѣ съ тѣмъ говорится уже и объ исхожденіи Его изъ Сына, отъ Сына. „Такіе доводы, приводилъ патріархъ, говоритъ Пахимеръ, доказывая, что посредство Сына необходимо требуетъ частицы „чрезъ“ (διά), частица же „чрезъ“ допускаетъ итальянскую частицу „изъ“ (ex), потому что эти предлоги безразлично употребляются одинъ вмѣсто другаго (1). Итакъ для Векка вопросъ о соединеніи церквей, съуживаясь все болѣе и болѣе, превратился наконецъ не болѣе, какъ въ вопросъ о двухъ частицахъ. Патріархъ въ высшей степени увлекся полемикою; онъ утверждалъ, будто ему и жизнь не въ жизнь, если не докажетъ изъ писаній, что не бывшіе прежде съ латинянами въ общеніи находились въ заблужденіи (2). Онъ собиралъ соборы, писалъ сочиненія. Но его доводы не убѣждали никого, ни явныхъ противниковъ уніи, ни людей, наружно примирявшихся съ нею; послѣднихъ сильно соблазняли сочиненія Векка, хотя *и не отвлекали*, по замѣчанію Пахимера, „отъ общенія съ людьми, ошибающимися въ значеніи Божественныхъ догматовъ (3).“ Вѣроятно отъ этихъ послѣднихъ стали наконецъ до императора доходить просьбы, чтобы онъ запретилъ толковать о догматахъ, какъ бы кто ни содержалъ ихъ. Догматическіе споры были такъ сильны, что волновали всѣхъ (4). Императоръ пробовалъ было заставить мол-

(1) Пахим. стр. 446.

(2) Пахим. стр. 444.

(3) Ibid. 446.

(4) По свидѣтельству самого Векка, въ это время было то же, что

чать противную сторону, оставивъ въ то же время за своими приверженцами право писать и высказывать свои доводы; но это конечно не принесло никакой пользы. Не болѣе убѣдили рѣшительныхъ и нерѣшительныхъ противниковъ уніи и новыя жестокости императора, которыми хотѣлъ онъ прекратить всеобщее волненіе и литературную полемику. Около 1280 года особенно усилились казни противниковъ уніи. М. Палеологъ, все больше и больше вездѣ видѣвшій къ себѣ и къ своему дѣлу или ненависть, или слишкомъ сомнительную покорность, тяготясь также своимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ папѣ, чувствуя, что онъ стоитъ совершенно одиноко, что онъ отсталъ отъ одной стороны и не присталъ къ другой, мучимый, быть можетъ, раздумьемъ относительно своихъ религіозныхъ убѣжденій, дѣлался все болѣе и болѣе подозрительнымъ и жестокимъ. Онъ доходилъ до такой степени раздраженія, „что едва только доносили ему о комъ нибудь, какъ тотчасъ же за доносомъ слѣдовала и казнь“. Особенно сталъ онъ ненавидѣть иноковъ, какъ лицъ самыхъ враждебныхъ его дѣлу. Онъ зналъ, что „иноки считаютъ время, когда они отъ него избавятся“. На этихъ-то лицъ, говоритъ Пахимеръ, „и обрушивались всѣ ужасы со стороны державнаго“. Императоръ „оправдывался тѣмъ, что, прослывъ съ дѣтства другомъ монашества, доведенъ теперь до необходимости ненавидѣть монаховъ“ (1). Но не одними иноками ограничивалась жестокость императора; теперь онъ совершилъ множество казней надъ

во времена Св. Григорія Нисскаго, т. е. всѣ и всюду спорили объ исхожденіи Св. Духа. Онъ же свидѣтельствуетъ и о томъ, что въ разгарѣ этихъ споровъ имя латинянина противополагали имени христіанина.—Graec. Orth. t. II.

(1) Пахим. стр. 453.

людьми очень высокаго общественнаго положенія, надъ нѣкоторыми своими родственниками, содержавшимися доселѣ въ тюрьмахъ и нѣкогда показываемыми папскимъ легатамъ, и надъ многими другими; онъ ослѣплялъ ихъ, рѣзалъ имъ языки, предавалъ ихъ смерти и т. под.—Пасквили на него еще болѣе усилили его жестокости. Изступленный дикими мыслями и подозрѣніями, онъ производилъ ужасы. „О томъ, что тогда имъ сдѣлано, говоритъ Пахимеръ, стоитъ писать не чернилами, а слезами". Видно, что душевное состояніе императора было слишкомъ безотрадно. „Можетъ быть къ довершенію всего онъ мучился призраками о себѣ и религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, православнымъ ли, то есть, почитать ему самаго себя, когда поносятъ его, какъ извратителя вѣры" (1). Но ему, равно какъ и его уніи, готовился новый рѣшительный ударъ. Расторгнувъ связь со всѣмъ окружающимъ, вооруживъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, заставивъ говорить противъ себя и свою собственную совѣсть, потерявъ миръ душевный, императоръ имѣлъ случай испытать еще разрывъ съ тѣмъ, изъ за мира съ которымъ испортилъ всѣ свои отношенія. Въ 1281 году, 18 ноября, новый папа Мартинъ произнесъ на него отлученіе. Послы императора (епископы Левъ ираклейскій и Ѳеофанъ

(1) Пахим. 446.—Іоаннъ Векк въ это время, по свидѣтельству Пахимера, „готовъ былъ въ угодность императору сдѣлать все: ибо совершенно измѣнился въ своемъ характерѣ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ трудными обстоятельствами". Стр. 457. Онъ сопровождалъ императора въ его разъѣздахъ и присутствовалъ при его жестокостяхъ. За то разъ пришлось ему выслушать отъ знатныхъ Манупла и Исаака, готовившихся лишиться зрѣнія, горькій упрекъ, что настоящія ихъ убѣжденія не отличаются отъ прежнихъ его убѣжденій, что, находясь въ цѣпяхъ, онъ вѣровалъ лучше, чѣмъ въ патріаршескомъ достоинствѣ. Пахим. стр. 447.

никейскій), „который хотѣлъ привѣтствовать новаго папу съ вступленіемъ его на апостольскій престолъ, были приняты Мартиномъ очень плохо“. Узнавъ, говоритъ Пахимеръ, въ какомъ состояніи находится у насъ дѣло примиренія церквей и подозрѣвая, что все бывшее имѣло характеръ насмѣшки, а не дѣйствительной истины, —ибо кромѣ одного царя и патріарха, да нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нимъ лицъ, всѣ остальные отвергали миръ, особенно когда царь хотѣлъ утвердить его страшными казнями, латиняне приняли пословъ съ презрѣніемъ (1), и не скоро, да и то съ трудомъ доставили имъ доступъ къ папѣ, и наконецъ и царя и сообщниковъ его, какъ насмѣшниковъ и людей, идущихъ къ миру путемъ казней, а не истины, отлучили отъ церкви, пословъ же отпустили назадъ, не удостоивъ ихъ должныхъ почестей“. Императоръ, разумѣется, „пришелъ въ неописанный гнѣвъ, такъ что когда діаконъ хотѣлъ было по обыкновенію, въ присутствіи державнаго, провозгласить папу, онъ запретилъ, говоря: хороши плоды любви ихъ! Изъ за нихъ я вооружилъ противъ себя своихъ ближнихъ, а они не только не оказали мнѣ ни малѣйшей благодарности, но еще отлучили меня“. „Тогда же хотѣлъ было уничтожить договоръ да и уничтожилъ бы, еслибы не пришли ему на мысль нѣкоторыя соображенія“; именно онъ опасался, чтобы опять обстоятельства не поставили его въ необходимость обратиться къ папѣ и унію обратить въ орудіе своей политики. Но ему уже не пришлось еще

(1) „Я уважаю, говорилъ папа посламъ Михаила, защитниковъ вашего ученія, потому что лучше быть сознательнымъ и свободнымъ схизматикомъ, чѣмъ жить мечтами; знаменитыя жертвы жестокости Михаила заслуживаютъ полнѣйшаго моего состраданія“.

разъ прибѣгнуть къ этому средству. Замѣчательная, полная тревогъ его жизнь кончилась 1282 г., успѣвъ разойтись со всѣми при жизни и возбудивъ всеобщую радость своею смертію, онъ, по настоянію всего народа, собственнымъ своимъ сыномъ лишенъ погребенія.

Со вступленіемъ на престолъ Андроника по смерти Михаила Палеолога (1) наступаютъ послѣдніе времена

(1) Позволимъ себѣ еще разъ остановиться на этой замѣчательной личности. Мы доселѣ смотрѣли на него какъ на религіознаго дѣятеля. Съ этой точки зрѣнія безспорно М. Палеологъ не заслуживаетъ сочувствія и не возбуждаетъ къ себѣ уваженія. Другое дѣло, если мы посмотримъ на него, какъ на дѣятеля государственнаго. Онъ былъ замѣчательный, даровитый государь, но жилъ въ очень трудныя времена. Если мы припомнимъ, что въ теченіе всего своего царствованія онъ отвсюду былъ окруженъ политическими врагами, и что онъ, какъ умный и энергическій человѣкъ, не будучи въ состояніи пассивно относиться къ такому положенію дѣлъ, съ необыкновеннымъ политическимъ тактомъ умѣлъ пользоваться единственнымъ средствомъ, бывшимъ у него въ рукахъ — обезоружить большую часть своихъ враговъ (мыслью объ уніи), то, отрицая его достоинства нравственныя, не можемъ отказать ему въ достоинствахъ умственныхъ, и въ этомъ отношеніи не можемъ не чувствовать къ нему уваженія. Въ теченіе 20 лѣтъ (1261—1281) при 8 папахъ онъ умѣлъ сдерживать Западъ. Овладѣвъ Константинополемъ (1261 г.), при папѣ Урбанѣ IV, бывшемъ прежде латинскимъ патріархомъ въ Константинополѣ, онъ сразу же очутился окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами. Урбанъ вооружаетъ противъ него весь Западъ: повелѣваетъ ордену францисканцевъ во Франціи (Rayn. 1262 n. 37—38) и епископамъ многихъ другихъ катол. областей (Ibid. 1264 n. 55—56) воззвать къ народамъ съ призывомъ къ крест. походу, обѣщаетъ индульгенціи, приказываетъ собирать деньги въ пользу Балдуина (Ibid. 1262 n. 38 et 1264 n. 19), отлучаетъ генуэзцевъ союзниковъ Михаила отъ церкви (Ibid. 1263 n. 16), разрѣшаетъ Вильгельма ахайскаго отъ клятвы не воевать съ Палеологомъ (Пах., кн. 1, гл. 3), убѣждаетъ Людовика IX стать во главѣ предполагаемой военно-религіозной экспедиціи въ Грецію (Rayn. 1262 n. 39). Венеціанцы и Вильгельмъ ахайскій по возбужденію папы вскорѣ поднимаютъ оружіе (LeBeau Hist. du Bas. emp. t. 18, liv. 100, ch. 18); Генуэзцы поспѣшаютъ отказаться отъ союза съ Михаиломъ (Ibid. ch. 20); Михаилъ деспотъ эпирскій добивается византійской короны и съ этою цѣлію постоянно непріязненно дѣйствуетъ противъ имперіи (Пах. кн. 1. гл. 30, кн. 3. гл. 16. Григ. 4, 9); Ирина, супруга болгарскаго царя Константина Теха (родная сестра

ліонской уніи. Теперь ничто уже не располагало поддерживать прежній порядокъ вещей; особенныхъ напа-

---

ослѣпленнаго Михаиломъ Іоанна) возбуждаетъ своего мужа къ мщенію (Пах. 3, 8. Григ. 4, 6); кромѣ того набѣги со стороны мусульманъ (Пах. 1, 8. 3, 21—22). Если и не удалось папѣ возбудить кр. походъ (LeBeau t. 18 liv. 100 ch. 17. Rayn. 1263 n. 19—21), то однихъ этихъ враговъ: венеціанцевъ, генуэзцевъ, Вильгельма ахайскаго съ од. стор., деспота эпирскаго, болгаръ и мусульманъ съ др. было достаточно, чтобы испугать даже храбраго человѣка и заставить его во что бы-то ни стало позаботиться о средствахъ уменьшить количество враговъ по крайн. мѣрѣ со стороны запада. Отсюда частыя посольства со стороны М. П. въ Римъ (Rayn. 1263 n. 23—28 n. 1264 58—72 et seqn. при одномъ папѣ Урбанѣ по кр. мѣрѣ три отъ М. П. и два изъ Рима). Михаилъ между тѣмъ не перестаетъ успѣшно воевать съ остатками владычества латинскаго на островахъ; его успѣхи въ войнѣ и его посольства въ Римъ побуждаютъ папу остановить Вильгельма ахайскаго (LeBeau t. 18. liv. 100 ch. 20) и позволить венеціанцамъ заключить съ Михаиломъ перемиріе. Так. обр. на нѣсколько лѣтъ успѣлъ Михаилъ обезопасить себя со стороны запада; ему оставалось только поддерживать сношенія съ западомъ. Онъ ихъ и поддерживалъ съ преемникомъ Урбана Климентомъ IV (Rayn. 1267 n. 66—67. n. 72—80), съ управлявшимъ послѣ него конклавомъ кардиналовъ (Ibid. 1270 n. 1—4 et seqn.), съ Людовикомъ IX (Ibid. et 1272 n. 26 по кр. мѣрѣ три посольства). Чрезъ эти сношенія онъ умѣлъ сдерживать не только прежнихъ, но еще новаго непріятеля, подстрекаемаго Балдуиномъ—Карла анжуйскаго, несмотря на всѣ домогательства послѣдняго въ Римѣ о дозволеніи ему воевать съ византіею. Съ 1272 (при Григоріи X) всѣ прежніе враги снова готовятся напасть на него, будучи не только не сдерживаемы, но еще поощряемы къ тому Римомъ: срокъ перемирія съ венеціанцами кончился; Карлъ анжуйскій соединялся съ ними; папа вооружалъ и др. государей западныхъ. Сдерживать западныхъ непріятелей прежними средствами болѣе уже не стало никакой возможности; нужно было прибѣгнуть къ рѣшительному средству, къ заключенію формальной уніи (ліонскій соборъ). Но чрезъ этотъ рѣшительный шагъ, обезоруживъ своихъ западныхъ враговъ, онъ въ тоже время далъ, благодаря посѣяннымъ чрезъ унію внутри греч. имперіи смутамъ, сильное оружіе своимъ врагамъ восточнымъ и сѣвернымъ: разнымъ претендентамъ на виз. корону, въ родѣ деспотовъ: эпирскаго, трапезунтскаго, дука патрасскаго; противники уніи обращаются сами къ этимъ государямъ (напр. трапезунтскому Rayn. 1278 n. 13—14) съ предложеніемъ импер. престола; Михаилу кромѣ того угрожаетъ союзъ болгаръ съ султаномъ по иниціативѣ противницы уніи—Маріи, супруги болгарскаго царя (дочери Евлогіи, сестры Палеолога. Пах. кн. 6, гл. I). Но и изъ этихъ обстоя-

деній съ запада ожидать было нельзя (1), недовольство уніей въ народѣ достигло послѣднихъ предѣловъ. Теперь должна была наступить реакція; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, должна была выступить на поприще дѣятельности партія крайнихъ противниковъ уніи и выразить все, что скопилось у нихъ въ груди противъ латинянъ, равно какъ и противъ настоящихъ и мнимыхъ защитниковъ уніи. И дѣйствительно, едва вступилъ на престолъ Андроникъ, какъ въ дѣлахъ церковныхъ начался крутой поворотъ на

тельствъ успѣлъ Михаилъ вывернуться, благодаря храбрости и политикѣ. Повидимому, послѣ отлученія его папою (1281 г.), Михаилъ долженъ былъ окончательно проиграть свое дѣло; главный его западный врагъ Карлъ анжуйскій снова вооружается противъ него; но опять храбрость и политика его выручаютъ, онъ одерживаетъ надъ Карломъ блистательную побѣду,—это былъ послѣдній его подвигъ (ум. 1282). Такимъ образомъ, какъ государственный человѣкъ, Михаилъ съ честію трудился на своемъ поприщѣ. Для правильнаго сужденія о немъ нужно отличать въ немъ государственнаго дѣятеля отъ религіознаго и въ извѣстной степени недостатки его нравственнаго характера извинять обстоятельствами времени. Легко было его сыну и преемнику Андронику быть болѣе нравственнымъ послѣ того, что сдѣлалъ для безопасности имперіи со стороны Запада его отецъ.

(1) Отлученіемъ М. Палеолога развязаны были руки его противнику Карлу; Карлъ тотчасъ же рѣшился и съ суши и съ моря напасть на византійскую имперію. Но Михаилъ ловкимъ оборотомъ своей политики разбилъ его силы, возбудивъ войну противъ него въ Сициліи и такимъ образомъ отвлекъ половину его силъ. Надъ другой половиной М. Палеологъ одержалъ блистательную побѣду подъ Бѣлградомъ; эта побѣда сопровождалась совершеннымъ истребленіемъ Карловыхъ войскъ. Карлъ, пораженный этою потерею, а еще болѣе смертію своего сына, убитаго на войнѣ въ Сициліи, вскорѣ умеръ съ горя. При Андроникѣ потомки Карла затянулись въ другія войны; имъ было уже не до византійской имперіи. Теперь они уже не грозятъ войною, напротивъ стараются войти въ родственныя связи съ византійскими императорами и стараются очевидно достигнуть своихъ цѣлей этимъ путемъ, не имѣя возможности достичь ихъ путемъ завоеваній. Такъ сынъ Карла предлагалъ въ замужество сыну Андроника свою дочь, родившуюся у него отъ дочери послѣдняго латинскаго императора Балдуина II. Григора, стр. 138—142, 186, 208.

прежнюю дорогу: во главѣ правленія стала крайняя, собственно народная, партія, заправителями которой были лица монашествующія. Дѣйствія ея отмѣчены крайнею непріязнію къ латинянамъ и направлены къ публичному заявленію того, что союзъ съ Римомъ расторгнуть и къ преслѣдованію прежнихъ дѣятелей уніи, равно какъ и лицъ мирившихся съ прежнимъ положеніемъ дѣлъ. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ (12 Дек.), повинуясь обстоятельствамъ и подъ вліяніемъ общаго настроенія умовъ, Андроникъ объявилъ, что онъ противъ воли, только по настоянію отца, принужденъ былъ принимать участіе въ уніи, что онъ въ этомъ раскаевается и готовъ понесть даже наказаніе, какое заслуживаетъ его грѣхъ, наконецъ, что онъ возвращаетъ изъ ссылки и заточенія всѣхъ тѣхъ, которые страдали за свое противленіе уніи. За такимъ началомъ послѣдовало множество фактовъ, въ которыхъ выразились непріязненныя отношенія къ латинянамъ и ихъ поборникамъ. Дѣло было около праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія. Въ первый праздникъ во дворцѣ не было литургіи, чтобы не поминать въ молитвахъ Векка, какъ патріарха. Во дворцѣ явно показывали, что поражены печалію о вѣчной участи императора Михаила; Евлогія, сестра М. Палеолога, выражала скорбь о погибели души своего брата въ слѣдствіе его дружбы съ латинянами и внушала тоже женѣ покойнаго императрицѣ Ѳеодорѣ; послѣдняя также въ избыткѣ скорби спрашивала патріарха Іосифа, что она должна дѣлать для спасенія души ея мужа. На другой день Рождества Христова Векъ удаленъ вѣжливымъ, впрочемъ, письмомъ Андроника, который увѣрялъ патріарха въ своей къ нему любви и уваженіи и представлялъ его удаленіе

дѣломъ необходимости, дѣломъ обстоятельствъ. Наканунѣ 1-го января, при многочисленномъ стеченіи народа, съ пѣніемъ, рукоплесканіемъ, при звонѣ колоколовъ торжественно перенесенъ въ патріаршій дворецъ едва уже живой патріархъ Іосифъ. 1-го января духовенство также не допущено было до совершенія обычнаго Богослуженія въ Великой церкви. На другой день, 2 Января, 1283 года совершена была церемонія освященія Великой церкви, какъ бы оскверненной латинянами. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ при этомъ былъ Галактіонъ, монахъ галисійскій, (Γαλησιώτης) лишенный зрѣнія М. Палеологомъ, жаркій противникъ уніи; онъ, водимый подъ руки, кропилъ святой водой и внутреннія и внѣшнія части храма, и колонны и иконы. Присутствующіе также желали быть очищенными и были также окропляемы. Мірянъ посылали къ монахамъ, которые и налагали на нихъ различныя эпитиміи, смотря по степени общенія, до котораго они хотѣли быть допущены: одну для желающихъ участвовать въ псалмопѣніи, другую для желающихъ получить благословенный хлѣбъ и третью для желающихъ участвовать въ Евхаристіи. Наконецъ публично въ церкви читанъ былъ декретъ, написанный отъ имени патріарха, но составленный крайнею партіею, объявлявшій епископовъ и священниковъ состоящими подъ запрещеніемъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и опредѣлявшій для мірянъ эпитиміи въ прямой пропорціи съ тѣмъ, къ какой степени общенія они желали быть допущены, а двухъ архидіаконовъ, Константина Мелитиніота и Георгія Метохита совершенно низлагавшій за то, что они нѣкогда присутствовали на мессѣ, совершаемой папою (1).

(1) Pachym. Andr. l. I, c. 2. 3.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1283, n. LXIIIV.

Но это еще не все; это была еще не крайняя степень реакціи: она была дальше за этими событіями; серьезное дѣло было впереди. Былъ еще не тронутъ человѣкъ, котораго всѣ считали вичовникомъ уніи. Нужно было его низвергнуть и потомъ уже дѣйствовать противъ всѣхъ, по ихъ мнѣнію, неизгладимо запятнавшихъ себя уніею. И потому, до времени снисходительно обращаясь съ послѣдними, склонивъ на свою сторону всѣхъ бывшихъ въ Константинополѣ епископовъ и прежде всего бывшаго тогда въ Константинополѣ патріарха александрійскаго Аѳанасія, крайніе противники уніи собрали противъ Векка соборъ. На этомъ соборѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ патріархъ Александрійскій и присутствовали между прочимъ много потерпѣвшіе отъ М. Палеолога великій Логофетъ Музалонъ и Риторъ Оловолъ, также ловко передавшійся теперь на сторону противниковъ уніи, прежній ея послѣдователь, Георгій кипрскій и многіе другіе, Веккъ обвиняемъ былъ за свои сочиненія, смутившія миръ церковный, поднявшія ненужные вопросы, наполненныя ересями. Его сочиненія были осуждены и сожжены на соборѣ. Звономъ колоколовъ собрали народъ, принудили явиться туда самого Векка, долго не шедшаго на соборъ изъ опасенія народной ярости. Векка заставили сѣсть на послѣднее мѣсто и защищаться. Онъ оправдывался въ своей приверженности къ уніи обстоятельствами времени, пользою союза съ Римомъ для Имперіи, но въ заключеніе принужденъ былъ отречься отъ своихъ сочиненій, подписаться подъ представленное ему исповѣданіе вѣры и также письменно отказаться отъ патріаршества; послѣ чего вскорѣ онъ сосланъ былъ въ ссылку въ Прузу, что въ Виѳиніи, вмѣстѣ съ Ме-

литиніотомъ и Метохитомъ (1). При посвященіи новаго патріарха, врага и соперника Веккова, Георгія кипрскаго, еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась непріязнь къ латинянамъ и уніатамъ. Императоръ, конечно по внушенію заправлявшей тогда всѣмъ партіи, хотѣлъ, чтобы въ посвященіи новаго патріарха не участвовалъ никто изъ запятнавшихъ себя общеніемъ съ латинянами. Положено было воспользоваться для этой цѣли недавно пріѣхавшими въ Константинополь изъ Этоліи и Македоніи епископами козильскимъ и деврскимъ, не принимавшими никакого участія въ уніи. Итакъ прежде всего епископъ козильскій посвятилъ Георгія кипрскаго въ инока и діакона въ церкви одного монастыря (Предтечи), въ которой прежде не совершалось службы и которая слѣдовательно не была въ рукахъ приверженцевъ уніи. Потомъ тотъ же епископъ рукоположилъ одного монаха, относившагося къ уніи совершенно безразлично, въ митрополита Иракліи Фракійской, за которымъ издавна признавалось право посвящать константинопольскихъ патріарховъ, съ тою цѣлію, чтобы новопосвященный митрополитъ въ свою очередь рукоположилъ Георгія кипрскаго въ санъ константинопольскаго патріарха. Наконецъ послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и предосторожностей всѣ трое, то есть, митрополитъ ираклійскій, епископы козильскій и деврскій 11 Апрѣля 1283 года въ церкви св. Софіи рукоположили новаго патріарха, также съ соблюденіемъ большихъ предосторожностей. Предварительно освященъ былъ престолъ и совершенно удаленъ изъ храма весь клиръ этой Церкви. Послѣ посвященія

(1) Pachym. Andr. l. VII, c. 7. — Hist de l'Eglis. Fleuri, an. 1283 n. VI.

еще въ нѣсколькихъ фактахъ выразилась заботливость ревнителей православія объ искорененіи изъ церкви вторгшагося въ нее латинства. Нѣсколько дней послѣ посвященія патріарха клиръ Церкви св. Софіи все еще не смѣлъ присутствовать при Богослуженіи; наконецъ въ среду на страстной недѣлѣ положено было произнесть надъ нимъ разрѣшеніе. Клиръ палъ на землю и просилъ прощенья. Ему позволено было присутствовать при богослуженіи, но ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день онъ не былъ допущенъ до Евхаристіи; вмѣсто Евхаристіи въ слѣдующій день онъ получилъ отъ патріарха по кусочку простаго неосвященнаго хлѣба (1).—Только теперь, послѣ всѣхъ описанныхъ событій, то есть, послѣ того, какъ низверженъ былъ Веккъ и скончался не дѣятельный Іосифъ, когда избранъ былъ новый патріархъ, который имѣлъ возможность самъ непосредственно принимать во всемъ участіе и своимъ авторитетомъ освящать разнаго рода крутыя мѣры, только тогда открылась для господствующей партіи возможность безъ всякой помѣхи и безъ упрека въ самоволіи энергически приняться за окончательное очищеніе церкви отъ латинскихъ заблужденій, приступить къ низверженію всѣхъ епископовъ и клириковъ, принимавшихъ какое либо участіе въ уніи, не обращая вниманія на ихъ раскаяніе. Теперь наступило то время, когда реакція предшествующему положенію дѣлъ стала на высшую свою степень. Чрезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій во влахернскомъ храмѣ состоялся соборъ, заранѣе авторизованный Императоромъ. Андроникъ своимъ декретомъ заранѣе утверж-

(1) Pachym. l. VII, c 14.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1283, n. VIII,

далъ всѣ дѣйствія этого собора. Императорскій декретъ объявлялъ, что какъ съ оскорбителемъ величества будетъ поступлено съ тѣмъ, кто будетъ противиться соборнымъ опредѣленіямъ. Предсѣдателемъ на соборѣ номинально былъ новый патріархъ; на самомъ же дѣлѣ всѣмъ заправлялъ тамъ императорскій духовникъ, епископъ сардскій Андроникъ, строгій инокъ, и слѣдовательно жаркій противникъ уніи. Большинство собора состояло изъ иноковъ и людей простаго происхожденія (1). На этомъ соборѣ не было разсужденій; тутъ совершался одинъ судъ и слышались одни судебные приговоры: „пусть приведутъ такого-то“, вотъ что поминутно слышалось въ собраніи. Когда требуемое лице являлось, его обвиняли въ нарушеніи церковныхъ правилъ. Обвинителями по большей части были иноки. Послѣ этого распоряжавшійся всѣмъ на соборѣ епископъ сардскій говорилъ: „пусть его выведутъ“; это нечестивецъ, присовокупляли присутствовавшіе и императорская стража съ посрамленіемъ тащила его вонъ.

(1) Что здѣсь преобладала народная партія, видно изъ слѣдующихъ словъ Григоры: „послѣ извѣстнаго сожженія въ Атрамирѣ книгъ, написанныхъ по внушенію вражды, всѣ показывавшіе въ себѣ ревность по вѣрѣ собрались въ Византію, гдѣ подѣлили между собою митрополіи и другія высшія мѣста, или же рѣшили подѣлить и, пользуясь случаемъ, безъ всякаго снисхожденія и состраданія присудили къ полному отлученію архіереевъ и всѣхъ клириковъ, согласившихся относительно догмата съ царемъ Михаиломъ. Очень многіе изъ нихъ принадлежали *къ площадному, необразованному и своеправному люду*, и вчера или третьяго дня не смѣли даже посмотрѣть въ лице царю; теперь же внезапно и не по заслугамъ встрѣтивъ въ немъ большую благосклонность къ себѣ, они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные. Получивъ дозволеніе отъ царя, который уступалъ имъ во всемъ, по своему пламенному, наполнявшему его сердце желанію единенія церкви, они потомъ уже, нисколько не стѣсняясь, собрали какъ овецъ въ великій влахернскій храмъ всѣхъ тѣхъ, на которыхъ положили произнесть то безчестное опредѣленіе“. Григор., стр. 163—164.

Нѣкоторые иноки произносили противъ нихъ анаѳему, другіе срывали съ нихъ епископскія облаченія, такъ какъ считали ихъ недостойными носить епископскія украшенія. За неявившимися добровольно на соборъ отправлялась императорская стража и приводила на соборъ насильно; нѣкоторые, совсѣмъ не явившіеся на соборъ, не смотря на то объявлены виновными, какъ напримѣръ митрополитъ кизическій. Даже у патріарховъ александрійскаго (Аѳанасія) и антіохійскаго (Ѳеодосія), жившаго въ то время въ Константинополѣ (1), вмѣстѣ съ согласіемъ на низложеніе епископовъ потребовали отреченія отъ уніи, такъ какъ ревнителямъ православія и они казались уже запятнавшими себя, хотя они имѣли общеніе не съ латинянами прямо, а только съ тѣми, которые приняли латинянъ въ общеніе. Дѣйствія собора простерлись не на одну іерархію. У вдовствующей императрицы, матери Андроника, потребовали исповѣданія вѣры и письменнаго отреченія отъ уніи, равно какъ обязательства, что она не будетъ домогаться погребенія ея мужа Михаила Палеолога; въ награду за послѣднее Ѳеодорѣ обѣщали поминать ея имя въ общественныхъ молитвахъ на ряду съ именемъ сына ея Андроника. Такимъ образомъ всѣ, кто хотя сколько нибудь сочувствовалъ уніи или по крайней мѣрѣ терпѣлъ ее подверглись соборному осужденію. Теперь, когда всѣ были низложены, когда не оставалось болѣе никого, противъ кого бы можно было ратовать, естественно должна была наступить въ церкви тишина. Но по временамъ и послѣ этого заявляла себя унія. По временамъ снова поднималось въ церкви волненіе, хотя унія теперь станови-

(1) Эти два патріарха постоянно жили въ Константинополѣ, такъ какъ латиняне владѣли еще Триромъ, Акрою и многими мѣстами Сиріи.

лась уже на задній планъ, служила только предлогомъ, за которымъ скрывались и дѣйствовали отношенія личныя, страсти (1). Спустя два года послѣ описанныхъ выше событій, въ 1285 г. снова возникли споры объ исхожденіи Св. Духа; былъ даже соборъ; писались догматическія сочиненія; возникла полемика. Соборъ (второй Влахернскій) былъ направленъ противъ Веккa; полемика—противъ Георгія Кипрскаго. Когда новый епископъ Прузы (мѣста ссылки Веккa) Неофитъ, какъ видно жаркій противникъ уніи, при своемъ вступленіи на престолъ наложилъ на свою паству постъ для изглажденія преступленія, то есть уніи, когда за тѣмъ народъ, находя, вѣроятно, эту мѣру своего епископа для себя тяжелою, въ ярости устремился къ Веккy, жившему тамъ въ ссылкѣ, какъ къ виновнику уніи, а слѣдовательно и наложеннаго поста, когда наконецъ Веккъ принужденъ былъ для успокоенія народнаго волненія предложить свое дѣло и ученіе еще разъ на соборное обсужденіе; тогда снова составился соборъ во Влахернскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ двухъ патріарховъ, Георгія константинопольскаго и Аѳанасія александрійскаго, въ присутствіи самаго императора. На этомъ соборѣ было много преній объ исхожденіи Св. Духа. Веккъ и особенно его сподвижники, когда потребовали отъ нихъ откровеннаго признанія, какъ они думаютъ объ этомъ догматѣ, старались и отеческими сочиненіями (особенно мѣстами изъ твореній св. Іоанна Дамаскина) и сравненіями (солнце, лучь, свѣтъ) оправдать свое ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына. Георгій и засѣдавшіе на соборѣ опровер-

(1) Pachym., l. VII, c. 19; Hist. Eccl. Fleuri, an. 1283, n. IX.

тали это ученіе различнаго рода соображеніями, именно, что этимъ ученіемъ вводятся два начала въ одно божество, наводится на мысль, будто Отецъ не могъ известь Духа Святаго, какъ только подъ условіемъ рожденія Сына, что чрезъ это расторгается непосредственная связь Духа Святаго съ Отцемъ. Спорили за тѣмъ о предлогахъ ἐξ и διὰ и проч. Далѣе одна сторона укоряла своихъ противниковъ за ненужное, только смутившее миръ церковный, прибавленіе къ символу; другая же оправдывая это прибавленіе доброю цѣлію—желаніемъ уничтожить раздѣленіе церквей, укоряла противную сторону въ безпощадной жестокости, въ томъ, что за прибавку къ символу, основанную на отеческихъ выраженіяхъ, стали трактовать ихъ, какъ отступниковъ и еретиковъ, лишали священныхъ степеней, омывали жертвенники, на которыхъ они священнодѣйствовали, выливали, какъ нечистоту, муро, ими освященное и пр. Такимъ образомъ къ концу соборнаго засѣданія діалектика уступила мѣсто различнаго рода упрекамъ: заговорили языкомъ страстей. Соборное засѣданіе кончилось рѣзкою выходкою Векка. Объявляя, что онъ не смотря ни на что, не смотря даже на собственное свое убѣжденіе, желаетъ лучше слѣдовать вмѣстѣ съ соборомъ православному ученію и, если весь соборъ заблуждается, рѣшается лучше вмѣстѣ со всѣми быть осужденнымъ, чѣмъ одному искать спасенія, что онъ всецѣло ввѣряется водительству православныхъ, Веккъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ опасеніе. Быть можетъ, говорилъ онъ (передаемъ сущность его рѣчи), мое ученіе вовсе и не думаютъ отвергать, быть можетъ противъ меня дѣйствуетъ одна ненависть, можетъ быть и отказавшись отъ своихъ убѣжденій я останусь для

всѣхъ ненавистенъ, всѣ будутъ бѣгать меня и такимъ образомъ, подвергая опасности свою душу ради мира съ братіею, я все-таки не достигну этого мира. Уколотый подобными намеками, соперникъ Векка и бывшій приверженецъ уніи, патріархъ Георгій разнаго рода колкостями довелъ Векка до того, что послѣдній, совершенно вышедши изъ себя, обратившись къ императору и возвысивъ голосъ, съ клятвою объявилъ, что если Георгій не сойдетъ съ престола, тишина никогда не водворится въ церкви. Послѣ собора, не смотря на увѣщанія Андроника оставить споры и примириться съ церковію, Веккъ и его единомышленники объявили, что они готовы лучше вытерпѣть все возможное отъ императора, чѣмъ подчиниться тѣмъ, которые ихъ оклеветали. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ примирить враждующихъ, Андроникъ снова сослалъ Векка, Мелитиніота и Метохита въ Виѳинію, въ крѣпость св. Георгія (1). Но этимъ дѣло еще не кончилось. Догматическіе споры, бывъ возбуждены, не могли скоро утихнуть; явились сочиненія. Сперва сочиненіе патріарха Георгія противъ ученія Векка объ исхожденіи Св. Духа. Сочиненію этому придано значеніе чего-то въ родѣ символической книги. Его подписали императоръ, епископы и, разумѣется, его авторъ, патріархъ (2). Оно было

(1) Pachym. Andr. l. VII, c. 34, 35.—Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1285, n, XXV, XXVI.

(2) Но когда стали принуждать клириковъ подписаться подъ него, тогда начались волненія. Потерпѣвъ не задолго передъ тѣмъ много непріятностей за то, что противъ воли принуждены были согласиться на унію, клирики боялись теперь снова сдѣлать что-нибудь такое, изъ-за чего могли осудить ихъ во второй разъ. Итакъ, многіе изъ нихъ, теряясь въ догматическихъ тонкостяхъ, рѣшились лучше подвергнуться отлученію, чѣмъ подписаться подъ представленное имъ сочиненіе. За свое сопротивленіе патріарху они отлучены были отъ церкви, потерявъ

чйтано въ церкви съ амвона и при каждомъ пунктѣ чтецъ, возвысивъ голосъ, анаѳематствовалъ поимянно Векка и его единомышленниковъ. Въ отвѣтъ на сочиненіе Георгія появились сочиненія Векка, обвинявшія Георгія въ томъ, что онъ вводитъ новыя ереси. Сочиненія Векка очень распространены были въ Константинополѣ и были тщательно обсуживаемы всѣми, которые боялись ошибиться въ такомъ щекотливомъ предметѣ и особенно тѣми, которые не подписались подъ сочиненіемъ Георгія, какъ подъ вѣроисповѣданіемъ епископовъ. Наконецъ, догматическіе споры окончательно стали покровомъ для интригъ, когда люди нерасположенные къ Георгію, воспользовавшись тревожнымъ настроеніемъ умовъ, успѣли за сочиненіе одного изъ учениковъ Георгія, поправленное послѣднимъ, объявить патріарха еретикомъ и свергнуть съ престола. Іоаннъ Веккъ умеръ 1298 г.—Константинъ Мелитиніотъ и Георгій Метохитъ жили еще нѣсколько времени послѣ него, будучи по смерти Векка переведены въ Константинополь, снова безуспѣшно убѣждаемы императоромъ примириться съ православными и наконецъ заключены въ тюрьмѣ большаго дворца (1).

Мы показали общій ходъ дѣлъ во времена ліонской уніи. Надѣемся, что излишне было бы рѣшать вопросъ, почему описанная нами попытка къ соединенію церквей была безуспѣшна; надѣемся, что отношеніе правительства, іерархіи и народа греческаго къ разсматриваемому

свои мѣста. Они подписались только тогда, когда епископы дали имъ отъ себя письменное удостовѣреніе, что съ нихъ снята будетъ всякая отвѣтственность предъ Богомъ и предъ людьми, если сочиненіе патріарха содержитъ въ себѣ какую-нибудь мысль, противную православію.

(1) Pachym. Andr., l. VIII, c. 1—10. — Hist. de l'Eglis. Fleuri, an. 1289. n. LIV—LVI.

нами вопросу, равно какъ и стремленію папъ, сами собою видны изъ нашего изложенія. Намъ теперь остается остановить вниманіе на одномъ изъ главныхъ дѣятелей этого времени, Веккѣ, — на личности, которыя не можетъ быть вполнѣ выяснена изъ нашего изложенія общаго хода дѣлъ; намъ нужно рѣшить вопросъ, что это была за личность, почему изъ защитниковъ православія Веккъ превратился въ поборника латинства. Мы уже высказали свой взглядъ на него; теперь остается подтвердить этотъ взглядъ фактами, по большей части уже изложенными. Прежде всего Веккъ былъ человѣкъ не чуждый вопросовъ, занимавшихъ тогда государственную политику. Когда на соборѣ при Андроникѣ, какъ мы видѣли, спрашивали его, почему онъ дѣйствовалъ въ пользу уніи, онъ прямо отвѣчалъ, что подобнаго рода дѣйствій съ его стороны требовали обстоятельства времени, нужды имперіи. Но если бы мы и не знали этого факта, и въ такомъ случаѣ уже на основаніи одной должности, которую занималъ Веккъ — должности Великаго Хартофилакса мы имѣли бы право заключать, что дѣла тогдашней политики и нужды государства не могли конечно не занимать такого важнаго лица, какъ Великій Хартофилаксъ, соприкасавшагося по обязанностямъ своей службы съ первыми сановниками двора. А ясное сознаніе государственныхъ нуждъ, всякій съ нами согласится, было уже важнымъ предполагающимъ обстоятельствомъ въ пользу уніи съ Римомъ. Въ характерѣ Векка было другое благопріятное условіе, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ могло привести его, какъ и привело къ тому же. Много мы имѣемъ данныхъ для того, чтобы приписывать Векку характеръ гибкій, уклончивый. Еще до своего перехода

на сторону императора, Веккъ обнаружилъ свою уклончивость. Припомнимъ, какъ въ собраніи епископовъ и въ присутствіи императора онъ колебался высказать свое мнѣніе относительно латинянъ, какъ патріархъ, чтобы заставить его говорить принужденъ былъ употребить противъ него угрозу отлученія отъ церкви, какъ Веккъ колебался при этомъ случаѣ, по словамъ Пахимера „между страхомъ царя и угрозою отлученія и сознавалъ неловкость своего положенія“, въ какихъ наконецъ смягчающихъ выраженіяхъ онъ высказалъ свое мнѣніе, что латиняне еретики (1). Повидимому много твердости обнаружилъ Веккъ, когда послѣ измѣны православію сдѣлавшись патріархомъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать предъ императоромъ за людей страждущихъ, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія императора, сдѣлался очень настойчивъ въ своихъ къ нему просьбахъ и чрезъ то навлекъ на себя гнѣвъ Михаила Палеолога. Но, какъ потомъ оказалось, Веккъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по разсчету. Онъ безъ сомнѣнія думалъ, что огромныя услуги, какія онъ своимъ переходомъ на сторону уніи оказалъ императору, слишкомъ достаточны для того, чтобы послѣдній извинилъ ему многое. Веккъ надѣялся, что ему все сойдетъ съ рукъ, а онъ между тѣмъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ императору пріобрѣтетъ себѣ большой вѣсъ и уваженіе при дворѣ и въ обществѣ. Но когда разсчеты его оказались невѣрными, когда Михаилъ Палеологъ, по своей крайне деспотической натурѣ не могшій терпѣть вокругъ себя людей свободно

(1) „Одни—говорилъ Веккъ—въ отношеніи къ чему-нибудь и есть и называются; другіе и называются и ни есть; а третіе опять хотя и есть, но не называются“. См. Пахим., стр. 345.

и настойчиво высказывающихся, удалилъ его, подвергъ его своей немилости; тогда Веккъ совершенно измѣнилъ свою тактику. Обязанный своимъ возвращеніемъ на патріаршію каѳедру стѣсненному положенію императора, въ какомъ очутился послѣдній съ прибытіемъ въ 1278 году пословъ отъ папы Николая III, Веккъ послѣ того сдѣлался крайне осторожнымъ. Боясь вторично подпасть гнѣву М. Палеолога, Веккъ началъ во всемъ угождать императору. По замѣчанію Пахимера „готовъ былъ въ угодность ему сдѣлать все; ибо совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ трудными обстоятельствами,“ (1) былъ свидѣтелемъ жестокостей Михаила и не возставалъ противъ нихъ. Мало того, не считалъ излишнимъ прибѣгать къ низкой лести и угодничеству предъ лицами близкими къ императору (2). Наконецъ, отрекшись на соборѣ при Андроникѣ отъ всего, что́ такъ жарко защищалъ прежде, отъ общенія съ латинянами и отъ ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, Веккъ еще разъ обнаружилъ въ себѣ недостатокъ устойчивости, твердости въ характерѣ. Итакъ въ общественномъ положеніи Векка и въ его характерѣ скрывались два условія, имѣвшія, безъ сомнѣнія, вліяніе на переходъ его на сторону императора. Но всего важнѣе въ этомъ случаѣ была та степень пониманія православія и латинства, на какой стоялъ Веккъ. Православіе и латинство онъ ограничивалъ, какъ многіе тогда ограничивали, нѣсколькими отдѣльными пунктами ученія. (3) Обстоятельства заставили Векка поглубже вник-

(1) Пахим., стр. 457.

(2) См. Пахим., стр. 442.

(3) Но не всѣ испытывали на себѣ тѣ предрасполагающія вліянія, какія испытывалъ, какъ мы видѣли, Веккъ; притомъ не всѣ были поставлены въ то исключительное положеніе, въ какомъ очутился послѣд-

нуть въ то, почему въ самомъ дѣлѣ православные не имѣютъ общенія съ латинянами. Прежде, скрываясь за другими онъ и думалъ также какъ и другіе, не имѣя нужды критически отнестись къ основаніямъ, на которыхъ всѣ, а вмѣстѣ со всѣми и онъ, поступаютъ такъ, а не иначе. Заключеніе въ тюрьму заставило его тщательно взвѣсить все то, что имѣлъ онъ за и противъ общенія съ римскою церковію. Противъ послѣдней у него оказалось не много, а по тщательномъ обсужденіи, даже одинъ только догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Остальныя основанія отчужденія отъ римской церкви, какъ ему безъ сомнѣнія казалось, скрывались въ различіи нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, болѣе же въ чувствѣ воспитанной вѣками непріязни къ латинянамъ; но эти основанія, конечно, не могли устоять противъ его критики. Въ пользу же возсоединенія съ латинянами говорили ему, безъ сомнѣнія, извѣстныя ему политическія обстоятельства отечества и всегда сильное въ человѣкѣ чувство самосохраненія съ благосклонностію императора въ добавокъ. Послѣ всего этого довольно было какого нибудь случая, который бы могъ натолкнуть его на мысль, что и одно имѣющееся у него препятствіе къ соединенію съ Римомъ можетъ быть устранено,—достаточно, говоримъ, было одного такого случая для того, чтобы Веккъ съ радостію ухватился за него, какъ человѣкъ уже сознавшій, что противная сторона не Богъ знаетъ какъ да-

---

ній послѣ перваго собранія епископовъ у императора; а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что другіе устояли, а онъ палъ. Другіе имѣли за собою или болѣе твердости характера или были далѣе отъ политики двора или относились къ догматическимъ истинамъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ, или наконецъ на нихъ не были, какъ на Веккa, направлены преслѣдованія императора.

лека отъ православія. Тщательное знакомство съ сочиненіями знаменитаго, уважаемаго всѣми Блеммида, представленными Векку въ тюрьмѣ, было для него именно такимъ обстоятельствомъ (1). Не удивительно послѣ этого, что состояніе души его, когда онъ прочелъ сочиненіе Блеммида „подобно было", по словамъ Пахимера „тому, въ какомъ находятся безпомощные люди, когда во время гнетущей нужды неожиданно вообразятъ, что имѣютъ все". (2) Оно дѣйствительно должно было быть на столько успокоительно, на сколько предъидущее было шатко, мучительно. Теперь можно было и измѣнить православію и остаться въ то же время правымъ предъ своею совѣстію. По всей вѣроятности подобнымъ же образомъ совершился переходъ на сторону уніи и остальныхъ ея приверженцевъ—архидіаконовъ Мелитиніота и Метохита и протопостолларія Георгія кипрскаго (3), хотя можетъ быть Векку, какъ человѣку съ болѣе честными правилами переходъ въ унію стоилъ гораздо большихъ душевныхъ мученій, чѣмъ на примѣръ, Георгію кипрскому, для котораго, какъ видно, не составляло большаго труда мѣнять убѣжденія, который два раза измѣнилъ ихъ. Не видно также, чтобы и

(1) Настроенный такимъ образомъ, онъ совершенно лишился надлежащаго критерія къ изслѣдованію истины. Сочиненія св. отцевъ, въ которыхъ излагалось православное ученіе, Векку представлялись или поврежденными (de process. Sp. Sancti Graec. Orth. p. 241—242) или подложными, какъ напр. сочиненіе Кирилла Алекс.: „de trinitate" (de procss. Sp. S. cap. XII), почему онъ ихъ отвергалъ. Поврежденными же, напротивъ, пользовался, напр. (de un Eccl. Graec. Orth. p. 133)— поврежденнымъ спискомъ твореній Василія В., въ который внесены слова, благопріятствующія латинянамъ (что эти слова—вставка позднѣйшая, см. прим. къ русск. пер. Тв. Св. Отц., т. 7, стр. 128).

(2) Пахим., стр. 350.

(3) И они, подобно Векку, были лица не маловажныя въ столичномъ духовенствѣ.

Мелитиніотъ съ Метохитомъ сколько нибудь колебались подобно Векку прежде, чѣмъ перешли на сторону уніи.

ГЛАВА II.

Обозрѣніе попытокъ къ соединенію церквей между ліонской уніей и флорентинскимъ соборомъ (1300—1416).

Послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ событій ліонской уніи нужно было ожидать, что въ слѣдующія за тѣмъ времена вопросъ о соединеніи церквей вообще уже не будетъ обращать на себя такъ много вниманія, какъ прежде, что для него наступитъ время забвенія, пренебреженія, намѣреннаго отъ него удаленія. Такъ дѣйствительно и было.—На востокѣ не только народъ, но и іерархія совершенно имъ не занимались. Положительно извѣстно, что въ Греціи отъ народа даже намѣренно скрывали, какъ послѣ увидимъ, сношенія съ латинянами, держали эти сношенія въ тайнѣ. Разъ только одинъ государь (Іоаннъ Палеологъ) позволилъ себѣ явно стать на сторонѣ латинянъ, но во первыхъ это было въ бытность его на западѣ, слѣдовательно не въ виду православнаго народа, во вторыхъ этотъ государь, какъ видно изъ исторіи, вовсе не намѣренъ былъ убѣждать кого нибудь послѣдовать своему примѣру; перешедши въ латинство лично онъ не принуждалъ къ тому ни народъ, ни іерархію, и дѣло это не произвело замѣтнаго движенія въ народѣ. Но, не говоря уже о народѣ, даже тѣ, которыхъ прямою обязанностію было заниматься рѣшеніемъ этого вопроса—православная іерархія равнодушно относилась къ нему, совершенно устраняла себя отъ него. Вотъ почему при обозрѣніи

этого періода времени намъ не придется уже быть свидѣтелями, какъ прежде, переговоровъ или письменныхъ сношеній патріарха и епископовъ съ латинянами. Прежнихъ небольшихъ соборовъ, и разсужденій на нихъ епископовъ о причинахъ раздѣленія и способахъ соединенія церквей мы совсѣмъ не встрѣтимъ. Всего только разъ дѣло клонилось было къ диспуту между папскими нунціями и православными епископами, но и тутъ все дѣло ограничилось только однимъ пространнымъ разсужденіемъ о томъ, что не нужно поднимать щекотливаго вопроса. Замѣчательно, что даже патріархъ ни разу не писалъ папѣ, ни однажды не приложилъ своего письма къ письму императорскому, между тѣмъ какъ въ прежнее время весьма часто, мы видѣли, вмѣстѣ съ императоромъ писалъ къ папѣ и патріархъ. Даже императорскими послами, приносившими папѣ императорскія письма были въ описываемое нами время не епископы или клирики, а люди свѣтскіе, придворные или же латиняне. Одинъ только разъ посланъ былъ въ Авиньонъ архимандритъ, да и то однимъ императоромъ тайно отъ всѣхъ, притомъ какъ послѣ оказалось этотъ человѣкъ въ душѣ былъ латинянинъ. И такъ намъ приходится теперь имѣть дѣло исключительно съ дипломатическими сношеніями одного византійскаго императора съ латинскимъ западомъ.—На западѣ этотъ вопросъ какъ и всегда не занималъ народныхъ массъ; онъ интересовалъ собою только нѣсколькихъ лицъ. Народъ на западѣ смотрѣлъ на православный востокъ какъ на церковь, дошедшую за свою схизму до крайне бѣдственнаго положенія; таково было тамъ общее мнѣніе (communis opinio) (1); являлись тамъ даже предсказанія (Бри-

(1) Annal. Eccl. Raynald. 1373 n. 1—2.

гитты), что восточную имперію до тѣхъ поръ будутъ тревожить турки, пока не подчинится она церкви римской. (1) Но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Петрарка упрекаетъ весь западъ въ пренебреженіи къ восточной церкви и къ тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ эта послѣдняя стоитъ къ латинской (2). И такъ вопросъ о соединеніи церквей не занималъ въ разсматриваемый періодъ массъ западныхъ. — Кого же онъ интересовалъ въ это время на западѣ? Сначала онъ интересовалъ лицъ предъявлявшихъ права на византійскій престолъ, родственниковъ послѣдняго латинскаго императора, стало быть, занималъ собою два царствующихъ дома французскій и неаполитанскій. Папа относился въ это время къ этому вопросу, не какъ лицо дѣйствующее самостоятельно, не въ своихъ собственныхъ интересахъ, но болѣе въ интересахъ французскихъ королей, какъ епископъ, находившійся по мѣстопребыванію своему — Авиньону подъ вліяніемъ французскаго двора. Такъ было до половины XIV столѣтія. Затѣмъ, когда, въ половинѣ этого столѣтія, папы, понявъ всю унизительность своего положенія, стали стремиться поднять авторитетъ своего престола, стали дѣлать попытки (Урбанъ VI и Григорій XI) переселиться въ Римъ, въ это время вопросъ о соединеніи церквей сравнительно гораздо болѣе интересовалъ папъ; послѣдніе энергичнѣе взялись за него и самостоятельнѣе

(1) Ibid. ad. an. 1374 n. 5.

(2) Обвиняя латинскую церковь въ снисходительности къ греческой церкви, Петрарка говоритъ: „болѣе и болѣе изумляюсь я этой снисходительности и не могу понять, почему такія важныя дѣла не обращаютъ на себя вниманія, когда о менѣе важныхъ такъ заботятся; хотя *безчестіе обще, касается всѣхъ христіанъ*, однакожъ въ цѣломъ войскѣ, худо исполняющемъ свои обязанности, всего стыднѣе вождямъ. (Ibid. ad an. 1366 n. 24.

при этомъ дѣйствовали. Такъ было съ половины XIV столѣтія до послѣдней его четверти. Наконецъ, всего менѣе расположенъ былъ западъ заниматься этимъ вопросомъ въ послѣдней четверти XIV столѣтія и въ началѣ XV. Притязанія на константинопольскій престолъ утратили для всѣхъ всякое значеніе; для папства наступило время самое несчастное; переселеніе папскаго престола изъ Авиньона въ Римъ кончилось расколомъ; явилось двое папъ и между ними завязалась ожесточенная борьба. Въ это время вопросомъ о соединеніи церквей на западѣ не занимался никто.

На востокѣ, какъ и на западѣ, вопросъ о соединеніи церквей занималъ въ описываемое время только одинъ дворъ визант. императоровъ. Какая же именно судьба была этого вопроса на востокѣ? Когда усиливались и когда ослабѣвали сношенія съ западомъ? Уже изъ того, какое значеніе въ разныя времена имѣлъ этотъ вопросъ на западѣ, кого и когда онъ особенно занималъ можно отчасти видѣть ходъ сношеній востока съ западомъ по вопросу о соединеніи церквей въ разсматриваемое время, такъ какъ эти сношенія обусловливались столько же обстоятельствами запада, сколько и обстоятельствами востока. На востокѣ, какъ извѣстно, императоры всегда смотрѣли на этотъ вопросъ со стороны положенія имперіи. Смотря по тому, каково было ея состояніе, императоры такъ или иначе относились и къ вопросу; холодно—если дѣла шли у нихъ хорошо, горячо—если имперія находилась въ критическомъ положеніи. Сначала въ первую половину XIV столѣтія Византійская имперія, хотя тревожима была турками, но еще не слишкомъ бѣдствовала; по крайней мѣрѣ еще цѣлы были всѣ европейскія ея провинціи; турки, громя азіатскія ея владѣнія, посе-

лившись въ Никеѣ, не ступили еще на европейскій берегъ. Потому и вопросъ о соединеніи церквей въ первыя 50 лѣтъ XIV столѣтія еще не слишкомъ занимаетъ императоровъ восточныхъ; они сносятся съ папою и королями французскими и неаполитанскими какъ бы не хотя, какъ бы вовлеченные въ это дѣло самимъ западомъ; вовсе не высказываютъ рѣшительнаго намѣренія подчиниться римской церкви; напротивъ выставляютъ на видъ трудности, сопряженныя съ этимъ дѣломъ. Съ половины XIV в. съ вступленіемъ на престолъ Іоанна Палеолога турки проникаютъ въ Европу: положеніе имперіи дѣлается весьма опасно. Съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ о соединеніи церквей дѣлается для византійскаго двора весьма важнымъ; императоры уже сами начинаютъ сношенія съ западомъ; соглашаются на все; дѣло теперь представляется имъ уже очень удобоисполнимымъ. При начавшемся въ это время на самомъ папскомъ престолѣ движеніи въ пользу возстановленія папскаго авторитета дѣло идетъ довольно быстро, принимаются съ той и другой стороны дѣятельныя мѣры къ окончательному рѣшенію давняго вопроса. Наконецъ, въ послѣднюю четверть XIV столѣтія и въ началѣ XV, послѣ указанныхъ выше неудавшихся попытокъ, во время великаго раскола въ латинской церкви, византійскіе императоры, не видя уже на западѣ ни малѣйшей для себя поддержки, принужденные заключить миръ съ турецкими султанами и даже признать себя ихъ данниками, потеряли всякую энергію, на время примирились съ своимъ положеніемъ; а тамъ вскорѣ ихъ положеніе улучшилось, когда туркамъ нанесено было внезапное и страшное пораженіе отъ такихъ же, какъ они кочевыхъ народовъ, предводимыхъ Тамерланомъ. Вопросъ

о соединеніи церквей, такимъ образомъ, совершенно оставленъ былъ въ это время и востокомъ и западомъ; однимъ—съ отчаянія и отъ неожиданно принесеннаго ему Провидѣніемъ успокоенія; а другимъ—по увлеченію иными болѣе важными и ближе касающимися запада вопросами. Такимъ образомъ, въ разсматриваемый нами періодъ отъ ліонской уніи до флорентинскаго собора, самыя оживленныя сношенія между византійскимъ дворомъ и папскимъ мы встрѣчаемъ въ срединѣ періода; въ концѣ его мы вовсе не находимъ никакихъ сношеній; въ началѣ отношенія между ними принимаютъ характеръ уклончивый, вялый, колеблющійся.

Въ началѣ этого періода, намъ приходится, какъ мы сказали, имѣть дѣло съ дипломатическими сношеніями императоровъ византійскихъ съ королями французскими и неаполитанскими и папами, находившимися въ распоряженіи первыхъ. Много обстоятельствъ сложилось для того, чтобы французскій королевскій домъ и родственный ему неаполитанскій втянулись въ вопросъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, притязанія на константинопольскій престолъ отъ послѣдняго латинскаго императора Балдуина II, чрезъ сына его Филиппа, женатаго на дочери Карла Валуа, сицилійскаго короля, и чрезъ дочь его Екатерину Куртенайскую, вышедшую замужъ за графа Карла Валуа, перешли въ царствовавшій тогда во Франціи и Неаполѣ домъ Валуа. Притязанія эти заставляли не разъ членовъ этого дома обращать свои взоры на Константинополь. Во-вторыхъ, въ это время стали уже обращать на себя довольно многое вниманіе въ Европѣ турки; между тѣмъ всегда, а въ

это время въ особенности, инициатива крестовыхъ предпріятій (никогда, впрочемъ, въ разсматриваемое время не осуществлявшихся) принадлежала Франціи; здѣсь еще по временамъ пробуждались рыцарскія стремленія, хотя религіознаго одушевленія уже не было. Такимъ образомъ Византійская имперія, угрожаемая турками, невольно обращала на себя вниманіе во Франціи. Наконецъ, во Францію же перенесено было средоточіе духовной власти запада—папскій престолъ. Общіе интересы сближали, такимъ образомъ, Францію, Неаполь и Грецію: претензіи на престолъ, война съ мусульманами, желаніе подчинить греческую церковь французскому папѣ.

Сначала во Франціи смотрѣли на этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія претензій на константинопольскій престолъ и со стороны, доказанной ліонскою уніею, невозможности возсоединенія востока и запада въ одно религіозное общество. Съ самаго начала XIV столѣтія французскій королевскій дворъ заявилъ свои претензіи на константинопольскій престолъ и во Франціи началось небольшое движеніе политическирелигіозное. Инициатива этого движенія принадлежала брату короля французскаго (Филиппа Краснваго) графу Карлу Валуа, претенденту (по женѣ) на византійскую корону; затѣмъ оно сообщилось папѣ, который при всемъ своемъ упадкѣ и при всей своей несамостоятельности съ переселеніемъ 1303 г. въ Авиньонъ, могъ еще въ это время, т. е. на первыхъ порахъ послѣ ліонской уніи чувствовать себя болѣе или менѣе озлобленнымъ противъ восточной церкви, ускользнувшей отъ папскаго престола къ большой досадѣ этого послѣдняго и потому дѣйствовать болѣе или менѣе самостоя-

тельно, хотя, быть можетъ, желаніе угодить королевскому дому было въ немъ преобладающимъ при этомъ побужденіемъ. Въ 1304 году графъ Карлъ Валуа послалъ сказать папѣ Бенедикту XI (1303—1305), что онъ вооружается для возвращенія Константинопольской имперіи, какъ собственности его супруги, и потому проситъ папу 1) перемѣнить обѣты крестоносцевъ, намѣревавшихся отправиться въ Палестину, чтобы эти войска могли отправиться съ нимъ противъ схизматиковъ (т. е. православныхъ), 2) предоставить для издержекъ на эту войну вклады и разнаго рода пожертвованія, назначавшіяся первоначально для палестинскаго крестоваго ополченія, и наконецъ, 3) проповѣдать всеобщій крестовый походъ уже прямо для завоеванія восточной имперіи. Папы давно уже охладѣли къ освобожденію св. земли изъ-подъ иновѣрнаго ига; давно уже они злоупотребляли религіознымъ одушевленіемъ запада, пользовались имъ для возбужденія войнъ между христіанами, для пораженія личныхъ своихъ враговъ, въ особенности нѣмецкихъ императоровъ. Поэтому (не говоря уже о побужденіи, скрывавшемся въ чувствѣ досады на православную церковь) папѣ Бенедикту ничего не стоило согласиться съ желаніемъ Карла и дѣйствительно въ письмѣ (27 мая 1304 г.) онъ высказалъ Карлу, съ своей стороны, полное согласіе на всѣ его просьбы, исключая провозглашенія всеобщаго крестоваго похода, приводя въ оправданіе своего отказа войну, которую вела тогда Франція съ фламандцами (1). Въ доказательство своей готовности помогать и сочувствовать Карлу въ его предпріятіи, папа тогда же (20 іюня) писалъ по-

(1) Annal. Eccles. Rayn. ad an. 1304 n. 28.

сланіе къ прелатамъ Франціи, просилъ ихъ всѣми силами содѣйствовать предпріятію Карла; „если вы знаете“, писалъ имъ папа, „какое презрѣніе питаютъ къ намъ греки, знаете ихъ ненависть къ намъ и заблужденія въ вѣрѣ; то не имѣете нужды въ постороннемъ для себя убѣжденіи для того, чтобы съ жаромъ приняться за это дѣло“ (1). Но не такъ-то легко было составить тогда крестовое ополченіе; тогда, правда, очень охотно давали обѣты; нашивали на себя кресты и между тѣмъ преспокойно оставались на своихъ мѣстахъ и умирали не видавъ Палестины (2). Если такова была участь крестовыхъ походовъ, которые провозглашаемы были для освобожденія Гроба Господня; то тѣмъ болѣе уже такой исходъ должно было имѣть предпріятіе Карла. Правда, черезъ два года, при другомъ папѣ Климентѣ V (1305—1316) еще разъ поднятъ былъ вопросъ о завоеваніи Константинополя и даже энергичнѣе, чѣмъ прежде взялся за это дѣло новый папа. Вѣроятно болѣе въ угоду Карлу Климентъ V сильно старался утвердить его въ мысли завоевать Константинополь (3), написалъ въ этомъ духѣ нѣсколько писемъ къ Карлу, приказалъ проповѣдать крестовый походъ для завоеванія Константинопольской имперіи, обѣщая тѣмъ, которые примутъ участіе въ этомъ походѣ, отпущеніе грѣ-

(1) Ibid. n. 29. Впрочемъ папа высказывалъ и нѣсколько аргументовъ въ пользу завоеванія Константинополя; говорилъ, что къ этому побуждаетъ католика ревность по вѣрѣ, которая безъ сомнѣнія должна воспламенить сердца вѣрныхъ къ освобожденію имперіи изъ подъ власти схизматиковъ (т. е. православныхъ), затѣмъ — стыдъ для римской церкви и опасность для всего христіанства, если овладѣютъ имперіею турки и наконецъ польза отъ этого предпріятія для св. земли, такъ долго остававшейся безъ всякой помощи.

(2) Истор. кр. пох. Соч. Мишо, т. IV.

(3) Raynald Annal. Eccl. ad an. 1306 n. 6.

ховъ (1), наконецъ, буллою (31 іюня 1307 г.) объявилъ Андроника Палеолога, какъ „защитника греческой схизмы", т. е. православія, отлученнымъ отъ церкви, угрожая тѣмъ же всякому, кто окажетъ ему какую-либо помощь. Но въ это время и не такимъ сильнымъ движеніямъ суждено было разрѣшаться ничѣмъ: массы не увлекались уже болѣе религіознымъ энтузіазмомъ. Это небольшое движеніе, происшедшее при дворахъ королевско-французскомъ и папскомъ, не вызвало ничего со стороны двора византійскаго, потому-ли, что въ Константинополѣ нисколько не опасались этого движенія, имѣя въ виду воспользоваться при случаѣ противъ крестоносцевъ помощію другихъ своихъ враговъ— турокъ, или потому, что императоромъ въ это время былъ человѣкъ, заявившій себя непримиримымъ врагомъ латинянъ, которому затѣять религіозно-политическія сношенія съ латинскимъ западомъ значило измѣнить самому себѣ. Какъ бы то ни было, только сношеній между Византіею и Франціею, которыя бы относились къ этому времени, мы не находимъ.—Спустя лѣтъ 20 послѣ описанныхъ событій началось на западѣ новое движеніе, возбужденное уже не владѣтельными лицами, а однимъ изъ послѣднихъ апостоловъ крестовыхъ войнъ,— движеніе, хотя также оставшееся безъ послѣдствій, но на сей разъ увлекшее и византійскій дворъ. Теперь начали брать верхъ другія уже соображенія; претензіи на константинопольскій престолъ начали уступать стремленію противодѣйствовать успѣхамъ мусульманъ и ре-

(1) Ibid. n. 7. Походъ долженъ былъ быть проповѣданъ въ Обоихъ Сициліяхъ, въ Романьи, Анконѣ и Венеціи. Сохранилось папское посланіе объ этомъ предметѣ къ архіеп. равенскому и епископамъ Романьи. Безъ сомнѣнія, подобныя же буллы отправлены были и въ другія провинціи.

лигіозно-политическій союзъ съ православными греками занялъ мѣсто войны съ ними. Въ пылкомъ умѣ венеціанца Сануто составился планъ новаго крестоваго похода для освобожденія св. земли. Планъ его былъ плодомъ тщательнаго серьезнаго изученія прежнихъ неудачныхъ опытовъ войны съ невѣрными. Сануто написалъ даже двѣ книги, въ которыхъ изложилъ свой проэктъ новаго крестоваго похода. Онъ успѣшно возбуждалъ къ осуществленію своего проэкта папу и западныхъ государей и вездѣ принимаемъ былъ отлично. Между тѣмъ въ широкій его планъ, какъ главнѣйшее средство къ его осуществленію, входила унія церкви римской съ церковію православною греческою. Сануто зналъ, что во Франціи и вообще на западѣ не расположены къ мирной уніи съ греками; между тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что весь успѣхъ крестоваго похода зависитъ именно отъ возстановленія религіознаго мира между востокомъ и западомъ. Во Франціи думали, что если начинать крестовый походъ, то начинать его съ завоеванія восточной имперіи. Сануто думалъ совершенно иначе; онъ спорилъ съ людьми, высказывавшими подобныя мысли, преимущественно съ французскими графами, лицами, принадлежавшими къ королевскимъ домамъ Франціи и Неаполя, происходившими изъ одной общей фамиліи Валуа, наконецъ со многими кардиналами. Онъ убѣждалъ своихъ противниковъ, что завоеваніемъ константинопольской имперіи они рѣшительно ничего не достигнутъ, только разрушатъ, но ни коимъ образомъ не сохранятъ ее для себя, только окажутъ своими завоеваніями услугу туркамъ. Онъ представлялъ людямъ съ нимъ не соглашавшимся, что и сохранивъ даже въ своихъ рукахъ нѣсколько провинцій греческихъ они не въ

состояніи будутъ располагать народонаселеніемъ этихъ провинцій, сердцами народа для подчиненія его римской церкви и латинскому государству, какъ показали опыты во многихъ земляхъ (1), что нужно постепенно сдѣлать членами римской церкви, привлечь на свою сторону сперва императора, патріарха, лицъ приближенныхъ къ императору, и тогда уже самъ собою подчинится римской церкви народъ и даже пріобрѣтены будутъ для апостольскаго престола руссы, сербы, грузины и тѣ, которые находятся подъ владычествомъ франковъ, татаръ и султана египетскаго; впрочемъ, уступалъ Сануто, претенденты на византійскую корону должны быть чѣмъ нибудъ вознаграждены (2). Какъ видно, наконецъ, французскій, неаполитанскій и папскій дворы болѣе или менѣе поддались на время убѣжденіямъ Сануто; по крайней мѣрѣ самъ Сануто увѣряетъ насъ въ томъ. Итакъ Сануто въ 1324 г. обратился наконецъ къ Андронику (старшему сыну М. Палеолога) съ предложеніемъ своихъ услугъ въ пользу примиренія церквей и съ увѣдомленіемъ, что, находясь довольно долго при дворахъ французскомъ и папскомъ, онъ очень много говорилъ съ вліятельными лицами при обоихъ дворахъ на счетъ безопасности и чести византійской имперіи и будто бы нашелъ тѣхъ и другихъ расположенными раздѣлять его мысли (3).

(1) „Какъ мы это видѣли — говоритъ Сануто — въ Каирѣ, Кандіи, Мореѣ, княжествѣ Аѳинскомъ, на островѣ Негропонтѣ и другихъ странахъ, находившихся подъ владычествомъ франковъ. Народъ тамъ не подчиненъ римской церкви; а если иногда и выражаетъ свое подчиненіе, то только устами, а не сердцемъ".

(2) Raynald ad an. 1324. n. 39. 40. Все это находится въ инструкціи, которую Сануто далъ послу, отправлявшемуся къ Андронику.

(3) Еще будто бы онъ узналъ, что къ уніи расположенъ и самъ Андроникъ. Узналъ онъ объ этомъ—какъ самъ говоритъ—отъ еписк. Кафы, пришедшаго отъ Андроника.

Получивъ отъ Андроника вѣжливое, состоящее изъ общихъ фразъ, письмо, Сануто еще разъ писалъ въ 1326 г. въ Константинополь, сильно убѣждая Андроника признать надъ собою власть римской церкви (1). Папа съ своей стороны рѣшился также послать въ томъ же 1326 г. нунція къ Андронику, но приказалъ своему послу прежде отправленія въ Константинополь явиться ко двору неаполитанскому и переговорить съ королемъ и братомъ его принцемъ Тарентскимъ, къ которому вмѣстѣ съ дочерью Екатерины Куртенайской и Карла перешли притязанія на константинопольскій престолъ. Нунцій долженъ былъ узнать намѣренія того и другаго и мнѣнія ихъ относительно религіозно-политическаго союза съ православнымъ востокомъ и обо всемъ подробно отписать въ Авиньонъ (2). Вѣроятно то, что узналъ папскій посолъ отъ короля неаполитанскаго и его брата, было неблагопріятно для замысловъ Сануто; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы нунцій былъ въ Константинополѣ. Впрочемъ и весь вообще проэктъ Сануто по словамъ Мишо (3) „современники только хвалили, но осуществлять никогда не думали“ (4).

---

(1) Ibid. ad an. 1326 n. 24.

(2) Raynald. ad an. 1326 n. 26. Все это видно изъ папскаго письма къ королю неаполитанскому Роберту. Изъ этого же письма видно и то, что Андроникъ писалъ королю Франціи Карлу о своемъ стремленіи имѣть миръ со всѣми и въ частности съ христіанами.

(3) Ист. кр. пох. ч. IV, 550.

(4) Такимъ образомъ, какъ видно изъ отзывовъ еписк. Кафы объ Андроникѣ, на которыя ссылался Сануто, а также изъ письма, присланнаго къ Сануто самимъ Андроникомъ, этотъ послѣдній какъ будто сталъ нѣсколько примиряться съ мыслію объ уніи. Впрочемъ, дипломатическія письма не могутъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для сужденія объ истинномъ расположеніи того или другаго лица, особенно если эти письма состоятъ изъ такихъ общихъ выраженій, какъ письмо Андроника къ королю Франціи, гдѣ говорится о стремленіи императора быть въ

Доселѣ, какъ мы видѣли, на движенія, начинавшіяся на западѣ, константинопольскій дворъ сначала вовсе не отвѣчалъ, а потомъ, хотя и отвѣчалъ, но только по необходимости, изъ вѣжливости. Со вступленіемъ на престолъ новаго императора Андроника III младшаго (1328—1341), болѣе, чѣмъ его предшественникъ, дѣятельнаго, желавшаго заняться устройствомъ имперіи, несвязаннаго, подобно своему предшественнику—дѣду, отношеніями къ ліонской уніи, притомъ сильнѣе, чѣмъ Андроникъ II, тревожимаго турками, — при византійскомъ дворѣ пробуждается уже на самомъ дѣлѣ мысль снова войти въ сношенія съ западомъ, просить помощи бѣдствующей имперіи; хотя эта мысль высказывается еще довольно осторожно. Въ тоже самое время и западъ, устрашаемый возраставшими успѣхами турокъ (1), болѣе чѣмъ прежде расположенъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ Сануто, что нужно поддержать константинопольскую имперію. По крайней мѣрѣ венеціане, видя, что завоеванія турокъ простираются и на ихъ владѣнія, начали хлопотать на западѣ о поддержаніи Восточной имперіи и о союзѣ съ нею противъ турокъ; они,

---

мирѣ со всѣми и въ частности, въ особенности съ христіанами. Правда, Андроникъ никогда не былъ самостоятеленъ. Прежде онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ огромной партіи крайнихъ противниковъ уніи; теперь же въ послѣдніе годы своего 46-лѣтняго царствованія, когда онъ раздѣлилъ свою власть въ 1325 году съ своимъ внукомъ по имени также Андроникомъ (младшимъ), въ послѣдствіи выказавшимъ болѣе смѣлости и рѣшительности въ сношеніяхъ съ латинянами, онъ могъ поддаться вліянію либеральной партіи, окружившей молодаго Андроника, очень знакомаго, по свидѣтельству Григоры, съ кварталомъ латинянъ въ Константинополѣ, благодаря своимъ тамъ похожденіямъ. А можетъ быть даже именемъ своего дѣда тутъ дѣйствовалъ прямо Андроникъ младшій.

(1) Турки, при возникшей около этого времени новой династіи Оттомановъ, безпрестанно усиливались; въ описываемое время они отняли у грековъ Никею и перевели въ этотъ городъ свою столицу.

какъ увидимъ ниже, являлись и посредниками въ сношеніяхъ византійскаго императора съ латинскимъ западомъ. Итакъ, и востокъ и западъ, вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, обнаружили нѣкоторое стремленіе къ взаимному сближенію. Сношенія въ это время имѣютъ слѣдующій видъ. Изъ Константинополя идутъ на западъ латиняне съ устными извѣстіями касательно того, что византійская имперія бѣдствуетъ и восточный императоръ не прочь отъ уніи съ латинянами, но безъ императорскихъ писемъ. Западъ пользуется доходящими до него извѣстіями съ востока; папа пишетъ письма къ императору, пишетъ и къ королю неаполитанскому, и такимъ образомъ завязывается довольно обширная переписка—Около 1333 г. были въ Константинополѣ мимоходомъ два папскіе миссіонера изъ доминиканцевъ: Франциск Камерино и Ричардъ. По прибытіи изъ Константинополя въ Авиньонъ, они представили папѣ и кардиналамъ, что императоръ Андроникъ желаетъ подчиниться римской церкви, что онъ высказалъ имъ это желаніе и что неминуемая опасность угрожаетъ восточной имперіи со стороны турокъ, если соединеніе церквей не состоится и не будетъ оказана помощь Константинополю. Сдѣлавъ этихъ миссіонеровъ епископами и отправляя ихъ опять на востокъ (одного въ Босфоръ киммерійскій, а другаго въ Херсонесъ таврическій), папа снабдилъ ихъ письмами къ императору Андронику и къ патріарху, спрашивая послѣднихъ, въ этихъ письмахъ, желаютъ ли они бросить свои заблужденія, въ которыя вовлекъ ихъ, по его словамъ, діаволъ, и обѣщая имъ сильную помощь, если они согласны (1). Когда эти два епископа прибыли, въ 1334 г.,

(1) Rayn. ad an. 1333 n. 17, 36.

въ Константинополь (1), тогда открылось вполнѣ, въ какомъ положеніи находился тогда на востокѣ вопросъ о соединеніи церквей; тогда прямо обнаружилось нежеланіе іерархіи православной поднимать старое, всѣмъ надоѣвшее и опасное дѣло. Правда, сначала многіе изъ народа, по словамъ Григоры, изъ ревности къ православію, требовали было, чтобы самъ патріархъ вступилъ въ состязаніе съ латинянами; но ученый Григора въ частномъ совѣщаніи успѣлъ убѣдить всѣхъ епископовъ, которые безъ сомнѣнія и сами расположены были думать подобно ему (2),—успѣлъ убѣдить въ томъ, что не слѣдуетъ вступать въ состязаніе и споры съ прибывшими изъ Италіи. Много доводовъ въ пользу своей мысли приводилъ Григора. „Дѣло рѣшенное, говорилъ онъ, между прочимъ, ни мы никогда не согласимся съ ихъ мнѣніями, ни они съ нашими, хотя бы утверждали это всѣ камни и всѣ деревья“. Доказывая, что нельзя въ догматическихъ разсужденіяхъ прибѣгать къ силлогизмамъ и научнымъ доказательствамъ, такъ какъ ученіе о Божественныхъ предметахъ не подходитъ подъ наши теоріи, недоступно для нашего разумѣнія, Григора прибавляетъ: „можетъ быть и Св. Отцы отвѣчали бы полнымъ молчаніемъ на нелѣпые споры извѣстныхъ лицъ,

---

(1) Ibid. ad an. 1334 n. 2. 3.

(2) Хотя Григора и разсказываетъ, будто онъ одинъ убѣдилъ всѣхъ оставить въ покоѣ латинянъ,—изъ этого, однакожъ, нельзя выводить того, что епископы рады были вступить въ пренія съ латинскими миссіонерами. Крайне самолюбивый историкъ воспользовался, вѣроятно, случаемъ выставить при этомъ свою личность. Будучи въ данномъ случаѣ органомъ общаго мнѣнія, онъ принялъ, вѣроятно, общее одобреніе на свои слова за знакъ особенной убѣдительности своего краснорѣчія. Что іерархія была не расположена поднимать вопросъ, это видно изъ всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ событій, равно какъ изъ самой легкости, съ какою всѣ епископы согласились съ мнѣніемъ Григоры.

еслибы только не были поставлены въ крайнюю необходимость опровергать ихъ, видя, что народъ легко можетъ увлечься то тою, то другою появляющеюся ересію, будучи еще недостаточно твердъ въ вѣрѣ. Но теперь, когда *народъ такъ твердъ и крѣпокъ въ вѣрѣ, что скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ,* какая нужда въ преніяхъ, не имѣющихъ принести никакой пользы?... Еще пусть бы уже латиняне впервые насъ безпокоили своими предложеніями; тогда, можетъ быть, мы и сами охотно вступили бы въ состязаніе съ Божіею помощію. Но, такъ какъ все это уже изслѣдовано, какъ должно, опредѣлено и давностію времени вполнѣ утверждено и такъ какъ они, приходя къ намъ много разъ, столькоже разъ были и отвергаемы; то по какому праву мы будемъ теперь поднимать то, что прекрасно изложено издревле и трудиться попусту надъ повтореніемъ одного и того же“ (1). Съ доводами Григоры, по его словамъ, должны были согласиться „всѣ епископы, образованные и необразованные“, и съ папскими нунціями положено было не имѣть никакого дѣла.—Чрезъ два года послѣ путешествія въ Константинополь этихъ двухъ латинскихъ епископовъ, именно въ 1336 г., снова является къ папѣ Венедикту XII одинъ изъ латинянъ, бывшихъ въ Константинополѣ, знатный

(1) Григора, стр. 501—513. Григора упрекаетъ латинянъ при этомъ въ страсти къ силлогизмамъ, называетъ ихъ сомнѣвающимися, пытливыми, раздробляющими мысль на мелкія части подобно тому, какъ поступаютъ непріятели съ награбленной добычей. Впрочемъ, говоритъ, что и православные не изъяты отъ упрековъ въ страсти къ богословскимъ преніямъ. „Теперь—по словамъ его—тайны богословскія открыты для самыхъ ремесленниковъ, и всѣ ждутъ силлогистическихъ преній, какъ скотъ молодой травы и луговъ“.

венеціанецъ Стефанъ Дандоло и опять сообщаетъ папѣ о желаніи восточнаго императора и будто бы всѣхъ грековъ соединиться съ римскою церковію; онъ передаетъ Венедикту свой разговоръ съ Андроникомъ и знатнѣйшими изъ придворныхъ; изъ разсказа Дандоло папа узнаетъ, что греки желаютъ придти въ общеніе съ римскою церковію, готовы, если въ чемъ заблуждаютъ и будутъ уличены, оставить свои заблужденія, охотно войдутъ съ Авиньономъ въ переговоры относительно этого дѣла, именно пошлютъ своихъ апокрисіаріевъ въ Неаполь, если туда же отправитъ своихъ нунціевъ папа. И вотъ снова, въ слѣдующемъ 1337 г., пишетъ Венедиктъ XII Андронику, выставляетъ ему на видъ духовныя и матеріальныя выгоды возсоединенія православныхъ съ римскою церковію и проситъ прислать скорѣе уполномоченныхъ хлопотать по этому дѣлу; пишетъ и къ императрицѣ, супругѣ Андроника Аннѣ Савойской, убѣждая ее, какъ урожденную латинянку, дѣятельно трудиться въ пользу подчиненія греческой церкви римской; наконецъ пишетъ къ Роберту, королю неаполитанскому, заинтересованному въ судбахъ Константинополя, прося его содѣйствовать дѣлу примиренія церквей (1). Папскія посланія имѣли силу какъ при дворѣ византійскомъ, такъ и неаполитанскомъ. Въ 1339 г. отъ Андроника III пришелъ въ Авиньонъ, извѣстный въ

(1) Raynald ad an. 1337 n. 31—34. Въ письмѣ къ Андронику, не называя послѣдняго императоромъ, а только повелителемъ грековъ (graecorum moderator), въ угоду королю неаполитанскому и его брату князю тарентскому, но въ то же время, въ письмѣ къ Роберту, настаивая, чтобы греческіе послы препровождены были для переговоровъ въ Авиньонъ, Венедиктъ XII видимо колеблется между боязнію сдѣлать неугодное родственникамъ царствующаго дома и униженіемъ папскаго достоинства; онъ очевидно задѣтъ за живое предложеніемъ грековъ—вести переговоры, относящіеся къ дѣламъ религіознымъ, при дворѣ свѣтскаго государя.

послѣдствіи по спорамъ съ Паламою, архимандритъ Варлаамъ вмѣстѣ съ виновникомъ этихъ переговоровъ венеціанцемъ Дандоло. Пришли они не прямо изъ Константинополя; но сначала, какъ положено было прежде, были въ Неаполѣ и Парижѣ и запаслись рекомендательными отъ обоихъ королей письмами къ папѣ (1). Но замѣчательно, послы, кромѣ этихъ рекомендательныхъ писемъ, не принесли съ собою ничего ни отъ императора, ни отъ патріарха; они не представили папѣ никакихъ документовъ, которые бы уполномочивали ихъ вести переговоры (2). Уже одно это обстоятельство должно было показать латинянамъ, съ какою осторожностію намѣренъ дѣйствовать при этомъ византійскій дворъ. Но истинное положеніе дѣлъ вполнѣ открылось при самыхъ переговорахъ. Въ данныхъ по требованію папы запискахъ и на словахъ Варлаамъ противъ воли раскрылъ всю невозможность возсоединенія церквей. Онъ не скрываетъ, что дѣло, теперь затѣянное, есть дѣло одного императора, что императоръ не смѣетъ объявить о томъ ни высшимъ классамъ, ни народу, что всѣ питаютъ къ латинянамъ страшную ненависть; отсюда онъ выводитъ, что латинянамъ нужно какъ нибудь зарекомендовать себя въ глазахъ грековъ, что самое лучшее средство привлечь къ себѣ благорасположеніе послѣднихъ — это послать состоящее изъ войска подкрѣпленіе на помощь бѣдствующей имперіи. „Знайте говорилъ Варлаамъ, что не народъ греческій послалъ меня къ вамъ, но одинъ императоръ и притомъ втайнѣ, такъ что, если не пошлютъ ему помощи, онъ не дерз-

(1) Raynald ad an. 1339 n. 19.

(2) Barlaam et Miles responderunt praedicti, se nequamquam habere hujuscemodi litteras vel mandatum. Allat. de Consens. p. 789.

нетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами (1)... Императоръ не смѣетъ объявить своего намѣренія соединиться съ вами потому что многіе изъ знатныхъ лицъ и изъ народа, опасаясь, чтобы онъ не вздумалъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ М. Палеологъ, будутъ искать случая умертвить его (2)... Знайте еще и то, что не столько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаетъ васъ чуждыми грекамъ, сколько ненависть, которую получили къ вамъ по причинѣ жестокихъ золъ, которыя вы имъ причинили и доселѣ еще ежедневно причиняете, и соединеніе не можетъ совершиться, если не уничтожится эта ненависть чрезъ какое нибудь великое благодѣяніе, съ вашей стороны имъ оказанное, безъ чего васъ не захотятъ даже слушать (3).“ Послѣ того, какъ латиняне, прославъ помощь грекамъ, расположатъ къ себѣ, такимъ образомъ, послѣднихъ, они могутъ уже, по мнѣнію Варлаама, приступить и къ рѣшенію вѣковыхъ распрей между востокомъ и западомъ. Но опять Варлаамъ не скрываетъ, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни насиліе, ни соглашеніе при папскомъ дворѣ нѣсколькихъ образованныхъ людей. По его мнѣнію о первомъ и говорить нечего; что касается до послѣдняго, то конечно выборные изъ православныхъ очень легко согласятся съ папскими депутатами (concordabuntur

(1) Ibid. p. 793.

(2) Allat. de perp. cons. p. 799. Imperator non audet manifestare se, quod velit uniri vobiscum: quoniam si manifestasset se, multi ex principibus suis, etiam ex populo, timentes ne forte si ipse vellet, sicut fecit ipsis Michaël Palaeologus, quarerent opportunitatem interficiendi illum.

(3) Ibid. p. 693. Scitote ex hoc vere, quia non tantum differentia dogmatum separat corda graecorum a vobis, quantum odium, quod intravit in animos eorum contra latinos ex multis et magnis malis, quae per diversa tempora passi sunt Graeci a Latinis, et adhuc patiuntur per singulos dies...

vobiscum statim facillime), но изъ этого не будетъ слѣдовать, что дѣло кончено. „Когда наши послы, говоритъ Варлаамъ, возратятся на востокъ, они не въ состояніи будутъ заставить народъ думать такъ, какъ они между собой согласились; найдутся люди, которые по зависти, по тщеславію или, можетъ быть, убѣжденные, что поступаютъ хорошо, скажутъ народу: братья остерегайтесь, чтобы васъ не обольстили; эти люди (послы) или подкуплены подарками или поддались суетности; потому такъ и проповѣдуютъ; не измѣняйте ничего изъ того, что содержите. Такимъ образомъ, болѣе понимающіе дѣло и соглашавшіеся съ вами не смогутъ ничего сдѣлать и только подвергнутъ себя опасности (nihil facere poterunt, sed magis erunt in periculo a turba pereundi) (1). Для убѣжденія народа единственнымъ средствомъ можетъ служить, по мнѣнію Варлаама, вселенскій соборъ, всегда пользующійся въ глазахъ народа большимъ авторитетомъ (2). Итакъ вотъ главныя положенія, которыя развивалъ предъ Венедиктомъ XII и кардиналами Варлаамъ: императоръ одинъ хочетъ уніи; народъ питаетъ ненависть къ латинянамъ; насиліемъ ничего не сдѣлаешь; если нѣсколько лицъ заключатъ миръ съ папою, то они будутъ заподозрѣны народомъ и также ничего не сдѣлаютъ; единственное средство для возсоединенія церквей—со стороны латинянъ помощь имперіи и съ обѣихъ сторонъ въ тоже самое время вселенскій соборъ—авторитетъ для православнаго народа.—

(1) Allat. de Cons. p. 790.

(2) Ibid. quaecunque a Generali Consilio determinata fuerint, *omnes* Orientales libenter haec recipient et nemo erit, qui his contradicat. Возраженіе, почему же не принятъ былъ ліонскій соборъ, Варлаамъ рѣшаетъ такъ: illi Graeci, qui interfuerunt isti Consilio non fuerunt missi neque a quatuor Patriarchis..., neque a populo, sed a solo Imperatore.

На просьбу о помощи противъ турокъ, папа и кардиналы отвѣчали Варлааму, что греки сперва должны соединиться съ римскою церковію и потомъ уже ждать съ запада себѣ вспоможенія; иначе можетъ случиться, какъ это и бывало прежде, что получивъ отъ римской церкви помощь, они потомъ не захотятъ уже обращать на нее ни малѣйшаго вниманія (1). Что касается до вселенскаго собора, то папа и кардиналы, по обыкновенію, представляли дѣло давнымъ давно уже рѣшеннымъ, ученіе объ исхожденіи Св. Духа давнымъ давно выясненнымъ и признаннымъ будто бы на многихъ вселенскихъ соборахъ (Ефесскомъ, Толедскомъ, Ліонскомъ и др.); новый вселенскій соборъ они представляли по этому излишнимъ и кромѣ того неудобнымъ по причинѣ военнаго времени; наконецъ въ созваніи новаго вселенскаго собора видѣли такое дѣйствіе, которое будетъ бросать тѣнь сомнѣнія (in dubium revocare) на постановленія прежнихъ соборовъ. Только единственно изъ снисхожденія къ грекамъ, для наставленія ихъ въ истинахъ вѣры, папа и кардиналы соглашались, чтобы отъ всѣхъ патріарховъ явились на западъ депутаты и вошли въ сношенія съ папскими уполномоченными съ цѣлію не диспутировать съ послѣдними, но научиться отъ нихъ правой вѣрѣ (2). Вопреки папѣ и кардиналамъ Варлаамъ старался напротивъ доказать, что помощь

(1) Allat. de Cons. p. 798. Quia si fortificati, ditati et confortati per Sedem Apostolicam, Reges, Principes et populos catholicos ante reunionem, postea terga et non faciem verterent Romanae Ecclesiae, sicut aliàs, dum credebantur reuniti... fecisse noscuntur; procul dubio idem Dominus Pontif., Ecclesia et fideles alii remanerent delusi et dici posset opprobrium non modicum, quod suos et fidei juverant et fortificaverant nimicos et hostes, participassentque scandalosa cum eis.

(2) Ibid. p. 795. non per modum disputationis vel concertationis, sed instructionis...

противъ турокъ будетъ помощію не грекамъ, а всему христіанству и слѣдовательно не должна быть откладываема; высказывалъ и другія соображенія въ пользу войны съ турками, основанныя на тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ востока и запада. Защищалъ затѣмъ мысь о необходимости вселенскаго собора, доказывая, что испытаніе въ дѣлахъ вѣры никакимъ образомъ не повредитъ истинѣ, что новый вселенскій соборъ вовсе не предосудителенъ, что въ настоящее время невозможно прислать на западъ депутатовъ отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ по многимъ причинамъ, что, впрочемъ, еслибы они и были посланы, никогда не получили бы полномочія дѣлать все, что найдутъ по своему разумѣнію необходимымъ; а между тѣмъ церковь константинопольская не можетъ начать дѣла безъ восточныхъ патріарховъ; притомъ, повторялъ Варлаамъ, императоръ не можетъ сдѣлать гласнымъ переговоровъ съ латинянами. Въ заключеніе Варлаамъ предлагалъ было даже проэктъ посланія къ греческой церкви отъ лица папы,—посланія, которое, по мнѣнію его автора, если не всѣхъ, то многихъ примиритъ съ римскою церковію. Но это посланіе, которое отличалось вовсе несвойственною латинству умѣренностію, по которому допускалось, чтобы православная церковь и по соединеніи съ римской оставалась совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ была до того времени, даже въ отношеніи къ догмату объ исхожденіи Св. Духа, не было принято папою и кардиналами. Такимъ образомъ ни на то, ни на другое предложеніе грековъ папскій дворъ не хотѣлъ согласиться; не хотѣлъ хлопотать прежде воссоединенія съ греческою церковію о присылкѣ на востокъ вспомогательныхъ войскъ: не соглашался также

и на вселенскій соборъ; папа съ кардиналами, какъ видно, хорошо понималъ, что императоръ хочетъ только въ приготовленіяхъ къ вселенскому собору выиграть время, и, не сдѣлавъ ничего, воспользоваться помощію запада. Впрочемъ о всемъ происходившемъ въ Авиньонѣ Бенедиктъ XII сообщилъ куда слѣдуетъ, т. е. къ королямъ французскому и неаполитанскому (1), снабдивъ Варлаама, когда онъ отправлялся въ обратный путь, письмами къ обоимъ королямъ. Разумѣется такіе неудовлетворительные результаты авиньонскихъ совѣщаній не могли произвесть какого нибудь движенія при французскомъ и неаполитанскомъ дворахъ и дѣло осталось въ прежнемъ видѣ.

Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ царствованіе Іоанна Кантакузена (1341—1355), слѣдовавшее за царствованіемъ Андроника младшаго; также продолжались сношенія съ западомъ и Кантакузенъ поступалъ также осторожно, какъ и Андроникъ III, несмотря на усилившіяся въ его время бѣдствія имперіи внутреннія и внѣшнія. Онъ даже еще менѣе возлагалъ надежды на помощь запада и на связанный съ нею вопросъ о соединеніи церквей, чѣмъ Андроникъ. Во время междоусобныхъ войнъ съ партіею, оспаривавшею у него права на опекунство надъ девятилѣтнимъ сыномъ Андроника Іоанномъ Палеологомъ, — войнъ, кончившихся для Кантакузена вступленіемъ на престолъ, онъ рѣшился лучше соединиться съ турецкимъ Султаномъ Орканомъ, выдавъ даже за него свою дочь; но не обратился за помощію къ папѣ. Правда, когда наконецъ въ 1347 г. междоусобная война кончилась, когда прежніе

(1) Изъ письма къ Роберту неаполитанскому, помѣщеннаго у Аллація, мы и заимствуемъ всѣ вышеприведенныя свѣденія.

союзники турки могли возбудить тѣмъ сильнѣйшее опасеніе, чѣмъ въ ближайшія къ грекамъ стали отношенія; тогда Кантакузенъ рѣшился искать себѣ опоры на западѣ; но и при этомъ не слишкомъ-то увлекался мыслію о соединеніи церквей. Съ цѣлію изгладить изъ ума папы и западныхъ христіанъ неблагопріятные слухи, распространившіеся на счетъ связи его съ турками, расположить въ свою пользу сердца западныхъ христіанъ и такимъ образомъ, если удастся, найти себѣ помощь на западѣ, Кантакузенъ отправилъ въ 1348 г. троихъ свѣтскихъ пословъ къ папѣ Клименту VI (1342—1352). Онъ старался дать понять папѣ, что къ связи съ турками побудили его обстоятельства, но отнюдь не религіозныя какія нибудь расположенія. Императоръ желалъ также, чтобы папа назначилъ его главою предпріятія, приготовлявшагося тогда на западѣ противъ мусульманъ (1), объявляя, что онъ много поможетъ предпріятію, доставитъ арміи свободный проходъ въ Азію и самъ отправится съ своими войсками туда же (2). Климентъ VI очень хорошо принявъ императорскихъ пословъ, въ 1350 г. отправилъ въ Константинополь двухъ епископовъ съ двумя письмами—къ самому Кантакузену и къ военному начальнику Константинополя Ассану съ обыкновенными предложеніями оставить схизму. Кантакузенъ обошелся съ папскими послами, какъ человѣкъ сердечно желающій что нибудь сдѣлать для примиренія съ римскою церковію, но рѣшительно лишенный всякой къ тому возможности, сознающій, что дѣло

(1) Въ это время еще продолжались движенія, сопровождавшія прибытіе во Францію Петра Лузиньяна короля кипрскаго, который явился туда съ просьбами о помощи противъ каирскихъ султановъ.

(2) Cantacuz. IV. c. 9. См. Hist. Eccl. Fleuri, an. 1347 n. XLII.

это выше его силъ и потому ни въ какомъ случаѣ непринимающій на себя такой, превышающей силы одного человѣка, задачи, наконецъ возлагающій всѣ надежды въ этомъ случаѣ на вселенскій соборъ. Въ сущности Кантакузенъ выставилъ дѣло въ томъ же видѣ, какъ и Варлаамъ, только въ менѣе рѣзкихъ чертахъ. „Что касается до соединенія церквей, говорилъ Кантакузенъ, то я не могу довольно выразить, на сколько я его желаю... Однако дѣло такой важности требуетъ большой осторожности, потому что касается не временныхъ благъ, но вѣчныхъ и чистоты вѣры. Нельзя полагаться на одного себя, какъ будто возможно одному достигнуть столь высокаго знанія... Противный образъ дѣйствій не удался императору Михаилу, первому изъ Палеологовъ и только умножилъ раздѣленія“. Кантакузенъ старался въ тоже время внушить папскимъ посламъ уваженіе къ убѣжденіямъ; представлялъ имъ, что убѣжденіе въ чемъ либо вопервыхъ нетакъ-то легко уничтожить, во вторыхъ люди, не скоро поддающіеся убѣжденіямъ другихъ, суть люди, на которыхъ можно положиться, которые и по перемѣнѣ убѣжденій будутъ также вѣрны новымъ, какъ крѣпко держались старыхъ. Итакъ заключалъ свою рѣчь императоръ: „я полагаю, что должно составить вселенскій соборъ изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ и, если это случится, то Богъ не позволитъ намъ отклониться отъ истины... Мы соединимся гдѣ либо въ приморскомъ мѣстѣ, на срединѣ пути, куда придетъ онъ съ епископами западными, а я съ патріархами восточными и подчиненными имъ епископами“. Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ и получивъ отъ императора подарки нунціи возвратились на западъ. Климентъ вскорѣ послѣ этого послалъ ска-

зать императору, что его предложеніе держать соборъ ему—папѣ очень нравится, но что онъ напередъ долженъ собрать западныхъ епископовъ для того, чтобы согласиться на счетъ времени и мѣста. Не много времени спустя Климентъ снова писалъ императору, прося Кантакузена не приписывать его небреженію отсроченіе собора. „Я ничего болѣе не желаю, прибавлялъ папа, какъ только церковной уніи, но итальянскіе принцы и главнѣйшіе изъ владѣтелей нашего участка ведутъ теперь войну и готовы напасть одинъ на другаго съ многочисленною арміею, а моя обязанность, какъ общаго отца, заботиться о мирѣ между ними; когда всѣ эти обстоятельства прекратятся, я ничего уже не буду имѣть на сердцѣ кромѣ того, что относится къ собору и церковному миру". Въ отвѣтъ на это письмо императоръ послалъ въ Авиньонъ одного латинянина (Іоанна изъ Доминиканцевъ); благодарилъ папу за его добрыя намѣренія и просилъ его продолжать начатое ([1]). Смерть Климента VI (1352) не остановила сношеній византійскаго двора съ авиньонскимъ; они продолжались и при слѣдующемъ папѣ, Иннокентіѣ VI (1352—1362). Кантакузенъ, узнавъ о вступленіи на престолъ Иннокентія VI, послалъ къ нему опять доминиканца, по имени также Іоанна (можетъ быть тоже лице, которое посылалъ и къ предъидущему папѣ) съ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое желаніе церковной уніи. Иннокентій VI съ своей стороны отвѣчалъ ему также письмомъ, въ которомъ обѣщалъ ему всякую помощь духовную и матеріальную, если только онъ исполнитъ задуманное ([2]). Главнымъ же образомъ нужда была въ

([1]) Cantacuz. lib. IV, c. 9. Hist. Eccl. Fleuri, an. 1350, n. LI.
([2]) Annal. Eccl. Rayn. ad an. 1353 n. 22.

послѣдняго рода помощи, потому что кромѣ турокъ имперію снова начали тревожить внутреннія смуты: Кантакузенъ снова поссорился съ своимъ зятемъ и настоящимъ государемъ, бывшимъ подъ его опекой, Іоанномъ Палеологомъ и снова началась междоусобная война. Переписка Кантакузена съ Иннокентіемъ VI была послѣднимъ его дѣломъ; вскорѣ, въ 1355 году, Кантакузенъ долженъ былъ оставить престолъ.

Время усиленныхъ сношеній между дворами папскимъ и византійскимъ наступило только теперь, со вступленіемъ на престолъ Іоанна Палеолога (1355 — 1391). Когда Кантакузенъ, въ 1355 г., промѣнялъ императорскій престолъ на монашество, тогда дѣло, казалось, пошло очень успѣшно; по крайней мѣрѣ одна сторона совершенно перестала задерживать ходъ дѣла, перестала представлять какія бы то ни было возраженія и затрудненія къ его выполненію; Іоаннъ Палеологъ, забывъ осторожность своихъ предшественниковъ, вдругъ, безъ всякихъ возраженій, согласился рѣшительно на все, чего требовалъ папа. Но, если дѣло повидимому быстро пошло впередъ, то это только на бумагѣ и въ отношеніяхъ только между папою и императоромъ. Самъ Іоаннъ Палеологъ не скрывалъ отъ папы, что народъ греческій, отъ долговременной привычки, закоренѣлъ, какъ онъ выражался, въ православіи, и что ему, можетъ быть, не удастся привесть свой планъ въ исполненіе мирнымъ образомъ. Поставленный въ невыгодное положеніе при своемъ вступленіи на престолъ, имѣя себѣ соперника въ лицѣ сына Іоанна Кантакузена Матѳея (который объявилъ себя также императоромъ), болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, угрожаемый турками, которые вторглись теперь уже въ европейскія

области имперіи, завоевали многіе города Ѳракіи, не обладая, кромѣ того, твердостію характера и дарованіями,—Іоаннъ почувствовалъ себя въ отчаянномъ положеніи и, какъ свойственно человѣку въ такомъ состояніи духа, остановился на самыхъ несбыточныхъ, мечтательныхъ, безумныхъ планахъ. Ему казалось, что одно подчиненіе папѣ спасетъ имперію и вотъ, забывъ предшествующіе опыты, онъ начинаетъ дѣйствовать легкомысленно, очертя голову. Тотчасъ же, по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1355 г., этотъ государь заключаетъ съ папою Иннокентіемъ VI актъ подчиненія римской церкви съ своей стороны и обязательства помогать имперіи съ его стороны. По соглашенію съ папскимъ интернунціемъ, Павломъ архіеп. смирнскимъ, императоръ написалъ оффиціальную грамату и отправилъ этотъ важный документъ къ папѣ, съ вышеозначеннымъ латинскимъ епископомъ и однимъ изъ своихъ вельможъ, Николаемъ Сигеросъ. Въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилось въ этой граматѣ о подчиненіи императора папѣ и объ обязательствѣ съ его стороны подчинить всю православную церковь римскому престолу, о помощи, какую долженъ прислать папа подъ залогъ его сына Мануила и самой имперіи греческой, о томъ, что папа дѣлается по этой граматѣ полнымъ господиномъ и наслѣдника имперіи Андроника и самой имперіи, какъ скоро императоръ не исполнитъ своего слова. „Отселѣ“, писалъ императоръ въ этой граматѣ, „я пребуду вѣрнымъ, покорнымъ, почтительнымъ и преданнымъ блаженнѣйшему отцу и господину нашему Иннокентію VI, святой римской и вселенской церкви верховному первосвященнику и его преемникамъ. Употреблю всѣ возможныя средства къ тому,

чтобы всѣ народы нашей имперіи также сдѣлались вѣрными, послушными, почтительными и преданными тому же нашему отцу и верховному первосвященнику и его преемникамъ. Но, такъ какъ время ожесточило сердца народа, такъ какъ его съ трудомъ можно отвлечь отъ того, съ чѣмъ онъ сроднился, и поставить его на новый путь можно не иначе, какъ дѣйствіями мудрыми и умѣренными, то я рѣшился употребить слѣдующія средства". Но прежде изложенія этихъ послѣднихъ императоръ предлагаетъ папѣ условія, на которыхъ должно состояться подчиненіе греческой церкви римскому престолу. Предлагая Иннокентію въ заложники своего сына Мануила, Іоаннъ требовалъ, чтобы папа представилъ ему 15 транспортныхъ судовъ, 5 галеръ, 500 конницы и 1000 человѣкъ пѣхоты на шесть мѣсяцевъ для войны съ турками. Эти шесть мѣсяцевъ назначалъ императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ срокомъ для приведенія всего греческаго народа въ подчиненіе папѣ слѣдующими практическими мѣрами. „Въ продолженіе этого времени, писалъ онъ въ своей граматѣ, легатъ господина нашего папы предоставитъ бенефиціи, церковныя должности способнымъ лицамъ изъ грековъ, тѣмъ, которые добровольно согласятся принять унію и подчиниться римской церкви; онъ устроитъ все дѣло такъ, какъ покажется лучше ему и намъ. Если же греки, и послѣ 6-ти мѣсяцевъ (по прибытіи флота), не захотятъ добровольно подчиниться св. церкви, чему впрочемъ мы не вѣримъ, въ такомъ случаѣ мы постараемся, съ совѣта и представленія легата господина нашего папы, сдѣлать такъ, что они сдѣлаются послушными церкви. Мы даемъ легату подъ квартиру большой дворецъ (palatium magnum), который и останется навсегда за папою и

его легатами. Мы даримъ также ему прекрасную церковь (pulchram et venerabilem Ecclesiam), гдѣ онъ и его преемники могутъ совершать Божественную службу. Я сдѣлаю наставникомъ при моемъ сынѣ Андроникѣ латинянина для того, чтобы обучать его, согласно совѣтамъ и волѣ легата, литературѣ и языку латинянъ. Я дамъ три большихъ дома для помѣщенія латинскихъ школъ; я постараюсь также, чтобы туда ходили дѣти вельможъ и знатнѣйшихъ грековъ. Если я не исполню изъ вышесказаннаго всего или чего нибудь одного, въ такомъ случаѣ, отнынѣ и на будущее время своимъ императорскимъ словомъ утверждаю, что я не достоинъ имперіи, самъ себя лишаю на нее права, передаю, отдаю, уступаю права и власть императорскія вышепоименованному моему сыну; передаю всю мою отеческую власть, какую я надъ нимъ имѣю, верховному первосвященнику; отдаю, уступаю, передаю имперію верховному первосвященнику; онъ можетъ взять у насъ имперію для вышеозначеннаго нашего сына какъ для истиннаго и законнаго императора, можетъ избрать этому сыну жену, воспитателей, надзирателей до законнаго его совершеннолѣтія; наконецъ онъ можетъ управлять и располагать имперіею, какъ имперіею по праву ему принадлежащею. Наконецъ, если я исполню свои обѣщанія, въ такомъ случаѣ я претендую на званіе перваго капитана и знаменосца матери церкви и главнокомандующаго надъ христіанскимъ воинствомъ, которое придетъ изъ за-моря (1).—Однако этотъ безумный договоръ не принесъ Іоанну Палеологу никакой выгоды. Правда, въ слѣдствіе такого рѣ-

(1) Annal. Eccles. Rayn. ad an. 1355 n. 33, 34, 35. Послы императорскіе латинскій архіепископъ, Павелъ смирнскій и императорскій придворный Сигеросъ прибыли въ Авиньонъ въ 1356 г.

шительнаго шага со стороны греческаго императора, началась у папы дѣятельная переписка прежде всего съ самимъ Іоанномъ Палеологомъ, потомъ съ королемъ кипрскимъ, съ родосскими рыцарями, съ венеціанцами и генуезцами; но все это движеніе рѣшительно ничѣмъ не сопровождалось серьезнымъ; Іоанну Палеологу не принесло оно никакой пользы. Въ своемъ письмѣ къ императору Иннокентій распространялся въ выраженіяхъ радости по случаю осуществленія надежды на возсоединеніе церквей и въ похвалахъ Іоанну (1). Отъ родосскихъ рыцарей папа требовалъ, чтобы они, вмѣсто погруженія въ роскошь и развратъ, перенесли лучше сообразно съ своимъ назначеніемъ свое мѣстопребываніе въ турецкіе предѣлы и занялись войною съ невѣрными. Такъ же напрасно обращался папа и къ занятымъ единственно своими собственными интересами и раздорами между собою венеціанцамъ и генуезцамъ, равно какъ и королю кипрскому, который самъ нуждался въ помощи запада; папскія воззванія ко всѣмъ этимъ государствамъ о помощи для византійскаго императора остались совершенно безуспѣшны. Между тѣмъ сношенія византійскаго двора съ папскимъ продолжались. Въ отвѣтъ на папское письмо 1356 г. императоръ въ 1357 г. письменно также увѣрялъ папу въ своей вѣрности данному слову, изъявлялъ готовность послать къ нему сына своего Мануила (не смотря на увѣренія легата, что этого пока не требуется отъ него), даже обѣщалъ, если Богу будетъ угодно, явиться лично къ папѣ для засвидѣтельствованія предъ нимъ своей покорности, увѣрялъ папу, что патріарха врага уніи

(1) Папа писалъ также патріарху Каллисту, не смотря на то, что не получилъ отъ него письма; писалъ кромѣ того многимъ знатнымъ грекамъ.

онъ низложитъ и на его мѣсто поставитъ другаго, расположеннаго къ римской церкви. „Но“, прибавлялъ императоръ, „что касается до настоящаго времени, я немогу сдѣлать, чтобы всѣ мои подданные повиновались римской церкви, потому что не всѣ вѣрны и покорны мнѣ самому; напротивъ многіе ищутъ случая поднять мятежъ противъ меня самаго; впрочемъ, если вы пошлете мнѣ ту помощь, какой я прошу у васъ, въ такомъ случаѣ я исполню все (1). Въ 1359 г. Иннокентій пытался было удовлетворить требованіямъ Іоанна Палеолога, пробудить участіе на западѣ къ судьбѣ Константинополя. Буллою 11 мая 1359 г., адресованною къ Петру Томасу (бывшему прежде нѣсколько разъ посредникомъ въ сношеніяхъ визант. императора съ папою) общему легату Кипра и ближайшихъ провинцій, къ латинскому патріарху Константинополя, къ остальнымъ архіереямъ Романіи, Кипра, Крита, Смирны и ихъ викаріямъ, Иннокентій повелѣвалъ латинскимъ епископамъ поименованныхъ странъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Турокъ (2). Но и эта мѣра имѣла также мало успѣха, какъ и прежнія.—Чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣшительнѣе долженъ былъ дѣйствовать Іоаннъ Палеологъ въ своихъ сношеніяхъ съ папою. Въ 1361 г. турки взяли близкій къ Константинополю городъ Адріанополь; это было очень чувствительнымъ ударомъ для имперіи. Между тѣмъ въ тоже самое время при папскомъ дворѣ начали возникать стремленія поднять упавшій авторитетъ папскаго престола; явилась мысль перенесть резиденцію папы опять въ Римъ. Та-

(1) Это письмо Іоаннъ Палеологъ отправилъ съ тѣмъ же Петромъ Томасомъ, еп. Патти, который принесъ папскій отвѣтъ на знаменитую грамату 1355 г.

(2) Hist. Eccl. Fleur. an. 1359 n. XL.

кимъ образомъ обстоятельства препятствовали и тому й другому двору холодно взглянуть на старый вопросъ; одна сторона искала въ немъ единственнаго для себя спасенія; другая чрезъ него надѣялась сколько нибудь подняться въ своихъ собственныхъ глазахъ; этотъ вопросъ гармонировалъ съ ея настроеніемъ. Потому-то нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ вступленіемъ (въ 1362 г.) на престолъ, задумавшаго переселиться изъ Авиньона въ Римъ, папы Урбана V и со взятіемъ Адріанополя турками въ 1361 г., папа и византійскій императоръ вошли въ болѣе дѣятельныя, чѣмъ прежде, сношенія между собою. Но дѣло въ томъ, что если одна сторона готова была на всевозможныя уступки въ письмахъ, на бумагѣ, то другая, уже не довольствуясь одними подобными уступками, требовала самаго дѣла, дѣйствительнаго перехода въ римскую церковь и притомъ не одного только императора, но и клира и народа греческаго. Съ другой строны и императоръ требовалъ себѣ дѣйствительной помощи противъ турокъ, а не однихъ папскихъ обѣщаній и буллъ. Обѣ стороны находились, такимъ образомъ, въ затруднительномъ положеніи потому, что обѣ не могли исполнить взаимныхъ обѣщаній: одна не могла подчинить папѣ греческой церкви, другая—доставить для греческой имперіи нужной помощи. Объ императорѣ и говорить нечего; папа не могъ составить ополченія потому, что прошла пора подобныхъ предпріятій, притомъ грекамъ вовсе не расположены были помогать на западѣ, какъ такому народу, который не можетъ быть защитою для Европы отъ невѣрныхъ и который казался притомъ многимъ изъ западныхъ хуже самихъ невѣрныхъ (1). Но всего

(1) Видно изъ письма Петрарки, которое мы уже два раза приводили выше, равно какъ изъ многихъ папскихъ буллъ и писемъ.

этого не могли или не хотѣли понять ни папа ни Іоаннъ Палеологъ и потому, побуждаемые своими расчетами и планами, они продолжали хлопотать о совершенно невозможномъ дѣлѣ. Въ 1365 г. началась довольно обширная переписка между Урбаномъ V и Іоанномъ Палеологомъ. Въ 1365, г. говорится у Райнальда, папа, не обращая вниманія на тѣхъ, которые думали, что не нужно оказывать помощи грекамъ до тѣхъ поръ, пока не отвергнутъ они схизму, писалъ къ Іоанну Палеологу и въ своемъ письмѣ увѣрялъ послѣдняго, что онъ (папа) часто думаетъ, какъ бы помочь византійской имперіи, бѣдствующей отъ турокъ и что, хотя въ настоящее время невозможно сформировать крестоваго похода противъ турокъ, однакожъ есть надежда привесть въ исполненіе это предпріятіе, какъ скоро возстановится миръ между враждующими западными государями; въ заключеніе, разумѣется, увѣщевалъ императора самымъ дѣломъ перейти въ римскую церковь (1). Неизвѣстно что отвѣчалъ на это папское письмо императоръ; извѣстно только, что Урбанъ въ слѣдующемъ (1366) году опять писалъ въ Константинополь и на этотъ разъ уже прямо извѣщалъ Іоанна Палеолога, что ему готовы помочь Людовикъ король Венгерскій, Петръ король Кипрскій и Амедей графъ Савоійскій, но только подъ условіемъ, если императоръ исполнитъ свое обѣщаніе и подчинитъ свой народъ апостольскому престолу; въ заключеніе своего письма Урбанъ присовокуплялъ угрозу, что если греки по прежнему будутъ упрямы, то на нихъ будутъ смотрѣть какъ на язычниковъ и мытарей и не окажутъ имъ никакой помощи (2).

(1) Rayn. ad an. 1365 n. 22.
(2) Rayn. ad an. 1366 n. 1—2.

Урбанъ V, какъ видно, довольно энергично взялся за дѣло подчиненія себѣ греческой церкви; по крайней мѣрѣ онъ принялъ мѣры, чтобы какъ нибудь не оказана была помощь грекамъ до подчиненія ихъ римской церкви. Въ такомъ духѣ писалъ онъ къ королю Венгерскому. „Конечно“ писалъ Урбанъ Людовику, „мы считаемъ рѣшеннымъ, чтобы дѣло защиты грековъ съ цѣлію приведенія ихъ къ единству съ римскою церковію ты исполнилъ должнымъ образомъ; однакожъ нужно дѣйствовать при этомъ благоразумно и разсудительно, дабы не обратилось во вредъ то, что дѣлается для пользы“. По мнѣнію Урбана вопросъ о соединеніи церквей—вопросъ очень трудный и опасный; греки, по его словамъ, много уже разъ начинали переговоры о церковномъ мирѣ съ хитрою цѣлію и теперь они обратились съ предложеніемъ подчиниться римской церкви не по доброй волѣ, а единственно потому, что имъ нужна помощь венгерскаго короля (coacti pro habendo tuo succursu); поэтому папа отлагалъ исполненіе взятаго Людовикомъ на себя предпріятія на годъ, до тѣхъ поръ, пока греки не исполнятъ всего того, что потребуетъ отъ нихъ римская церковь; своею апостольскою властію разрѣшалъ венгерскаго короля отъ клятвы, какую послѣдній далъ грекамъ (1). Какъ видно, между императоромъ византійскимъ и королемъ венгерскимъ были сношенія и дѣло о походѣ противъ турокъ шло между ними успѣшно. Оно и понятно: опасность, грозившая Іоанну Палеологу грозила вмѣстѣ и Людовику венгерскому по смежности ихъ владѣній и по близости обо-

(1) Если только ты далъ ее, прибавлялъ Урбанъ. Rayn. ad an. 1366 n. 3.

ихъ къ туркамъ (1). Между тѣмъ все, что писалъ Урбанъ венгерскому королю, сдѣлалось извѣстнымъ Іоанну Палеологу. Тогда послѣдній для того, чтобы лично хлопотать о помощи противъ турокъ и лично увѣрить Людовика въ своей готовности подчиниться римской церкви отправился въ Венгрію. Здѣсь съ клятвою увѣрялъ онъ Людовика въ своей готовности повиноваться вмѣстѣ съ своими сыновьями всѣмъ повелѣніямъ апостольскаго престола. „Склоненный такими прекрасными обѣщаніями, говоритъ Райнальдъ, воспламененный желаніемъ распространенія вѣры, благочестивый государь (Людовикъ) обязался отразить нападенія турокъ, а Палеологъ съ своей стороны принять католическую вѣру и оба послали ораторовъ къ Урбану, чтобы онъ утвердилъ ихъ договоръ своимъ апостольскимъ авторитетомъ (2)“. Когда папа узналъ отъ пословъ императорскихъ и королевскихъ о всемъ происходившемъ при венгерскомъ дворѣ, то рѣшился дѣйствовать также, какъ нѣкогда дѣйствовали папы во времена Михаила Палеолога; къ длинному своему письму, наполненному множествомъ восклицаній по случаю имѣющаго вскорѣ совершиться великаго событія, Урбанъ присовокупилъ вопервыхъ формулу вѣроисповѣданія Климента IV (3), присланную нѣкогда Михаилу Палеологу и имъ подписанную, затѣмъ формулу присяги римской церкви и наконецъ формулу отреченія отъ схизмы. Вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ Урбанъ отправилъ въ Венгрію

(1) Ibid. n. 4.

(2) Ibid. Какъ видно изъ слѣдующаго письма, это были со стороны императора его придворный Георгій Магникартъ, а со стороны Людовика Стефанъ еп. нитрійскій.

(3) Объ исповѣданіи вѣры Урбанъ писалъ, что оно должно быть принято всѣми и клиромъ и народомъ.

своихъ интернунціевъ для того, чтобы утвердить все то, что король венгерскій заключилъ съ императоромъ, съ клиромъ и народомъ греческимъ (1). Дѣло такимъ образомъ пошло повидимому успѣшно (2).—Оно, казалось, еще болѣе подвинулось впередъ, когда въ 1367 году Урбанъ отправился изъ Авиньона въ Римъ и такимъ образомъ освободился отъ стѣснительной и унизительной для папскаго авторитета опеки французскихъ королей. Еще не доѣзжая до Рима, въ Витербѣ, Урбанъ V встрѣтилъ императорскихъ пословъ, которые извѣстили его, что въ непродолжительномъ времени Іоаннъ Палеологъ самъ лично явится въ Римъ засвидѣтельствовать свою покорность апостольскому престолу. Такое извѣстіе побудило Урбана написать нѣсколько писемъ—къ сыновьямъ Іоанна, къ императрицѣ, ея отцу, нѣкогда императору, Іоанну Кантакузену, къ архимандритамъ и ко всѣмъ грекамъ (calogeris Graeciae), даже патріархамъ константинопольскому, александрійскому и іерусалимскому, убѣждая всѣхъ послѣдовать примѣру Іоанна Палеолога (3). Іоаннъ Палеологъ дѣй-

(1) Rayn. ad an. 1366 n. 4.

(2) Папа въ это время, довольный уступчивостью императора, дѣятельно сталъ хлопотать о крестовомъ походѣ противъ турокъ. По свидѣтельству Райнальда, Урбанъ возбуждалъ христіанъ въ Германіи, Богеміи, Венгріи, Болгаріи. „Въ окружныхъ посланіяхъ онъ старался, по словамъ Райнальда, воспламенить вѣрныхъ къ послѣдованію за знаменами короля венгерскаго обѣщаніемъ индульгенцій (ad an. 1366 n. 4)“. Но истинное положеніе дѣлъ раскрываетъ всего лучше письмо Петрарки къ папѣ (писанное въ томъ же 1366 г.), которымъ онъ убѣждаетъ Урбана возвратиться изъ Авиньона въ Римъ и между прочимъ дѣятельно заняться завоеваніемъ Константинополя, исполненіемъ важнѣйшаго дѣла, которое давно стоитъ на очереди, покореніемъ грековъ-схизматиковъ, которые, по его словамъ, хуже самыхъ невѣрныхъ (Ibid. n. 24).

(3) Rayn. ad an. 1367 n. 5 — 7. У Райнальда же разсказывается, будто бы патріархи Филофей константинопольскій, Низонъ александрійскій и Лазарь Іерусалимскій сочувствовали дѣлу Іоанна Палеолога и

ствительно сдержалъ свое обѣщаніе; въ 1369 году онъ прибылъ въ Римъ и исполнилъ всѣ тѣ унизительные обряды, какимъ подвергались представлявшіеся папѣ западные государи, кромѣ того торжественно прочиталъ исповѣданіе вѣры, присягу въ вѣрности папѣ и отреченіе отъ схизмы (professionem, juramentum et abjurationem). 18 октября императоръ (1) отправился въ церковь Св. Духа и тамъ, въ присутствіи откомандированныхъ на этотъ случай четырехъ кардиналовъ, произнесъ все то, что отъ него требовали, т. е. исповѣданіе вѣры, присягу и отреченіе отъ схизмы. По окончаніи церемоніи кардиналы дали ему цѣлованіе, какъ истинному католику. Церемонія поклоненія папѣ исполнена чрезъ нѣсколько дней; 21 октября папа отправился въ храмъ Св. Петра и возсѣлъ на папскомъ престолѣ, одѣтый во всѣ свои папскія одежды, окруженный также торжественно одѣтыми кардиналами. Въ это торжественное собраніе вошелъ Іоаннъ Палеологъ; увидѣвъ папу, онъ сдѣлалъ три колѣнопреклоненія; потомъ, приблизившись къ папѣ, поцѣловалъ у него *ногу*, руки и *уста*. Послѣ этого па-

---

прислали Урбану письма, въ которыхъ будто бы выражали свое желаніе подчиниться папѣ. Писемъ этихъ, впрочемъ, Райнальдъ не приводитъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе это сомнительно, или по крайней мѣрѣ вовсе не такъ передано у Райнальда, какъ можетъ быть дѣло было на самомъ дѣлѣ. Обыкновенное желаніе возсоединенія церквей можетъ быть принято имъ за желаніе подчиниться папѣ.

(1) Въ документахъ, относящихся къ этому дѣлу (у Алляція въ его de regr. Cons. p. 843—852), ничего не говорится о томъ, кто именно былъ въ это время съ императоромъ. Въ папской буллѣ, данной четыремъ кардиналамъ, имѣющимъ присутствовать при торжественномъ переходѣ І. Палеолога въ римскую церковь, упоминаются только то прелаты и міряне, прибывшіе съ императоромъ (et alios graecos tam clericos et religiosos, quam etiam prelatos et laicos, existentes cum eo, qui ad ejus Ecclesiae venire voluerunt unitatem), то просто и прочіе греки (aliorum graecorum, qui venerant cum dicto imperatore et profiteri volebant).

па всталъ, взялъ императора за руку и началъ пѣть Te Deum; затѣмъ началась латинская месса, которую совершалъ самъ Урбанъ V (1). Замѣчательно, въ какой мѣрѣ довѣряли латиняне Іоанну Палеологу и вообще грекамъ. Опасаясь придирокъ и увертокъ со стороны послѣднихъ, Урбанъ принудилъ императора въ 1370 г. дать еще одинъ документъ, которымъ Іоаннъ Палеологъ во избѣжаніе обоюдности объяснялъ, что когда онъ торжественно свидѣтельствовалъ о своемъ подчиненіи римской церкви, то разумѣлъ при этомъ ту церковь, глава которой Урбанъ V, а не греческую церковь (такъ какъ греки, называя себя римлянами и свою церковь могли называть римскою (2). Тронутый такою покорностію Іоанна Палеолога, Урбанъ торжественно обѣщалъ императору притти съ западными христіанами на помощь грекамъ; но когда обратился онъ съ предложеніемъ помочь восточной имперіи къ западнымъ государямъ, то получилъ отъ нихъ только пустыя обѣщанія (3).—Безполезность всего, что дѣлалъ доселѣ греческій императоръ для спасенія своей имперіи, открылась для него вскорѣ. Возвращаясь въ Константинополь, на пути онъ былъ задержанъ своими заимодавцами въ то самое время, когда готовился отплыть изъ Венеціи и здѣсь принужденъ былъ оставаться нѣсколько мѣсяцевъ; обѣщавшій освободить отъ турокъ восточную имперію папа не хотѣлъ или не могъ помочь освобожденію восточнаго императора, задержаннаго за долги (4). Воз-

(1) Rayn. ad an. 1369 n. 1—4.

(2) Rayn. ad an. 1370 n. 4.

(3) Ibid. Окружными посланіями извѣщалъ папа всѣхъ вѣрныхъ, что теперь всѣмъ нужно относиться къ визант. императору, какъ къ католику и оказывать ему всякую помощь. Но никто не откликнулся на этотъ призывъ.

(4) Истор. крест. пох., соч. Мишо, ч. IV, стр. 584.

вратясь наконецъ въ Константинополь Іоаннъ Палеологъ тщетно ожидалъ исполненія папскихъ обѣщаній, въ кругу семейства, раздираемаго несогласіями и посреди грековъ его презиравшихъ. Цѣлыхъ три года (1370—1374) онъ ждалъ помощи отъ папы и сносился съ римскимъ дворомъ. Папа въ свою очередь тщетно ожидая подчиненія себѣ клира и народа, въ своихъ письмахъ къ императору въ эти три года напоминалъ ему о переходѣ всѣхъ его подданныхъ въ лоно римской церкви. Уже въ 1370 г. папа писалъ къ греческому *клиру*, высказывая ему, что если велика была радость для римской церкви, когда перешелъ къ ней императоръ, то еще болѣе римская церковь возрадовалась бы, если бы возвратились во св. католическую церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія, пастыри греческой церкви (1). Въ 1373 г. Григорій XI (1370—1378), принявъ императорскаго посла (Іоанна Ласкариса), прибывшаго умолять западъ о помощи, писалъ Іоанну, что западъ пока предлагаетъ ему незначительную помощь (нѣсколько галеръ) (2), что болѣе значительное пособіе византійской имперіи будетъ оказано тогда, когда возстановленъ будетъ миръ на западѣ и когда *клиръ* и народъ греческій, оставивъ схизму „изъ за которой, какъ всѣ думаютъ, (ut communis opinio est) греческая имперія дошла до ничтожества“, обратятся къ единенію съ римскою церковію; папа прибавлялъ, что когда это послѣднее сбудется, тогда „онъ самъ и западные государи будутъ безъ сомнѣнія поспѣшнѣе (promptiores) въ

(1) Rayn. ad an. 1370 n. 2—3.

(2) Тогда положено было папою, вмѣстѣ съ западными государями, для усмиренія турокъ, построить 20 галеръ, чтобы этотъ небольшой флотъ препятствовалъ переправѣ турокъ изъ Азіи въ Европу. Какъ увидимъ ниже и это обѣщаніе не исполнено.

оказаніи помощи грекамъ". Тутъ же папа совѣтовалъ императору, клиру и народу греческому (если только они хотятъ) подчиниться римской церкви и съ этою цѣлію начать снова переговоры и сношенія; просилъ ихъ также извѣстить себя письмомъ, каковы именно ихъ намѣренія (1). Такимъ образомъ Григорій XI снова поднималъ вопросъ, чувствуя, конечно, что, съ переходомъ Іоанна Палеолога въ латинство, дѣло возсоединенія церквей не подвинулось въ сущности ни на шагъ. Григорій не ограничился одними совѣтами, а сталъ принимать и мѣры къ подчиненію себѣ всей греческой церкви. Такъ въ 1374 г. онъ спрашивалъ одного латинскаго епископа (Раймунда Еп. Патавенскаго), жившаго на востокѣ, „сколько нужно употребить усилій" для того, чтобы привесть грековъ въ подчиненіе римской церкви и почему императоръ не доводитъ до конца начатаго имъ дѣла (2). Занятый подобными соображеніями, Григорій рѣшился въ томъ же 1374 г. отправить въ Константинополь своихъ легатовъ съ полномочіемъ принять въ лоно римской церкви клиръ и народъ греческій. Легаты (пять человѣкъ) снабжены были вопервыхъ довѣрительными граматами къ клиру и народу греческому, формулами римскаго исповѣданія вѣры, присяги и отреченія отъ схизмы, наконецъ письмомъ къ императору, увѣрявшимъ послѣдняго, что греческій народъ можетъ отвратить опасность, грозящую ему со стороны турокъ, единственно только чрезъ тѣснѣй-

---

(1) Ibid. ad an. 1373 n. 1 et 2.

(2) Папа для чего-то требовалъ еще, чтобы его корреспондентъ епископъ сообщилъ ему документы, относящіеся къ сношеніямъ православной церкви съ латинскою во времена Климента IV, т. е. съ 1342—1352. Rayn. ad an. 1374 n. 1.

шій союзъ (arctissimum foedus) съ римскою церквію (1). Что дѣлали папскіе послы въ Константинополѣ и какъ ихъ тамъ приняли, сказать этого не можемъ по недостатку историческихъ данныхъ; можемъ только (впрочемъ почти съ несомнѣнностію) полагать, что они не имѣли тамъ рѣшительно никакого успѣха. Между тѣмъ, какъ папа такъ наивно недоумѣвалъ, почему императоръ не доводитъ до конца начатаго имъ дѣла и принималъ указанныя выше мѣры, обстоятельства показали, что всѣ планы папы и императора были чистыми мечтами. Устрашенный побѣдами турокъ, Іоаннъ Палеологъ заключилъ въ 1374 г. съ Амуратомъ союзъ, призналъ себя его данникомъ и обязался вмѣстѣ съ турками ходить на войну по приказанію турецкаго султана. Узнавъ о такихъ печальныхъ событіяхъ на востокѣ, Григорій XI могъ отвѣчать Іоанну Палеологу только соболѣзнованіемъ къ его несчастному положенію, но не могъ возбудить въ западныхъ государяхъ дѣятельнаго участія къ судьбѣ бѣдствующей имперіи (2). Довольно энергично хлопоталъ въ это время папа о помощи для константинопольскаго императора, писалъ

(1) Ibid. n. 1—3.

(2) Впрочемъ даже въ 1375 г. Григорій XI все еще не терялъ надежды на подчиненіе себѣ православной церкви. Намѣреваясь, подобно своему предшественнику (Урбану V), но уже навсегда, оставить Авиньонъ и переселиться въ Римъ и узнавъ, что бывшій имп. Іоаннъ Кантакузенъ, а теперь инокъ, высказался въ пользу первенства римской каѳедры (въ диспутѣ между папскими нунціями, шедшими въ Арменію, и православными),—Григорій XI съ надеждою остановилъ свои взоры на инокѣ императорѣ. Въ своемъ письмѣ отъ 1375 г. къ Кантакузену онъ рисуетъ послѣднему широкое поприще дѣятельности въ пользу римской церкви; старается внушить ему, что, по своему вліянію и авторитету, онъ можетъ быть заправителемъ великаго дѣла, приглашаетъ его для личнаго съ собою свиданія и совѣщанія въ Римъ, куда, по его словамъ, и онъ самъ намѣренъ прибыть въ слѣдующую осень. См. Rayn. ad an. 1375 n. 2 et 3.

много писемъ къ венгерскому королю, къ родосцамъ, приказывая послѣднимъ переселиться въ предѣлы византійской имперіи для войны съ турками, къ генуезцамъ и венеціанцамъ. Въ письмѣ къ королю венгерскому, изчисляя все, что дѣлалъ Іоаннъ Палеологъ въ угодность римскому престолу для полученія помощи съ запада, папа писалъ: „и не смотря на все это императоръ доселѣ не могъ получить этой помощи (illud auxilum tamen adhuc obtinere nequivit) (1)". Это были послѣднія усилія папы, желавшаго, подобно своему предшественнику, поднять упавшій авторитетъ своего престола, но неуспѣвшаго въ своемъ намѣреніи. Чрезъ два года послѣ описанныхъ выше событій престолъ папскій находился въ такой же почти опасности, въ какой и византійская имперія, и папѣ было уже не до подчиненія себѣ восточной церкви. Попытка Григорія XI освободиться изъ подъ вліянія французскихъ королей дорого стоила папскому престолу: съ 1378 г. начался въ западной церкви, такъ называемый, великій расколъ.

Слѣдующія за тѣмъ времена съ 1378 г. (до 1415, когда начались сношенія съ Римомъ, кончившіяся флорентинскимъ соборомъ) вопросъ о соединеніи церквей рѣшительно не занималъ никого, пересталъ быть даже предметомъ дипломатической переписки. Папы и антипапы были заняты ожесточенными спорами между собою. Императоры византійскіе, испытавъ всю неосновательность своихъ расчетовъ на папу и его содѣйствіе имперіи, не знали теперь сверхъ того, къ которому изъ двухъ или трехъ папъ обратиться. Правда,

(1) Ibid. n. 6.

состояніе имперіи тогда было таково, что если когда, то въ эти особенно времена она нуждалась въ помощи запада. Вся византійская имперія заключалась почти въ стѣнахъ одного Константинополя. Да и въ самомъ Константинополѣ императоръ не былъ полновластнымъ государемъ. Іоаннъ Палеологъ, который задумалъ было укрѣпить свою столицу, принужденъ былъ по приказанію султана разрушить начатыя имъ укрѣпленія. Сынъ Іоанна Мануилъ долженъ былъ платить дань султану въ 10,000 флориновъ. По настоянію султана въ Константинополѣ построена была мечеть и допущенъ кадій для мусульманъ. Турки постоянно были въ виду Константинополя и эта столица находилась такимъ образомъ какъ бы въ постоянной осадѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, казалось, непремѣнно должны были завязаться, по примѣру прежнихъ временъ, сношенія между императорами и папами. Сношенія дѣйствительно разъ было и начались. Мануилъ Палеологъ (1391—1425) обратился къ папѣ въ тяжелую для имперіи минуту, въ то время, когда Баязетъ въ 1393 г. осаждалъ Константинополь и обязалъ Мануила вышеприведенными тягостными и унизительными условіями. Мануилъ писалъ къ папѣ Бонифацію IX, прося у него помощи противъ турокъ и кончено выставляя себя расположеннымъ къ подчиненію римской церкви (1). Папа отвѣтилъ на его просьбу тремя буллами, которыми повелѣвалось проповѣдать крестовый походъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ туркамъ (2). Но это былъ, сколько

(1) Содержаніе этого письма не вполнѣ извѣстно. Оно не приводится у Райнальда. О содержаніи его узнаемъ изъ папскихъ буллъ. Rayn. ad an. 1394 n. 23 et caet.

(2) Ibid.

намъ извѣстно, единственный случай, когда императоръ обратился къ римскому престолу въ разсматриваемое нами время, т. е. съ 1378 до 1415. Этотъ же случай показалъ Мануилу, что совершенно излишне обращаться къ папѣ, что нужно дѣйствовать на другихъ и другими средствами, обращаться не къ папѣ, а къ рыцарямъ и баронамъ, дѣйствовать не на религіозное чувство западныхъ христіанъ, уже изсякшее, а на рыцарскій духъ, еще жившій во Франціи. Въ то время, когда просьбы Мануила и буллы папскія не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на западѣ, послы венгерскаго короля, обратившись къ французскому двору и воззвавши къ рыцарскому духу французскихъ бароновъ, произвели сильное движеніе на западѣ: составилось огромное ополченіе (1). Какъ видно, это обстоятельство произвело на Мануила впечатлѣніе, потому что, послѣ пораженія при Никополѣ короля венгерскаго и соединившихся съ нимъ западныхъ дружинъ (1395 г.), опять почувствовавъ себя въ отчаянномъ положеніи и рѣшившись лично отправиться на западъ просить помощи противъ турокъ, онъ обратился уже не къ папѣ, а прямо къ западнымъ государямъ, ѣздилъ въ Венецію, Миланъ, Парижъ и даже въ Англію; хотя и на этотъ разъ его хлопоты не принесли ему ничего (3). А затѣмъ съ 1402 г. такъ расположились обстоятельства на востокѣ, что императоръ византійскій не имѣлъ уже нужды прибѣгать не только къ посредничеству папы, но и вообще къ помощи запада. Судьба на время улыбнулась несчастной византійской имперіи; съ 1402 до 1423 года для нея наступило такое время, когда она мог-

(3) Ист. крест. пох. Соч. Мишо, т. IV, стр. 590 и дал.

(1) Rayn. ad an. 1400 n. 8.

ла отдохнуть немного отъ предшествовавшихъ потрясеній. Страшная битва (1402 г.) между Баязетомъ и Тамерланомъ доставила на нѣсколько лѣтъ спокойствіе византійской имперіи. Цѣлыхъ 20 лѣтъ турки не могли оправиться отъ нанесеннаго имъ удара. Притомъ сыновья Баязета вели междоусобную войну и потому не нарушали мирнаго договора, заключеннаго Мануиломъ съ сыномъ Баязета Солиманомъ, даже возвратили греческой имперіи многіе отнятые у нея города. Такъ что только около 1415 г. Мануилъ возобновляетъ сношенія съ западомъ, которыя и имѣли слѣдствіемъ флорентинскую унію.

Очеркъ флорентинской уніи (1415—1453) (1).

Уже на соборѣ Констанскомъ (1414 г.) присутствуютъ греч. послы (21 чел.), впрочемъ безъ полномочія хлопотать объ уніи. Въ 1415 г. ѣдетъ съ востока на Констанскій соборъ посолъ (Евдемонъ) уже прямо съ цѣлію хлопотать по дѣлу объ уніи. Благосклонный пріемъ его папою (Мартиномъ V) и любезное посланіе послѣдняго въ Константинополь въ 1418 г. побудили императора и патріарха къ новому посольству на западъ (1418 г.) съ изъявленіемъ въ граматахъ отъ обоихъ готовности къ церковному миру и къ созванію вселен-

(1) Теперь слѣдовало бы изложить подробно попытки къ соединенію церквей во времена флорентинскаго собора; но съ одной стороны имѣя въ виду, что есть уже на русскомъ языкѣ прекрасное сочиненіе, посвященное этому предмету, съ другой — находя свое сочиненіе и безъ того очень длиннымъ, мы представляемъ только *общій очеркъ* событій флорентинской уніи.

скаго собора, но только въ Константинополѣ. Въ 1422 году во время собора въ Павіи новое посольство отъ папы на востокъ съ запросомъ о мѣстѣ и времени собора и условіяхъ соединенія. Отвѣтъ, данный по смерти Мануила уже новымъ императоромъ—Іоанномъ VI Палеологомъ и П. Іосифомъ и настаивавшій кромѣ помощи визант. имперіи на созваніи собора именно въ Константинополѣ,—обсуждаемъ былъ на Сіенскомъ соборѣ (1423 г.), но дѣло это отложено до времени. Въ 1425 г. ѣдетъ на востокъ снова посольство отъ папы съ цѣлію убѣдить грековъ на созваніе собора въ Италіи. Отвѣтное греч. посольство (1425 г.) не извѣстно по содержанію порученій. Съ Базельскаго соб. (1431 г.), со временъ папы Евгенія IV, посольства съ той и другой стороны безпрерывныя (1).

Трудно сказать, кто въ комъ болѣе заискивалъ во время этихъ предварительныхъ сношеній до 1437 г., папы ли, старавшіеся привлечь грековъ на западъ и чрезъ нихъ дать западн. соборамъ другое направленіе или греки—въ папахъ. Но на востокѣ уже не такъ идутъ теперь къ рѣшенію вопроса, какъ во времена ліонской уніи. Императоръ уже не отдаляетъ намѣренно двѣ стороны одну отъ другой, не становится между ними преградою, какъ во времена Ліонской уніи, не беретъ всего на себя предъ латинянами и православными, не увѣряетъ первыхъ, что все отъ него зависитъ, что ему ничего не стоитъ подчинить греческую церковь папѣ и не проситъ послѣднихъ (православныхъ) также во всемъ полагаться на него, не мѣшать ему имѣть дѣло

(1) См. Ист. флор. собора Моск. 1847 года и очень хорошее соч. Unionsverhand. seit d. Anf. d. XV Jahrh. zum. d. Conc. v. Ferrara — Thishman. 1858.

самому съ папою, напротивъ видимо боится отвѣтственности предъ народомъ и іерархіею особенно по смерти патріарха Іосифа, избѣгаетъ по возможности принужденія, явныхъ насильственныхъ мѣръ и поспѣшности при рѣшеніи вопроса. Іерархія, и латинская и православная, становятся лицомъ къ лицу: со стороны императора дѣло передается на отвѣтственность православной іерархіи; ей предоставляется рѣшить его такъ или иначе (конечно это вовсе не значитъ того, будто императоръ не старался имѣть и дѣйствительно не имѣлъ на нее вліянія). Дѣло принимаетъ *видъ* вселенскаго собора. Давнишняя мысль о созваніи послѣдняго осуществляется. На соборѣ въ Феррарѣ и Флоренціи являются, чего никогда не бывало, не только императоръ и патріархъ греческіе, но и представители другихъ патріаршихъ престоловъ востока. Соборъ идетъ очень медленно, тянется около двухъ лѣтъ (съ 9 апр. 1437 г. до 6 іюля 1439 г.), сперва среди утомительныхъ споровъ и разсужденій догматическихъ о разногласіяхъ между церквами, а потомъ среди придумыванья различныхъ формулъ, въ которыхъ бы спорное ученіе могло быть выражено, сколько можно удовлетворительнѣе для той и другой стороны. Но ни стремленія одной стороны убѣдить другую, ни примирительныя формулы не удались. За то удались хитрыя мѣры папы и отчасти (не слишкомъ впрочемъ энергичныя) убѣжденія императора (1). Папа отказалъ православнымъ въ средствахъ содержа-

(1) Императоръ довольно скоро понялъ неосновательность своихъ расчетовъ на помощь запада и началъ сомнѣваться въ нравственномъ вліяніи папы на западѣ; притомъ, какъ мы уже сказали, очень хорошо зная судьбу М. Палеолога, опасался брать на себя отвѣтственность въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ соединеніе церквей или, лучше, подчиненіе греческой церкви папѣ.

нія, склонялъ въ тоже время различнаго рода обѣщаніями епископовъ и тѣмъ и другимъ путемъ, при помощи недостойныхъ отступниковъ отъ православія, достигъ своей цѣли. Въ крайности, почти всѣ епископы (1) православные принуждены были уступить латинянамъ. Но уступая необходимости, отвсюду опутанные сѣтями, не желая умереть съ голода или перенести всѣ бѣдствія дальняго пути безъ всякихъ средствъ, они въ тоже время во глубинѣ души рѣшили, что заключенный ими миръ съ латинянами одна пустая форма, существуетъ только на бумагѣ. Послѣ уже того, какъ объявлено было возсоединеніе церквей, они не участвовали съ латинянами въ Богослуженіи, не принимали отъ нихъ пріобщенія Св. евхаристіи; въ латинскихъ храмахъ совершали литургію (какъ напримѣръ въ Венеціи) на греческихъ антиминсахъ, съ греческими священными сосудами, не поминали при этомъ папу, не дѣлали прибавки къ символу; по прибытіи же въ Грецію открыто и съ глубокою горестію говорили, что они продали вѣру, измѣнили православію. Вотъ почему почти не поддерживаемая хотя изъ опасенія раздражить папу и не отвергаемая императоромъ, совершенно не признанная іерархіею и народомъ унія долго не могла быть обнародована. Прошло около 12 лѣтъ (1439—1452), умеръ самъ Іоаннъ Палеологъ (1448 г.), смѣнилось двое патріарховъ (Митрофанъ, бывшій митрополитъ Кизическій и, послѣ трехлѣтней вакантности патріаршаго престола, Григорій Мамма), а подчиненіе православной церкви папѣ все еще не было объявлено. Были смуты

(1) Исключая Марка Ефесскаго и тѣхъ, кто или не дожилъ до конца собора (патр. Іосифъ и митр. Сардскій) или кто успѣлъ скрыться изъ Флоренціи (Исаія Ставроп. и еп. Иверскій).

въ церкви православной, шла полемика, но открытаго признанія возсоединенія съ Римомъ еще не было сдѣлано. Сторона защитниковъ уніи была слишкомъ слаба и не многочисленна. Правда, подобно какъ и во времена ліонской уніи, было трое или четверо горячихъ ея приверженцевъ: Виссаріонъ Никейскій, Исидоръ Русскій, Митрофанъ Кизическій и императорскій духовникъ Григорій Мамма (были конечно и другіе менѣе рѣшительные ея приверженцы); правда два послѣдніе, одинъ послѣ другаго, стояли во главѣ іерархіи, были патріархами; но имъ нельзя было теперь дѣйствовать открыто, какъ во времена М. Палеолога; они должны были дѣйствовать или силою убѣжденія или хитрыми, для всѣхъ впрочемъ замѣтными, мѣрами, мало по малу вводя въ клиръ людей способныхъ измѣнить православію. Такимъ образомъ унія во времена и послѣ флорентинскаго собора не имѣла ни внутренней силы, ни внѣшней значительной, открытой поддержки со стороны правительства. Уже при слѣдующемъ императорѣ, преемникѣ Іоанна Палеолога, Константинѣ Палеологѣ, не болѣе какъ за 4 мѣсяца до окончательнаго паденія имперіи, среди отчаяннаго положенія дѣлъ, она объявлена была (12 дек. 1452) въ храмѣ Св. Софіи, при самомъ не многочисленномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ имперіи, послѣ того какъ въ предъидущіе годы нѣсколько разъ и въ Іерусалимѣ (1443 г.) и въ Константинополѣ (около 1450 г.) была отвергнута всѣми іерархами востока и слѣдовательно, не имѣя за собою силы нравственной, лишена была и основъ церковно-каноническихъ, законности юридической. Весь православный греческій народъ и почти вся іерархія одушевляемы были тѣмъ же чув-

ствомъ, какимъ проникнутъ былъ Геннадій Схоларій, усвоившій себѣ всю ревность по православію своего друга Марка Ефесскаго, тогда уже скончавшагося. „Я никогда не отступлюсь отъ тебя, любезное православіе, говорилъ Геннадій, и не скоро тебя, священное преданіе, доколѣ духъ мой будетъ обитать въ семъ тѣлѣ (1)“. Когда совершалось въ Софійскомъ храмѣ чтеніе акта о соединеніи церквей, толпы православныхъ отправилась въ монастырь Вседержителя къ Геннадію Схоларію. Утвержденные послѣднимъ еще болѣе прежняго въ своихъ убѣжденіяхъ, они расторгли всякое общеніе съ уніатами; тѣхъ, которые имѣли общеніе съ послѣдними — епископы и священники подвергали эпитиміямъ; не хотѣли посѣщать даже храмъ Св. Софіи, въ которомъ происходило чтеніе акта. Взятіе Константинополя турками (29 мая 1453 г.) черезъ четыре мѣсяца послѣ описанныхъ событій, сдѣлавъ излишнимъ всякіе хлопоты о помощи не существовавшей болѣе имперіи, нанесли рѣшительный ударъ флорентинской уніи. Итакъ флорентинская унія со свѣми предшествовавшими и сопровождавшими ее событіями есть время послѣднихъ (сначала энергичныхъ, потомъ постепенно ослабѣвающихъ) усилій византійскихъ императоровъ путемъ угожденія папѣ достичь своихъ политическихъ цѣлей; далѣе она есть время самыхъ постыдныхъ, низкихъ ухищреній папы, діалектическихъ преній между латинскою и православною іерархіями,—составленія примирительныхъ формулъ съ той и другой стороны (особенно же со стороны измѣнниковъ православія), — время по преимуществу дѣятельности іерархіи подъ вліяніемъ политиче-

(1) Fabr. Bibliot. Graec. T. XI, p. 359. Ист. флор. собора. М. 1847 года, стр. 202.

скихъ соображеній и правительства, которое впрочемъ болѣе или менѣе сдерживало и замаскировывало свое на нее вліяніе. Вопросъ о соединеніи церквей во времена флорентинскаго собора и послѣ него исчерпанъ былъ вполнѣ. Теперь нельзя уже было ссылаться на поспѣшность и крутыя, насильственныя мѣры Михаила Палеолога и имъ однимъ приписывать весь неуспѣхъ дѣла. Теперь дѣло шло болѣе или менѣе путемъ убѣжденій, изслѣдованій, соглашеній почти по всѣмъ главнымъ пунктамъ разногласія между латинскою и православною церквами (а не по одному только пункту о Св. Духѣ, какъ было во времена ліонской уніи); обѣ стороны стали здѣсь лицемъ къ лицу и въ теченіи двухъ лѣтъ имѣли время переговорить о многомъ; насиліе допускаемо было (особенно со стороны греческаго императора), въ ограниченныхъ размѣрахъ и никогда не выражалось въ крайнихъ грубыхъ формахъ и — однакожъ миръ церквей не состоялся между самыми представителями православія и латинства, не говоря уже о народныхъ массахъ; сами византійскіе императоры увидѣли наконецъ всю несбыточность своихъ плановъ и охладѣли къ нимъ (1).

(1) Все дѣло представлено здѣсь такъ, какъ оно изложено въ извѣстномъ сочиненіи: „Истор. флор. собора“. Моск. 1847 г. Въ своемъ сжатомъ очеркѣ флорентинской уніи мы старались показать одни только общія отношенія того времени между папою и латинянами съ одной стороны и правительствомъ, іерархіею и народомъ православнымъ съ другой, имѣя при этомъ въ виду сопоставить флорентинскую унію съ ліонской. Но мы не показали частнѣйшихъ взаимныхъ отношеній между правительствомъ, іерархіею и народомъ православнымъ, какія явились между ними вслѣдствіе такого, а не другаго отношенія ихъ къ латинянамъ. Сдѣлать послѣдняго не позволилъ намъ объемъ нашего сочиненія, невозможность обрисовать эти отношенія, не пускаясь въ частности, отчасти наконецъ недостатокъ въ этого рода фактахъ.

Мы уже показали, въ самомъ началѣ нашего сочиненія, въ чемъ заключалась *главная* причина безуспѣшности всѣхъ вообще попытокъ къ соединенію церквей, слѣдовательно и описанныхъ нами, съ Флорентинской уніей включительно. Причина эта, какъ мы сказали, заключалась въ разнородности направленій, легшихъ въ основу православія и латинства. Въ самой глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, въ началахъ, какими одушевлялись латинство и православіе, была отчужденность, непримиримость. Не могли эти начала уступить мѣсто одно другому, уничтожиться или взаимно замѣниться одно другимъ. Православіе, какъ истинное начало, одушевлявшее истинную христову церковь, не могло уступить мѣсто односторонности— латинству. Латинство, въ свою очередь, все проникло крайними стремленіями; эти стремленія, развиваясь все болѣе и болѣе, превратились въ его душу, въ силу, которая или переработывала или отвергала все то, что не подходило къ ея настроенію, которая была *живуча*, устойчива и доселѣ еще остается такою. Также невозможно было, чтобы истинное начало, одушевлявшее православіе, и одностороннее ложное, — проникавшее католичество, не уничтожая другъ друга, примирились между собою.

„Многихъ", скажемъ съ знаменитымъ защитникомъ православія Маркомъ Ефесскимъ, „соблазняла мысль, что можно отыскать нѣчто среднее между двумя ученіями. Но можно найти такой оборотъ рѣчи, который бы имѣя обоюдное значеніе, выражалъ нѣчто среднее между двумя ученіями; а ученіе среднее между двумя противоположными объ одномъ и томъ же предметѣ невозможно: ибо иначе оно должно быть чѣмъ-то среднимъ

между истиною и ложью, утвержденіемъ и отрицаніемъ“ (1). Нельзя не признать глубокой истинности *за этимъ воззрѣніемъ* Марка Ефесскаго. Такое безцвѣтное и безжизненное явленіе, какъ нѣчто среднее между истиною и ложью или односторонностью, не могло и никогда не можетъ долго существовать; оно можетъ имѣть мѣсто только въ мысли, но никакъ не въ жизни. Итакъ, на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появлялись стремленія къ соединенію церквей. Они являлись, если можно такъ выразиться, какъ жалкія растенія на самой тонкой поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ.—Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ простымъ сердцамъ, къ тому огромному большинству православныхъ, которые чувствовали истинность православія и непримиримость его съ латинствомъ, были ему преданы всею душею, хотя, по свойственной человѣку способности увлекаться, и впадали въ односторонности и крайности; ратовали за правое дѣло, хотя часто ихъ ревность была не по разуму; испытывая на себѣ множество неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ виною отчасти были западные христіане, слишкомъ далеко увлекались отвращеніемъ къ латинству. Но истина не потому истина, что хороши и безукоризненны органы, которыми она выражается и въ жизни которыхъ она проводится, а потому что она такова сама въ себѣ. Равнымъ образомъ и ложь, не потому ложь, что она выражается въ крайнихъ формахъ, проводится, проповѣдуется лицами недостойными; нѣтъ, она остается ложью и тогда, когда облекается доволь-

(1) Synod. Flor. T. 2, p. 369 et sq. См. Ист. флор. соб. М. 1847 года стр. 192—193.

но благовидною наружностію. Послѣднее, впрочемъ (т. е. что ложь принимаетъ благовидную наружность), въ данномъ случаѣ не приложимо: массы латинянъ, какъ мы видѣли, не чужды были всѣхъ тѣхъ крайностей въ выраженіи своего отвращенія отъ православія, въ какихъ можно упрекнуть православный греческій народъ, не смотря на то, что имъ сравнительно гораздо менѣе приходилось страдать отъ православныхъ, чѣмъ греческому народу отъ ихъ самихъ. Но не это бросаетъ невыгодную тѣнь на латинство; все равно какъ нельзя подобнаго же обращать въ упрекъ православію. Православія и латинства не составляютъ личности; личности только ихъ органы. Религіозныя, какъ и всякія начала, выше личностей и не должны быть смѣшиваемы съ послѣдними.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно читать:
6	прим. 1:	Тирсита	Тарента
13	4 снизу:	кромѣ Константинополя	кромѣ константинопольскаго
26	11 сверху:	Андріанъ II	Адріанъ II
34	3 —	дружинъ, но и промышленость	дружинъ, но и промышленныхъ народовъ, купцовъ запада. Промышленность
—	8 —	Но по мѣрѣ того	По мѣрѣ того
38	прим. 2:	Стоитъ напротивъ	Стоитъ напримѣръ
40	15 снизу:	передаванные	передаваемые
—	14 —	Вильг. Мальмей	Вильг. Тирскій
—	прим. 1:	crutiatibus	cruciatibus
42	6 сверху:	что знали	что знаемъ
48	прим. 3:	состояли	состоятъ
55	прим. 2:	Фурлъ	Фурнъ
59	прим. 1:	micit	misit
—	—	interalia	inter alia
—	—	Achridinum	Achridenum
60	прим.	offendisula	offendicula
64	6 снизу:	выражавшимися	выражавшимся
—	послѣдняя:	carsinalium	cardinalium
69	6 снизу:	далѣе	долѣе
77			
78			
79			
80			
82			
84			
85			
95	въ примѣчаніяхъ:	Henry Hist. Eccl.	Fleury Hist. Eccl.
100			
103			
104			
106			
108			
110			

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно читать:
86	10 снизу:	новѣйшаго историка	извѣстнаго историка
90	9 —	втѣстѣ	вмѣстѣ
92	5 —	слѣдовало	слѣдовательно
96	прим. 2:	petitiones	petitiores
98	прим. 1:	Non mode	Non modo
101	4 снизу:	и находилось	находилось
102	11 сверху.	они всѣ	они весьма
104	15 —	Вескаръ	Лескаръ
120	6 —	которою	котораго
132	2 —	и во время	во время
134	7 снизу:	но совершенно	и совершенно
137	5 —	и Людовикъ	Людовикъ
143	6 сверху:	Мелитиніонъ	Мелитиніотъ
148	прим. 1:	Drossart.	Grossart.
185	1 сверху:	стремленію	стремленія
—	5 —	которыя	которая
—	2 снизу:	приписывать	приписывать

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ